

Ясунари Кавабата

Стон горы

Стон горы

1

Синго Огата чуть нахмурился, чуть приоткрыл рот, – похоже, он о чем-то задумался. Со стороны, может быть, и не видно, что он задумался. Кажется – он грустит.

Его сын, Сюити, сразу заметил это, но такое случалось часто, и он не встревожился.

Сюити понимал состояние отца – он не просто задумался. Он пытается что-то вспомнить.

Отец снял шляпу и опустил на колени, не выпуская ее из рук. Сюити молча взял у него шляпу и положил в багажную сетку.

– Э-эта, как ее... – В такие минуты Синго с трудом подыскивал слова. – Прислуга, которая недавно уехала в деревню, как ее звали?

– Каё, по-моему.

– Да, да, Каё. Когда она уехала?

– В четверг на прошлой неделе, значит, пять дней назад.

– Пять дней назад? Прислуга взяла расчет всего пять дней назад, а я уже не помню ни ее лица, ни как она была одета. Это ужасно.

Отец преувеличивает, подумал Сюити.

– Это случилось дня за два, за три до отъезда этой самой Каё. Я собрался на прогулку, стал надевать тэта и говорю: «Что это у меня па ноге, уж не экзема ли?» А Каё отвечает: «Ну что вы, просто натерли любимый мозоль». Честно говоря, меня это даже тронуло. Я, видимо, действительно натер мозоль на прогулке. Так вот, я подумал, что «любимый» ко мне относится. И растрогался. А теперь понимаю, что она говорила о «любимой мозоли». Так что умиляться было не от чего. Просто неграмотно выразилась. Это и сбilo меня с толку. Я только сейчас сообразил, – сказал Синго. – Понимаешь мою ошибку?

– Понимаю.

– Ну да. Она просто неграмотно выразилась, и это сбilo меня с толку.

Отец был из провинции и чувствовал себя в грамматике не слишком уверенно. А Сюити учился в Токио.

– Теперь я понял свою ошибку, а вот имени прислуги никак вспомнить не могу. Не помню ни лица ее, ни как она была одета. Каё прожила у нас, пожалуй, с полгода?

– Да.

Сюити давно привык к забывчивости отца и не выразил ему ни малейшего сочувствия.

А сам Синго, хоть уже и пора было привыкнуть, все же встревожился немного. Сколько он ни старался вспомнить Каё, ясно представить себе служанку не удавалось. Он пытался расшевелить свою память сентиментальными подробностями.

Вот и сейчас он вспоминает, как Каё, низко кланяясь, провожала его в прихожей. Вспоминает, как она сказала: «Ну что вы, просто натерли любимый мозоль».

Видя, как трудно восстановить в памяти один-единственный случай, когда прислуга, прожившая в доме полгода, провожала его в прихожей, Синго чувствует, что жизнь уходит.

Ясуко, жена Синго, старше его на год, ей шестьдесят. У них сын и дочь. Старшая – дочь, Фусако, у нее две девочки.

Ясуко выглядит молодо. Она не кажется старше мужа. И не потому, что Синго такой уж дряхлый, – просто считается, что жена обычно моложе мужа, и если она не выглядит старше его, то в этом нет ничего неестественного. К тому же она небольшого роста, плотная, крепко сбитая.

Ясуко никогда не была красавицей, а в молодости выглядела старше мужа и потому не любила выходить с ним на люди.

Синго, сколько ни думал, так и не вспомнил, с какого возраста исчезло ощущение, что жена старше его. По его расчетам, после пятидесяти. Женщина, как правило, стареет раньше, а тут все наоборот.

В шестьдесят лет у Синго случилось кровотечение. Скорее всего легочное, но он не стал ни серьезно обследоваться, ни лечиться. Правда, больше оно не повторялось.

Болезнь не состарила Синго. Наоборот, кожа разгладилась. И за те полмесяца, что он лежал в постели, губы у него стали яркими, как в молодости.

Синго раньше не жаловался на легкие. И когда в шестьдесят лет у него вдруг пошла горлом кровь, он помрачнел, приуныл, но лечиться отказался. Сюити считал это старческим упрямством, хотя дело было совсем в другом.

Ясуко спит хорошо, наверно, потому, что здорова. Иногда Синго кажется, что по ночам он просыпается только от храпа Ясуко. Она начала храпеть лет с пятнадцати, и родители без конца таскали ее по врачам, но после замужества это у нее прошло. И она снова стала храпеть лет десять назад.

Обычно Синго сжимает пальцами нос Ясуко и тербит. Если не помогает, он хватается за шею и трясет. Это когда он в хорошем расположении духа, а когда в дурном – еще и остро чувствует старческую немощь этого тела, многие годы лежащего рядом с ним.

В эту ночь Синго был в плохом настроении – он зажег свет и искоса взглянул на Ясуко. Потом схватил ее за шею и стал трясти. Шея в испарине.

Чтобы жена перестала храпеть, может быть, достаточно просто протянуть руку и дотронуться до нее, подумал Синго, неожиданно почувствовав к ней острую жалость.

Он взял лежавший у изголовья журнал, но было невыносимо душно и жарко; тогда он встал, вышел на веранду, широко раскрыв ставни и присел на корточки.

Была лунная ночь.

За ставнями висело платье Кикуко. Какого-то неопределенно-белого цвета. Наверно, выстирала его и забыла снять, подумал Синго, а может быть, нарочно оставила платье на улице, чтобы его вымыла ночная роса.

«Гья, гья, гья, гья», – послышался из сада стрекот. Это цикада, которая сидит на вишне, что растет слева, почти касаясь карниза. Неужели у цикады такой противный голос, – усомнился Синго. И все-таки это цикада.

Интересно, цикады тоже боятся страшных снов? Цикада подлетела и опустилась на сетку от москитов.

Синго схватил ее, но она не стрекотала.

– Немая, – пробормотал Синго. – Это другая цикада, не та, что верещала «гья».

Чтобы ее снова не приманил свет, Синго с силой подбросил цикаду к самой макушке вишни. Цикада так и не застрекотала.

Взявшись за створки ставней, он перегнулся через перила веранды и стал осматривать вишню, но так и не определил, села на нее цикада или нет. Лунная ночь кажется глубокой. И эта глубина ощущается как бесконечность.

Еще далеко до десятого августа, а цикады уже стрекочут.

Кажется, будто с листа на лист падают капли ночной росы.

Потом Синго услышал стон горы.

Ветра нет. Вот-вот наступит полнолуние, все залито светом, и в сыром ночном воздухе чуть колыхнется тусклый контур деревьев, очерчивающий невысокую гору. Нет, колыхнется не от ветра.

Неподвижны и листья папоротника внизу под верандой, на которой стоит Синго.

В иные ночи слышен шум волн на болотистом побережье Камакура, и поэтому Синго подумал, не стон ли это моря, но нет, это был стон горы.

Он был похож на далекий стон ветра, и в Пем чувствовалась глубоко скрытая мощь, как в подземном гуле. Казалось, стонет у тебя в голове, и Синго, проверяя, не шумит ли у него в ушах, помотал головой.

Стон прекратился.

Стон прекратился, но Синго охватил страх. Он похолодел – а вдруг это весть, что настал его смертный час?

Стон ветра? Стон моря? Звон в ушах? Синго нужно было все обдумать спокойно. Может быть, он слышал один из этих звуков, подумал он. Нет, то был в самом деле стон горы.

Точно пронесся дьявол и заставил гору застонать.

Оттого что ночной воздух был полон влаги, гора, и так-то крутая, казалась мрачной, неприступной стеной. Гора подступала почти вплотную к дому. Синго и, хоть напоминала отвесную стену, походила скорее на половину огромного яйца.

Рядом с горой и за ней высятся другие горы, но застонала скорее всего именно эта гора, у дома Синго.

Из-за верхушек деревьев там и тут проглядывают звезды.

Задвигая ставни, Синго вспомнил один странный случай.

Дней десять назад он ждал приятеля в новом чайном домике. Того все не было, и гейша пришла пока только одна – две другие опаздывали.

– Снимите галстук. Жара невыносимая, – сказала гейша.

– Угу.

Синго позволил гейше снять с себя галстук.

Они не были близко знакомы, но, положив галстук в карман его пиджака, лежавшего у ниши, где висела картина, гейша начала рассказывать о себе.

Месяца два назад гейша и подрядчик, строивший этот чайный домик, полюбили друг друга и решили вместе покончить с собой. Но когда пришло время выпить цианистый калий, гейша засомневалась – хватит ли того количества, которое у них было, чтобы умереть без мучений.

– «Доза смертельная, это точно, – говорил мне тот человек. – Посмотри, каждая доза в отдельном пакетике, верно? Значит, насыпано сколько надо». Но я все равно не верила. Мои подозрения только усиливались. «Кто дал тебе порошки? Может быть, специально насыпали так мало, чтобы проучить нас обоих и заставить помучиться? Я тебя спрашиваю, какой врач или аптекарь дал тебе это, а ты твердишь одно – не могу сказать. Странно. Решили вместе умереть, а ты даже такого пустяка рассказать не можешь. Ведь потом я так и не узнаю».

«Просто фарс какой-то», – чуть не вырвалось у Синго, но он промолчал.

Гейша настояла на том, чтобы отложить самоубийство и совершить его только после того, как она попросит кого-нибудь взвесить цианистый калий.

– Вот тут он весь, я его с собой ношу. Подозрительная история, подумал Синго. В памяти осталось, что речь шла именно о подрядчике, строившем этот чайный домик.

Гейша достала из сумочки пакетик и, развернув, показала содержимое.

– Хм, – пробормотал Синго, скользнув взглядом по пакетику. Он не мог определить, действительно ли это цианистый калий.

Задвигая ставни, он вспомнил ту гейшу.

Синго снова лег в постель, но не решился разбудить шестидесятилетнюю жену, чтобы рассказать ей о страхе, который нагнал на него стон горы.

Сюити служил в той же фирме, что и Синго, и, кроме того, выполнял обязанности «напоминателя» при отце.

Обязанности «напоминателя» взяли на себя также Ясуко, что было вполне естественно, и Кикико – молодая жена Сюити. Так что три члена семьи восполняли угасавшую память Синго.

В фирме эта обязанность лежала на секретарше.

Сюити зашел в кабинет отца, вынул книгу из небольшого книжного шкафа в углу и начал перелистывать ее.

– Ой-ой-ой, – воскликнул он, подходя к столу секретарши и показывая ей открытую страницу.

– Что такое? – спросил, чуть улыбнувшись, Синго.

Сюити подал ему раскрытую книгу. Там было написано:

«Здесь не утрачена идея целомудрия. Видеть друг в друге не просто любовников – вот средство, которое позволяет мужчине не страдать от любви к женщине, а женщине – от любви к мужчине, позволяет им наслаждаться и дольше любить друг друга. Таков, в общем, способ сохранить внутреннюю гармонию...»

– Где это «здесь»? – спросил Синго.

– В Париже. Писатель путешествовал по Европе. Мозг Синго стал слишком неповоротлив, чтобы воспринимать остроты и парадоксы, но то, что он прочел, показалось ему не остротой, не парадоксом, а прекрасным прозрением.

Вряд ли эти слова произвели такое уж сильное впечатление на Сюити. Ему просто нужен был повод, чтобы договориться с секретаршей вместе пойти домой. Синго сразу это понял.

Сойдя с электрички в Камакура, Синго подумал, что хорошо бы ему условиться с Сюити одновременно возвращаться домой или приходить позже Сюити.

Автобусы были переполнены, и Синго решил пройтись пешком.

У рыбной лавки он остановился и заглянул внутрь; хозяин поздоровался с ним, и он вошел. Вода в бочонке с креветками была мутно-белая. Синго потрогал кончиком пальца лангустов. Видно, еще живые, хотя и не двигаются. Лежала гора моллюсков, и Синго решил купить их.

– Вам сколько? – спросил хозяин. Синго немного растерялся.

– И правда, сколько? Три. Покрупнее.

– Минутку, сейчас приготовим.

Синго были неприятны натужные звуки, с какими хозяин и его сын вскрывали неподатливые раковины концом кухонного ножа.

Когда мясо моллюсков было вымыто и хозяин проворно нарезал его, в лавку вошли две девушки.

– Что вам? – спросил он, продолжая нарезать моллюсков.

– Нам ставриды.

– Сколько?

– Одну.

– Всего одну?

– Да.

– Всего одну?

Ставрида была мелкая. Но девушки не обратили внимания на издевательский тон хозяина.

Хозяин завернул ставриду в обрывок бумаги и протянул им.

Девушка, стоявшая сзади, видимо, посмелее, тронула подругу за локоть.

– Может, возьмем еще и закуски, а?

Та, что была впереди и держала ставриду, все время разглядывала лангустов.

– Эти лангусты, верно, и в субботу еще будут? Мой их очень любит.

Вторая ничего не ответила.

Синго украдкой взглянул на девушку.

Современные проституточки. Спина голая, на ногах матерчатые тапочки. А сложены обе хорошо.

Хозяин сгреб нарезанное мясо моллюсков к середине кухонной доски и, раскладывая его снова в три раковины, бросил презрительно:

– Таких теперь и в Камакура развелось, хоть пруд пруди.

– Ну и что же в этом плохого? Наоборот, прекрасно, – возразил Синго.

Хозяин небрежно раскладывал мясо моллюсков по раковинам, и Синго обратил внимание на такую, казалось бы, мелочь, что теперь все оно перемешалось и уже не попадет в свои раковины.

Сегодня четверг, и до субботы еще чуть ли не три дня, но в последнее время лангусты почти всегда бывают в рыбных лавках, подумал Синго. Неужели этим неотесанным девицам удастся так искусно приготовить лангустов, что ими можно угощать гостей? Нет, лангусты, хоть жарь их, хоть парь, хоть вари, все равно остаются грубой, простой пищей.

Синго действительно думал о девушках с симпатией и даже потом вспоминал их с некоторой грустью.

В семье четыре человека, а он купил трех моллюсков. Просто Синго знал, что Сюити к ужину не придет, но он не сообразил, что поставит свою невестку Кикику в неловкое положение. Когда торговец спросил: «Сколько?» – Синго, не подумав, исключил Сюити.

По дороге он зашел в магазин и купил еще плодов гинго.

4

То, что Синго пришел домой с покупками из рыбной лавки, было случаем беспрецедентным, но ни Ясуко, ни Кикику даже виду не подали, что удивлены.

Может быть, так они пытались скрыть свои чувства, не увидев Сюити, который должен был вернуться вместе с отцом.

Отдав Кикику моллюсков и гинго, Синго направился на кухню.

– Чашечку подслащенной воды.

– Сейчас, минутку, – сказала Кикику, но Синго уже сам открыл водопроводный кран.

В мойке лежали лангусты и креветки. Какое совпадение. В рыбной лавке он колебался, не купить ли креветок. Но покупать и креветок и лангустов он, разумеется, не стал бы.

Посмотрев, какого цвета креветки, Синго сказал:

– Хорошие.

Они были еще живые и блестящие. Кикику раскалывала гинго тупой стороной кухонного ножа.

– На вид спелый, но все равно есть его будет нельзя.

– Ты думаешь? Мне, правда, тоже казалось, что в это время года гинго несъедобны.

– Давайте позвоним в магазин.

– А, ладно. По вкусу моллюски, которых я купил, то же самое, что креветки. Я и решил – покупать еще и креветок совсем ни к чему.

– Удивительная предусмотрительность. – Кикику на мгновение высунула кончик языка. – Моллюсков мы сварим прямо в раковинах, лангустов поджарим, а креветок запечем в тесте. Грибы я уже купила. Вы, отец, не сходите в огород за баклажанами?

– Хорошо.

– Помельче которые. И еще принесите немного молодой зелени. Может, действительно хватит одних креветок?

На ужин Кикику подала двух вареных моллюсков. Синго, немного поколебавшись, сказал:

– По-моему, должен быть еще один.

– Я подумала: у бабушки с дедушкой зубки слабые, и они с удовольствием поедят

вдвоем без посторонних, – сказала Кикуко.

– Что?... Не говори глупостей. В доме нет никаких внуков, а ты вдруг «дедушка».

Ясуко опустила голову и тихо засмеялась.

– Простите. – Кикуко легко поднялась и принесла еще одного вареного моллюска.

– Лучше бы мы поели вдвоем, как предлагала Кикуко, – сказала Ясуко.

Синго в душе восхитился словами Кикуко, он понимал, что они очень кстати. Ее слова помогали сгладить неловкость того, что он купил не четырех, а трех моллюсков. И с каким невинным видом она произнесла их, – нет, она далеко не глупа.

Может быть, Кикуко все время обдумывала, как лучше поступить: оставить моллюска Сюити и самой не есть или разделить с матерью одну порцию на двоих? Однако Ясуко не заметила, что творится в душе Синго.

– Все из-за того, что было всего три моллюска. Нас четверо, а ты почему-то купил три штуки, – бестактно вернулась к старому Ясуко.

– Я знал, что Сюити не придет к ужину, зачем же было покупать для него?

Ясуко грустно улыбнулась. Но, может быть, благодаря ее возрасту улыбка не выглядела такой уж горькой.

Кикуко тоже не подала вида, что огорчена. И даже не спросила, куда пошел Сюити.

Кикуко была младшей в семье из восьми братьев и сестер.

Семеро старших давно женаты, и у всех дети.

Синго иногда думал об удивительной плодовитости родителей Кикуко.

Кикуко порой жаловалась, что Синго до сих пор не может запомнить имена ее братьев и сестер.

Она родилась, когда мать решила, что детей с нее хватит, и была уверена, что уже не сможет забеременеть. Она стыдилась рожать в таком возрасте, проклинала свое нестареющее тело и пыталась выкинуть, но ничего не получилось. Роды были тяжелые – пришлось накладывать щипцы.

Кикуко говорила, что слышала об этом от самой матери, и рассказала Синго всю эту историю.

Синго не понимал, как может мать рассказывать такое дочери, не понимал, как может Кикуко рассказывать такое свекру.

Кикуко откинула тогда волосы со лба и показала тонкий шрам от щипцов.

Увидев этот чуть заметный шрам, Синго полюбил Кикуко еще сильнее.

В семье к Кикуко относились, как обычно относятся к младшему ребенку. Правда, ее не столько баловали, сколько просто нежно любили. Она была не особенно крепкого здоровья.

Когда Кикуко пришла невесткой в дом Синго, он обратил внимание, что она, сама того не сознавая, как-то очень грациозно поводит плечами. Он чувствовал в ней чистое, наивное кокетство.

Глядя на стройную, белокожую Кикуко, Синго вспоминал иногда старшую сестру Ясуко.

В молодости Синго был влюблен в нее. После ее смерти Ясуко поселилась в доме зятя, чтобы присматривать за сиротами. Она работала, не жалея себя. Ясуко мечтала занять место старшей сестры. Она любила красавца зятя, да и память о сестре была ей дорога. Сестра была удивительно красива – просто не верилось, что их родила одна мать. Муж сестры представлялся Ясуко чуть ли не сказочным героем.

Ясуко была очень удобна и зятю и детям, но зять делал вид, что не понимает ее сокровенного желания. Он жил в свое удовольствие. Казалось, Ясуко уготовано судьбой навсегда остаться прислужницей в семье покойной сестры.

Узнав об этом, Синго решил жениться на Ясуко.

Сейчас, через тридцать лет, Синго не думает, что их брак был ошибкой. Многолетний брак не определяется тем, с чего он начался.

Но все равно образ сестры Ясуко прочно поселился в их сердцах. Ни Синго, ни Ясуко никогда не заговаривали о ней, но и забыть ее не могли.

Когда сын женился и в дом пришла Кикуко, воспоминания Синго снова вспыхнули,

словно их осветило молнией, но теперь они не были для него так уж болезненны.

Не прошло и двух лет с тех пор, как Сюити женился на Кикику, а уже завел себе женщину. Для Синго это было удивительно.

В отличие от Синго, выходя из деревни, которому пришлось много пережить в юные годы, Сюити никогда не страдал от любви, его не мучили страсти.

По нему никогда невозможно было заметить, что его что-то угнетает. Синго так и не удалось установить, когда Сюити впервые узнал женщину.

Сейчас Сюити определенно связался с какой-нибудь гейшей, а может быть, даже с проституткой, осуждал его Синго.

А эта секретарша из фирмы – с ней он, наверно, просто ходит на танцы, и не исключено, что она нужна ему лишь для того, чтобы усыплять отцовскую бдительность, думал Синго. Во всяком случае, его любовница не такая уж красавица. Красавицей Синго считал Кикику. С тех пор как у Сюити появилась женщина, их близость с Кикику, казалось, стала иной. Весь облик Кикику изменился.

Проснувшись среди ночи, – это произошло, когда на ужин был вареный моллюск, – Синго услышал голос Кикику, такого голоса у нее еще не было никогда.

Кикику не знает, что у Сюити есть женщина, думал Синго.

– Неужели отец, купив на одного моллюска меньше, решил таким способом извиниться за тебя? – шептала она.

Нет, Кикику, разумеется, ничего не знает, но, может быть, она все же догадывается, что здесь замешана женщина?

Не успел он задремать, как наступило утро. Синго вышел взять газету. Луна стояла еще высоко. Наскоро просмотрев газету, он снова лег.

5

На вокзале в Токио Сюити быстро вскочил в электричку и занял место, а когда вслед за ним вошел Синго, он встал и уступил место отцу.

Потом достал из своего кармана очки отца и вместе с вечерним выпуском газеты протянул Синго. У Синго тоже были с собой очки, но обычно он их где-нибудь оставлял, и поэтому Сюити носил для него запасные.

Перегнувшись через газету к Синго, Сюити сказал:

– Сегодня я говорил с Танидзаки – у нее есть школьная подруга, которая хочет пойти в прислуги. Нам ведь нужна.

– Да? А это ничего, что она подруга Танидзаки? – А что тут такого?

– Эта прислуга все выпросит у Танидзаки и, чего доброго, расскажет о твоих делах Кикику.

– Глупости. Что она может рассказать?

– Тебе бы надо знать, какого сорта эти девицы, что идут в прислуги. – Синго снова уткнулся в газету.

Когда они сошли в Камакура, Сюити сказал:

– Танидзаки рассказывала тебе что-нибудь обо мне?

– Ничего не рассказывала. Она со мной как немая.

– Правда? Это неприятно. Послушай, отец, я немного приударяю за твоей секретаршей, а ты недоволен, может быть, даже осуждаешь меня.

– Что ж тут удивительного. Во всяком случае, постарайся, чтобы Кикику ничего не узнала.

Сюити, словно теперь-то уж скрывать нечего, сказал:

– Нет, все-таки Танидзаки что-то тебе рассказала.

– Неужели Танидзаки соглашается развлекаться с тобой, зная, что у тебя есть женщина?

– Да, пожалуй. Отчасти из ревности.

– Чепуха.

- Я ее брошу. Хочу бросить.
- Мне непонятны твои рассуждения. Раз уж на то пошло, давай поговорим откровенно.
- Когда брошу, все начистоту расскажу.
- Так или иначе, постарайся, чтобы Кикико ничего не узнала.
- Хорошо. Но Кикико, наверно, уже все знает.
- Ты думаешь? Синго помрачнел.

Вернувшись домой, он все еще был мрачен, а после ужина молча встал из-за стола и ушел в свою комнату.

Кикико принесла ему кусок арбуза. – Кикико, соль забыла, – вошла вслед за ней Ясуко. Кикико и Ясуко присели на корточки у двери.

– Ты не слышал, как Кикико кричала: отец, арбуз, арбуз? – спросила Ясуко.

– Не слышал. Я знал, что его положили охладить.

– Кикико, он не слышал, – обернулась к ней Ясуко.

– Отец почему-то сегодня сердитый. Немного помолчав, Синго сказал:

– Что-то в последнее время у меня плохо с ушами. На днях открыл ставни на веранде, чтобы проветрить комнату, и мне послышалось, будто стонет гора за домом. А бабка спокойно спала себе.

Ясуко и Кикико посмотрели на гору.

– Разве бывает, чтобы гора стонала? – удивилась Кикико.

– Когда-то давно я спрашивала об этом у матери. И она мне сказала, что ее старшая сестра слышала стон горы перед смертью.

Синго вздрогнул. Забыть такое непростительно, подумал он. Как же он не вспомнил об этом, услышав стон горы?

Кикико, взволнованная, тоже молчала, на этот раз она не повела своими красивыми плечами.

Крылья цикады

1

Приехала дочь, Фусако, с двумя детьми. Старшей четыре года, младшей еще и года нет. Неужели Фусако и дальше будет рожать с такими интервалами? Конечно, о следующем ребенке говорить еще рано, но Синго все-таки спросил невзначай:

– Заведешь еще одного?

– Нет, отец, больше не хочу. Разве я тебе не говорила? – Фусако небрежно положила девочку и, распеленывая ее, спросила: – А ваша Кикико еще не решила завести?

Она тоже сказала это невзначай, но лицо Кикико, повернутое в сторону ребенка, застыло.

– Оставь, пусть девочка полежит так, – сказал Синго.

– Кунико, а не «девочка». Ты же знаешь, что имя ей дали по деду.

Каким стало лицо Кикико, заметил, по-видимому, только Синго. Но и он не придал этому значения и с нежностью следил, как сучит ножками освобожденный младенец.

– Оставь ее. Видишь, как ей хорошо. Раньше было, наверно, жарко, – сказала Ясуко, придвигаясь к ребенку и поглаживая ему животик и ножки. – Сейчас твоя мамочка и сестричка примут ванну и будут чистенькие.

– Дать полотенце? – вскочила Кикико.

– Я привезла с собой, – сказала Фусако. Значит, приехала не на один день.

Фусако стала вынимать из фурсики¹ полотенце и смену белья; к ее спине угрюмо прижалась старшая дочь Сатоко. С тех пор как они вошли, она не произнесла ни слова. У

¹ Фурсики – большой яркий платок, в котором носят вещи.

Сатоко были черные густые волосы.

Синго узнал этот фурсики, в котором Фусако принесла свои вещи; он даже вспомнил, что она взяла его из дому, когда выходила замуж.

Фусако с Кунико на спине, одной рукой волоча Сатоко, другой поддерживая тяжелый узел, пришла с вокзала пешком. Ну и дела, подумал Синго.

Противный ребенок эта Сатоко, которую нужно вот так тащить за собой. И капризная, а матери и без того нелегко, она из сил выбивается.

Интересно, думал Синго, ведь Ясуко, наверно, не особенно приятно, что Кикико всегда следит за собой?

Когда Фусако ушла в ванную, Ясуко стала поглаживать заповревшие места на ножках девочки.

– По-моему, она покрепче Сатоко, тебе не кажется?

– Может быть, потому, что родилась уже, когда у родителей все наладилось и они перестали ругаться, – сказал Синго.

– А Сатоко родилась, когда у родителей как раз все стало разлаживаться, и это на нее повлияло.

– Что понимает четырехлетний ребенок?

– Все понимает. Это определено на нее повлияло.

– Нет. Сатоко с самого рождения...

Ребенок неожиданно проворно перевернулся на живот, пополз вперед и, ухватившись, за сёдзи² встал на ножки.

– Ой-ой! – Кикико взяла девочку за руку и повела в соседнюю комнату.

Ясуко тоже встала. Подняла кошелек, лежавший рядом с вещами Фусако, и заглянула в него.

– Что ты делаешь? – Синго сказал это тихо, но он весь дрожал от возмущения. – Положи.

– Это еще почему? – спросила Ясуко.

– Говорю положи, значит, положи. Зачем ты его взяла? – У Синго дрожали руки.

– Во всяком случае, не для того, чтобы что-то украсть.

– Это хуже, чем воровство.

Ясуко положила кошелек на место. Но все же сказала:

– Чем это плохо, присмотреть за своей дочерью? Вернется домой, а детям еды купить не на что, что она будет делать? Просто я хотела узнать, как у Фусако с деньгами.

Синго зло взглянул на Ясуко. Фусако вернулась из ванной.

Ясуко, чтобы поскорей закончить неприятный ей разговор, сказала:

– Послушай, Фусако, я заглянула сейчас в твой кошелек, а дед изругал меня. Может, я и вправду плохо поступила. Ты уж меня прости.

– Да нет, что ж тут плохого?

Синго стало еще противнее оттого, что Ясуко рассказала обо всем Фусако.

По мнению Ясуко, между матерью и дочерью такие отношения вполне естественны, и, может быть, так оно и есть, думал Синго, а то, что он весь дрожит, – это, наверно, потому, что откуда-то из глубины у него поднимается старческая усталость.

Фусако заметила, как покраснел отец, и испугалась его гнева гораздо больше, чем материнского обыска.

– Пожалуйста, смотри сколько хочешь. Пожалуйста, – сказала она почти с отчаянием и положила кошелек перед матерью.

Это еще больше разозлило Синго. Ясуко не притрагивалась к кошельку.

– Аихара уверен, что, если у меня не будет денег, я не смогу уйти из дому, поэтому в кошельке пусто, – сказала Фусако.

Девочка, которую вела Кикико, потеряв вдруг равновесие, упала. Кикико подхватила ее

² Сёдзи – раздвижная перегородка в доме.

и подошла к ним.

Фусако, подняв кофту, дала дочери грудь.

Фусако никогда не отличалась красотой, но тело у нее приятное, и сложена она хорошо. Грудь еще не потеряла формы. Налитая молоком, она кажется большой и упругой.

– Воскресенье, а Сюити почему-то нет дома? – спросила о брате Фусако.

Но тут же она поняла, что своим вопросом не улучшила настроения отца и матери.

2

Синго подошел уже почти к самому дому, но остановился и стал рассматривать подсолнухи, росшие в соседнем дворе.

Здрав голову, он приблизился к ним. Подсолнухи, склонив макушки, высились по обе стороны калитки, и когда между ними встал Синго, проход оказался загорожен.

Подошла девочка, жившая в этом доме. Она остановилась за спиной Синго и терпеливо ждала.

Она, конечно, могла пройти в калитку, протиснувшись боком между Синго и подсолнухом, но девочка узнала Синго и поэтому терпеливо ждала. Наконец Синго заметил ее.

– Какой огромный цветок. И красивый, – сказал он.

Девочка чуть смущенно улыбнулась.

– У каждого по одному цветку.

– По одному. Вот почему они такие большие. Давно расцвели?

– Да.

– Сколько дней, как расцвели?

Девочка, которой было лет двенадцать – тринадцать, не смогла ответить. Задумавшись, она посмотрела на Синго, потом вместе с ним снова уставилась на подсолнухи. Девочка была загорелая, круглолицая, а руки и ноги худые-прехудые.

Отступая, чтобы пропустить девочку, Синго посмотрел на другую сторону улицы – там, у домов, тоже росли подсолнухи.

На одном было даже три цветка. Правда, вдвое меньше, чем эти, у дома девочки, и все на самой верхушке.

Синго пошел к своему дому, все время оглядываясь на подсолнухи.

– Отец, – раздался голос Кикуко.

Кикуко стояла за спиной Синго. В руке у нее была корзина, из которой торчали стручки сои.

– Идете домой? И по дороге любуетесь подсолнухами?

Кикуко было неприятно – не оттого, что Синго разглядывает подсолнухи, а оттого, что он снова пришел без Сюити и как ни в чем не бывало смотрит на цветы.

– Какие великолепные, – сказал Синго. – Как головы великанов, правда?

Кикуко безучастно кивнула.

Слова «головы великанов» пришли ему на ум только сейчас. Раньше, глядя на них, он совсем так не думал.

Но, сравнив цветы подсолнуха с головами великанов, Синго вдруг ощутил их мощь. И одновременно – поразительное их совершенство.

Лепестки как венец, а в центре, занимая большую часть круглого цветка, тычинки и пестики. Плотно пригнанные друг к другу, они буквально усеивают цветок. Но нет и намека на борьбу – между ними царят мир и спокойствие. И бьющая через край мощь.

Цветы больше, чем голова человека. Поразительное совершенство этих цветов, которое так остро почувствовал Синго, связалось у него в мыслях с совершенством человеческого мозга.

В этом удивительном богатстве, созданном природой, есть могучее мужское начало, подумал Синго. Диск набит тычинками и пестиками – значит, в нем сразу оба начала: и

мужское и женское, но Синго ощущал в цветке лишь мужское начало.

Солнце садилось, и вместе с ним опускалась вечерняя тишина.

Лепестки вокруг диска, набитого тычинками и пестиками, казались девушками в желтых нарядах.

Рядом стояла Кикуко, и ей могло показаться странным его поведение. Синго отвернулся от подсолнухов и направился домой.

– Знаешь, в последнее время у меня что-то с головой не в порядке. Может быть, поэтому, глядя на подсолнухи, я все время думаю о голове. Разве голова не так же прекрасна, как этот цветок? И раньше, в электричке, я думал, как хорошо было бы отдать голову в чистку или в починку. Конечно, отрубать голову чересчур жестоко, но осторожно снять ее с шеи и сдать, как белье в стирку, в университетскую клинику, – разве это невыносимо? В клинике промоют мозги, починят неисправные части, а твое тело пока – три дня или, если нужно, неделю – будет спокойно спать. Спокойно, без всяких сновидений.

Кикуко чуть опустила веки.

– Вы, наверно, устали, отец? – сказала она.

– Да. Сегодня в фирме отбоя от посетителей не было. Не успею затянуться сигаретой, тут же кладу ее в пепельницу. Снова закуриваю и снова кладу в пепельницу. Смотрю – лежат три одинаковых окурка и дымят. Мне даже неловко стало.

Синго и впрямь мечтал в электричке о промывке мозгов, но не столько о промытых мозгах, сколько о спокойно спящем теле. Как прекрасен сон тела, лишённого головы. Он устал, это верно.

Сегодня под утро он два раза видел сны, и в обоих снах появлялся покойник.

– Может быть, вам взять отпуск? – сказала Кикуко:

– Я действительно думаю взять отпуск и поехать в горы. Ведь снять голову и сдать ее в ремонт невозможно. Хочу посмотреть горы.

– Хорошо, если бы вы в самом деле поехали, – сказала чуть кокетливо Кикуко.

– Да. Но ведь сейчас у нас Фусако. Она, наверно, тоже приехала, чтобы немного отдохнуть. Пожалуй, из-за Фусако мне лучше побыть дома? Или, может, наоборот, лучше не быть дома? Как ты думаешь?

– О, как я завидую Фусако – у нее такой хороший отец.

Кикуко сказала это странным тоном.

Не потому ли Синго рассказывал Кикуко всякие выдумки, морочил ей голову, чтобы невестка не заметила, как ему неприятно, что сын снова не пришел вместе с ним? Может быть, он делал это безотчетно, но такая причина все-таки тоже была.

– Ох, какая ты сегодня ехидная. – Синго сказал это без всякой злобы, но Кикуко удивилась. – Нет, если бы я был хорошим отцом, с Фусако всего этого не случилось бы.

Кикуко стало неловко. Щеки покраснели, покраснели даже уши.

– Нет, отец, это не ваша вина.

В голосе Кикуко Синго уловил нотки утешения.

3

Синго не любил холодных напитков даже летом. Это повелось издавна – Ясуко никогда не пила его холодным.

И утром, встав с постели, и вечером, вернувшись домой, он первым делом выпивал несколько чашек горячего чая, – так было заведено, и Кикуко сразу же усвоила это.

Вот и сейчас, не успел Синго прийти домой, полюбовавшись подсолнухами, как Кикуко уже подала ему чай. Отпив половину, Синго переделся в легкое кимоно и с чашкой в руках вышел на веранду. Прогуливаясь по ней, он прихлебывал чай.

Кикуко принесла ему влажное холодное полотенце и сигареты и снова наполнила чашку горячим, чаем. Потом принесла вечерний выпуск газеты и очки.

Синго обтер лицо холодным полотенцем, очки надевать не хотелось, и он стал

осматривать сад.

Заросший зеленью сад. В дальнем углу беспорядочно разрослись кустистый клевер и пампасовая трава, уже почти одичавшие.

В зарослях клевера летали бабочки. Они мелькали между ярко-зелеными листьями, и казалось, что их там великое множество. Синго все ждал, что вот они взлетят над клевером или полетят прочь, но бабочки упорно порхали в зарослях.

Синго неотрывно глядел на них, и ему вдруг показалось, что там существует какой-то свой, крохотный мир. Показались загадочно-прекрасными крылья бабочек, мелькавшие между листьями.

Синго неожиданно вспомнил, как однажды ночью, незадолго до полнолуния, между деревьями на горе мерцали звезды.

На веранду вышла Ясуко и опустилась на колени. Обмахиваясь веером, она сказала:

– Сюити сегодня опять придет поздно? Синго не повернул головы.

– Посмотри, в клевере летают бабочки. Видишь?

– Вижу.

Вдруг бабочки взлетели над зарослями, будто им стало неприятно, что Ясуко видит их. Бабочек было три.

– О, целых три.

Бабочки были маленькие и невзрачно-тусклые.

Прочертив на дощатом заборе косую линию, бабочки полетели к сосне у соседнего дома. Все три, одна за другой, четко сохраняя дистанцию, стремительно поднялись к самой верхушке сосны. Сосна не была ухоженным садовым уродцем – она взмывала высоко вверх.

Вскоре неизвестно откуда выпорхнула одна из бабочек, пересекла сад и снова закружилась над клевером.

– Сегодня утром, перед тем как проснуться, я дважды видел во сне покойников, – сказал Синго. – Тацумия угощал меня гречневой лапшой.

– И ты ел эту лапшу?

– А что, не надо было?

«Неужели можно умереть, поев во сне того, чем тебя кормит покойник?» – подумал Синго.

– Как же это было? Я вроде бы ее не ел. Но лапша была на вид вкусная.

Кажется, он действительно проснулся, так и не поев гречневой лапши.

Синго и сейчас помнит четырехугольный бамбуковый поднос с высокими бортами – черными снаружи и ярко-красными внутри, даже цвет лапши, которая лежала на нем, и то помнит.

Не знает только, видел ли эти цвета во сне или они появились в момент пробуждения. Во всяком случае, сейчас он отчетливее всего представляет себе эту гречневую лапшу. Все остальное поблекло.

На циновке – поднос с лапшой. И перед ним как будто стоял Синго. А Тацумия и его семья как будто сидели. И как будто Синго не хватило подушки для сидения. Было странно, что Синго стоит, но он как будто остался стоять. Вот и все, что он помнит.

Этот сон пробудил Синго, но и проснувшись, он отчетливо помнил его. Утром еще помнил. А к вечеру почти совсем забыл. В памяти всплывала лишь сцена с гречневой лапшой, а все, что было до и после нее, – стерлось.

Тацумия – так звали умершего несколько лет назад столяра, которому было за семьдесят. Синго любил этого мастера, работавшего в старой манере, и время от времени заказывал ему что-нибудь. Но Тацумия был ему не настолько близок, чтобы присниться через три года после смерти.

Лапша появилась во сне, наверно, потому, что мастерская соединялась со столовой и, находясь в мастерской, Синго нередко разговаривал со стариком, когда тот сидел в столовой, но в самое столовую Синго ни разу не заходил. Поэтому ему все-таки было удивительно, откуда взялся этот сон с лапшой.

У Тацумия было шестеро детей, все дочери.

Сейчас, вечером, Синго никак не может вспомнить, была ли эта девушка одной из дочерей Тацумия. Но во сне он дотрагивался до девушки.

Он точно помнит, что дотрагивался. А вот кто была эта девушка, никак не может вспомнить. Даже не представляет себе, что бы помогло ему вспомнить.

Проснувшись, он, кажется, прекрасно знал, кто эта девушка. И даже сегодня утром, задремав и снова пробудившись, отчетливо представлял себе, кто она. А вот сейчас, вечером, никак не может вспомнить.

Это было продолжение сна о Тацумия, и поэтому он предположил, что девушка – одна из его дочерей, но уверенности не было. Начать с того, что Синго просто не мог вспомнить лица ни одной из дочерей Тацумия.

Это, безусловно, было продолжением того сна, но он не помнил ничего, кроме лапши. Сейчас он припоминает, что, когда проснулся, отчетливее всего ему виделась именно гречневая лапша. Но не была ли суть сновидения в том, что оно должно было рассыпаться от страха прикоснуться к девушке?

Нет, страх этот не был столь велик, чтобы он проснулся от него.

Никаких обстоятельств, с которыми все это было связано, он тоже не помнил. И облик девушки исчез, и вспомнить его не удавалось. Единственное, что осталось в памяти Синго, – ощущение чего-то мягкого. Он только коснулся ее рукой, и она никак не ответила на его прикосновение. Она уклонилась.

Синго даже наяву не позволял себе так вольничать с женщинами. Это было тем более немыслимо, что ему приснилась молодая девушка.

Синго исполнилось уже шестьдесят два года, – странно, что ему снятся такие легкомысленные сны, собственно, даже не легкомысленные, а, скорее, бесконечно унылые, недоумевая, подумал он, когда проснулся.

Но сразу же заснул снова. И сразу же увидел еще один сон.

Толстый, обрюзгший Аита с графинчиком сакэ в руке вошел в дом Синго. Он, видимо, много выпил, лицо у него красное, как будто его ошпарили, и ведет себя как пьяный.

Из всего сна Синго помнит только это. Но он не представляет себе, где все это происходило, – в теперешнем его доме или в том, где он жил раньше.

Аита лет десять назад был директором фирмы, где работает Синго. В конце прошлого года он умер от кровоизлияния в мозг. За несколько лет до смерти он сильно похудел.

– Я видел еще один сон. Это был Аита с графинчиком сакэ в руке. Он пришел к нам домой, – сказал Синго, обращаясь к Ясуко.

– Аита-сан? Если это действительно был Аита-сан, разве мог он напиться? Странно.

– Это верно. У него ведь была астма, и, когда у него случилось кровоизлияние в мозг, мокротой забило горло, и он задохнулся. Он действительно не пил. И всегда носил с собой пузырек с лекарством.

И все-таки во сне в мозгу Синго удивительно отчетливо всплыл облик Аита, широко шагающего пьяной походкой.

– Значит, вы с Аита устроили пирушку?

– Нет, совсем не пили. Аита только подошел ко мне, даже сесть не успел, как я проснулся.

– Плохо это. Покойники, да еще двое.

– Пришли, наверно, забрать меня с собой, – сказал Синго.

В этом году умерло много близких. Так что появление покойников во сне, пожалуй, вполне естественно.

Однако и столяр и Аита явились не покойниками. В снах Синго они были живыми людьми.

Лица Тацумия и Аита, да и облик каждого из них, как они предстали ему сегодня утром во сне, Синго видел вполне отчетливо. Гораздо отчетливее, чем если бы он вспоминал их. Пьяное красное лицо Аита – такого он никогда не видел в жизни, но сейчас помнит каждую черточку.

Так ясно стоят перед его глазами и Тацумия и Аита, а вот вспомнить лицо девушки, до которой он дотрагивался, никак не удается. Синго даже не знает, кто она. Почему? Непонятно.

Синго подумал: может быть, угрызения совести заставили его забыть девушку? Нет. Он ведь тогда еще спал, еще не проснулся как следует, как же он мог думать о нравственной стороне своего поступка. Он испытал лишь отчаяние.

Синго не удивило, почему он увидел во сне отчаяние.

Ясуко об этом он, разумеется, ничего не сказал.

Из кухни доносились голоса Кикуко и Фусако, готовивших ужин. Голоса были, пожалуй, слишком громкими.

4

Каждую ночь в дом залетают с вишни цикады.

Выйдя в сад, Синго подошел к вишне.

Со всех сторон засвистели крылья цикад, взлетающих с дерева. Синго поражало их количество, но еще больше поражал свист крыльев. Казалось, летят не цикады, а стая воробьев.

Синго снова и снова осматривал огромное дерево – цикады все еще взлетали с него.

Облака, сплошь застлавшие небо, неслись на восток. Судя по погоде, двести десятый день не сулит бед.³ Но сегодня ночью подует, наверно, ветер с гор, и температура понизится, подумал Синго.

Пришла Кикуко.

– Что случилось, отец? С чего это цикады так всполошились?

– Действительно, переполох такой, как будто стряслась страшная беда. Есть выражение «свистящие крылья уток», но я просто поразился, до чего пронзительно свистят крылья цикад.

Кикуко держала в руке иголку с красной ниткой.

– А меня не так поразило свист, как ужасный стрекот, который они подняли.

– Я как-то не обратил внимания на стрекот. Синго посмотрел, что делала Кикуко. Она шила красное детское кимоно. Из старого нижнего кимоно Ясуко.

– Сатоко все еще забавляется с цикадами? – спросил Синго.

Кикуко кивнула. Потом сказала, почти не разжимая губ:

– Да.

Для Сатоко, которая жила в Токио, цикады были диковинкой, а может быть, таков уж был ее нрав, но первое время она их боялась, и тогда Фусако обрезала однажды ножницами крылья певчей цикаде и дала ее дочери. После этого Сатоко, стоило ей поймать цикаду, всегда просила Ясуко или Кикуко обрезать крылья.

Ясуко это было очень неприятно. Она говорила, что в детстве Фусако не была такой жестокой: Говорила, что такой жестокой сделал Фусако ее муж.

Ясуко прямо-таки побледнела, увидав, как певчую цикаду с обрезанными крыльями тащит полчище рыжих муравьев.

Синго был этим озадачен, даже поражен, – раньше никогда такой пустяк не вывел бы Ясуко из себя.

Но тут она разволновалась, вероятно, потому, что ее охватило дурное предчувствие. Синго прекрасно понимал, что дело совсем не в цикаде.

Девочка приставала до тех пор, пока взрослые не сдавались и не обрезали крылья цикаде, а Сатоко потом не знала, куда ее девать. Она притворялась, что собирается как следует спрятать цикаду, и с мрачным видом выбрасывала ее в сад. Понимая, что взрослые следят за тем, что она делает.

³ Двести десятый день от начала весны (примерно 1 сентября); считается несчастливым, так как в этот период часто случаются тайфуны, наводнения и другие стихийные бедствия.

Фусако каждый день жаловалась Ясуко на свою жизнь, но не говорила, когда собирается вернуться домой, из чего можно было заключить, что самый важный для нее разговор еще впереди.

Ложась в постель, Ясуко пересказывала Синго жалобы дочери. Большую часть жалоб Фусако Синго пропускал мимо ушей, но чувствовал, что она рассказывает не все.

Конечно, она приехала, чтобы посоветоваться с родителями, но тридцатилетней женщине, имеющей собственную семью, делиться с родителями совсем не легко. И взять обратно в дом дочь с двумя детьми тоже нелегко. Так разговор все откладывался со дня на день, – событиям предоставляли идти своим чередом.

– Очень уж ласков отец с Кикико, – сказала однажды Фусако.

Это было во время ужина, когда за столом сидели и Сюити и Кикико.

– Конечно. Мы и должны быть ласковы с Кикико, – невозмутимо ответила Ясуко.

То, что сказала Фусако, не требовало ответа, но Ясуко все же ответила. Хотя она при этом улыбалась, слова ее были рассчитаны на то, чтобы одернуть Фусако.

– И в этом нет ничего удивительного, – ведь Кикико тоже ласкова с нами.

Кикико покраснела от удовольствия.

Ясуко говорила как будто добродушно. Но в ее голосе слышалось и осуждение дочери.

Чувствовалось, что она любит счастливую на вид невестку и не любит несчастную на вид дочь. Казалось даже, что в ее словах таился жестокий, злой умысел.

Синго объяснил это тем, что Ясуко была недовольна собой. Нечто схожее испытывал и сам Синго. Но для Синго это все-таки было несколько неожиданно, он сомневался в том, пристало ли Ясуко, пожилой женщине, матери, обнаруживать свои чувства перед несчастной дочерью.

– Меня это не устраивает. Со мной, ее мужем, вы не так ласковы, – сказал Сюити, и это не было шуткой.

Что Синго трогательно относится к Кикико, прекрасно знала и сама Кикико, не только Сюити и Ясуко, и об этом уже никто не заговаривал, а Фусако вдруг взяла и заговорила, – Синго стало очень грустно.

Для него Кикико была единственным светлым оконцем в их угрюмом, мрачном доме. Дети Синго не такие, как ему хотелось бы, да и сами они не способны жить, как хотелось бы им, и от этого бремя кровного родства было для Синго еще невыносимее. Только молодая невестка радовала его.

Он действительно был с нею ласков, – еще бы, она была светлым лучом во мраке его одиночества. Так он баловал себя – его трогательное отношение к Кикико было для него сладким бальзамом.

Психология Синго, связанная с его возрастом, нисколько не волновала Кикико. Она его вовсе не остерегалась.

Слова Фусако как бы убивали маленькую тайну Синго.

Это было за ужином дня три-четыре назад.

И вот сейчас, стоя под вишней и вспоминая о цикадах Сатоко, он припомнил слова, сказанные тогда Фусако.

– Фусако решила поспать днем?

– Да, она укачивала Кунико и сама заснула вместе с ней, – ответила Кикико, глядя в глаза Синго.

– Забавная эта Сатоко. Как только Фусако начинает укачивать Кунико, Сатоко тут как тут – прижмется к матери и тоже засыпает. Так приятно на них смотреть.

– Ласковая.

– Бабка не любит внучку, а ведь когда ей исполнится лет четырнадцать – пятнадцать, она будет очень похожа на нее – даже храпеть начнет, как она.

Кикико растерялась.

Она вернулась в комнату, где до этого шила, Синго направился в другую, – но она окликнула его:

– Отец, оказывается, вы ходите на танцы?
– Что? – Синго обернулся.
– Это уже всем известно. Я была так удивлена. Синго действительно позавчера ходил со своей секретаршей в дансинг-холл.

Сегодня воскресенье. Значит, за вчерашний день эта Хидэко Танидзаки проболталась Сюити, а Сюити рассказал Кикуко – не иначе.

Уже много лет Синго не ходил на танцы. И когда он пригласил Хидэко, та была поражена. Сказала, что, если она пойдет с Синго, в фирме начнутся пересуды и ей это будет неприятно. А мы никому не скажем, предложил Синго. И вот на следующий же день она поспешила рассказать обо всем Сюити.

Все выведав у Хидэко, Сюити и вчера и сегодня делал вид, что ничего не знает. А сам тут же все разболтал жене.

Сюити, наверно, часто ходил с Хидэко на танцы, потому-то Синго и решил пригласить ее. Он надеялся, что в дансинг-холле, куда он пойдет с Хидэко, возможно, будет и, женщина, с которой встречается Сюити.

Однако, придя туда, Синго не смог определить эту женщину по внешности, а спрашивать не стал.

У Хидэко, когда она оказалась с неожиданным для нее кавалером – Синго, словно бы закружилась голова, девушка стала вести себя неестественно, и Синго весь сжался, почувствовав в ней опасность для себя;

Хидэко всего двадцать два года, но ее грудь уже достаточно велика, чтобы наполнить ладонь. И Синго неожиданно стали вспоминаться порнографические открытки.

Вспоминать порнографические открытки в такой безумной толчее было смешно и даже как-то нелепо.

– В следующий раз пойду с тобой, Кикуко, – сказал Синго.

– Правда? В самом деле, сводите меня. Кикуко раскраснелась.

Интересно, догадывается ли она, что он пошел на танцы только из-за любовницы Сюити?

Синго совсем не волновало, что дома узнали о его походе на танцы, и растерялся он только от неожиданности, испугавшись, что Кикуко разгадает его тайное намерение увидеть любовницу Сюити.

Вернувшись на веранду, Синго прошел по ней в комнату Сюити и, стоя в дверях, сказал:

– Обо всем выведал у Танидзаки?

– Это ведь новость, которая касается нашего дома.

– Подумаешь, какая новость. Когда ты снова пойдешь с ней на танцы, купи ей приличное платье. Ладно?

– Ха-ха. Неужели, отец, тебе было стыдно?

– Оставь, пожалуйста. Просто она была в кофточке и юбке, а это не годится.

– У нее все есть. Только ты пригласил ее неожиданно, поэтому она была плохо одета. Если договориться с ней заранее, найдет что надеть, – сказал Сюити и отвернулся.

Пройдя мимо Фусако, спавшей с детьми, Синго вошел в столовую и посмотрел на большие настенные часы.

– Уже пять, – пробормотал он, словно бы проверяя время.

Пламя облаков

1

Газеты писали, что двести десятый день пройдет, по всей вероятности, благополучно, но как раз в ночь на двести десятый день разразился тайфун.

Синго уже давно забыл, что видел эту заметку. Да ее собственно, и нельзя было назвать прогнозом погоды. Впрочем, когда тайфун стал приближаться, появились и прогнозы и

предостережения.

– Давай вернемся сегодня домой пораньше, – торопил сына Синго.

Его секретарша Хидэко помогла ему одеться, а потом и сама стала поспешно собираться. Когда она надела белый прозрачный плащ, грудь у нее исчезла, точно ее раздавили.

С тех пор как Синго заметил на танцах невзрачную грудь Хидэко, эта грудь все время привлекала его внимание.

Хидэко быстро сбежала вслед за Синго и Сюити по лестнице и теперь стояла вместе с ними у выхода. Шел такой проливной дождь, что страшно было даже выглянуть наружу.

– Тебе куда? – начал было Синго, и тут же осекся. Он задавал этот вопрос уже раз двадцать, но запомнить ответа не мог.

На вокзале в Камакура тоже стояли под навесом люди, сошедшие с поезда, и смотрели на бушующие потоки дождя.

Подойдя к дому, у которого росли подсолнухи, они услышали сквозь рев ветра и дождя песню из «Парижского праздника».

– Какая она легкомысленная, – сказал Сюити. Они знали, что это пластинка Лиз Готи и поставила ее Кикуко.

Песня кончилась и тут же началась снова.

Примерно в середине песни послышался шум закрываемых ставней.

Потом они услышали, как Кикуко, захлопывая ставни, подпевает пластинке.

Из-за бури и песни Кикуко не заметила, что они вошли в прихожую.

– Ужас какой! Промочил ноги, – сказал Сюити, снимая в прихожей ботинки.

Прибежала Кикуко.

– О, вы уже вернулись?! – Ее переполняла радость.

Сюити протянул ей ботинки.

– Наверно, отец тоже промок, – сказала Кикуко.

Пластинка кончилась. Кикуко опустила иглу снова и теперь стояла, держа в охапке мокрую одежду Синго и Сюити.

Завязывая пояс, Сюити сказал:

– Кикуко, твой проигрыватель на улице слышен. – Мне было страшно, вот я и сделала погромче.

Я места себе не находила – так за вас беспокоилась.

Кикуко действительно была весела и оживленна, словно в нее вселился тайфун.

Идя на кухню, чтобы налить Синго чаю, она все время напевала.

Сюити любил парижских шансонье и покупал их пластинки.

Он знал французский. Кикуко совсем не понимала по-французски, но Сюити научил ее произносить французские слова, и она пела, довольно хорошо подражая тем певцам. Например, Лиз Готи в «Парижском празднике» поет о девушке, которой так грустно, что она готова умереть. У Кикуко и в мыслях не было умирать – она просто наслаждалась, неумело ведя песню своим слабым голосом.

Когда Кикуко выходила замуж, школьные подруги подарили ей набор пластинок с колыбельными песнями мира. И она первое время без конца ставила их. Если не было никого поблизости, она подпевала пластинке.

Синго очень нравились эти песни. Они, казалось ему, созданы в честь женщины.

Кикуко, слушая колыбельные песни, вспоминала свое девичество.

– Когда я умру, поставьте на моих похоронах пластинку с колыбельной песней. Ладно? И никаких молитв, никаких надгробных речей не нужно, – попросил однажды Синго невестку. Он говорил как бы шутя, но на глаза его навернулись слезы.

Кикуко до сих пор не родила ребенка, и колыбельные песни ей, по-видимому, наскучили, – Синго давно их не слышал.

Песня из «Парижского праздника» уже кончалась, но вдруг стала еле слышна, а потом совсем умолкла.

– Отключили свет, – сказала из столовой Ясуко.

– Да, действительно, отключили. И сегодня света уже не будет. – Кикуко сняла пластинку. – Мама, давайте поужинаем пораньше.

Во время ужина ветер, пробивавшийся в щели, три раза задувал тонкую свечу.

Сквозь бурю слышался рев моря, и этот рев взвинчивал страх еще сильнее, чем вой бури.

2

Синго преследовал запах погашенной свечи. Дом содрогался под порывами ветра, Ясуко нащупала коробок спичек, заранее положенный около постели, и встряхнула его, чтобы убедиться, что он не пустой, и чтобы напомнить Синго, что спички приготовлены.

Потом она нашла руку Синго. Она не схватила ее, а лишь слегка прикоснулась к ней.

– Все в порядке?

– В порядке. В саду может что-нибудь унести ветром, но выйти все равно невозможно.

– Как ты думаешь, у Фусако тоже все в порядке?

– У какой Фусако? Синго забыл, о ком речь.

– А-а, ну конечно, все в порядке. В такую бурю они с мужем, наверно, рано улеглись.

– Ладно, давай спать, – уклонилась от продолжения разговора Ясуко и замолчала.

Было слышно, как разговаривали Сюити и Кикуко. Кикуко ласкалась к Сюити.

Через некоторое время Ясуко заговорила снова:

– Двое маленьких детей. Не то что у наших.

– И у его матери с ногами плохо. Что-то нервное.

– Конечно-, конечно; и если она уйдет от Аихара, все заботы о матери ему придется взять на себя.

– Она совсем не может ходить?

– Нет, кажется, немного передвигается. В такую бурю... Тоска там сейчас.

Синго было странно услышать от шестидесятилетней Ясуко слово «тоска».

– Везде тоскливо, – сказал он.

– В течение жизни женщина делает себе множество самых разных причесок – об этом я прочла в одной газете. Это очень правильно.

– В какой газете?

По словам Ясуко, с этого начинался некролог, написанный одним художником, который рисовал красавиц, и посвященный художнице, которая тоже рисовала красавиц.

На самом деле в статье все было наоборот, в ней говорилось о художнице, всю жизнь не менявшей прически. С двадцати лет и до самой смерти в семьдесят пять, больше пятидесяти лет, она неизменно закручивала волосы пучком и закалывала их гребнем.

Ясуко, видимо, заинтересовалась: как это может быть, чтобы женщина всю жизнь носила одну и ту же прическу, – и, наверно, подумала, что, напротив, женщина делает себе множество самых разных причесок за жизнь.

Ясуко имела привычку складывать просмотренные газеты за несколько дней и потом перечитывать их. Поэтому, когда она пересказывала какую-нибудь статью, невозможно было определить, в какой газете она ее прочитала. Кроме того, она самым внимательным образом слушала по радио вечерний обзор новостей и иногда отпускала поразительные замечания.

– Ты думаешь, Фусако тоже будет делать себе самые разные прически? – спросил Синго.

– Конечно. Она ведь женщина. Чем она хуже нас, которые носят старинную японскую прическу? Фусако тоже приятно менять прическу, – мол, чем я хуже Кикуко.

– Когда Фусако была здесь, ты обходилась с ней – очень уж бессердечно. Мне кажется, она уехала в полном отчаянии.

– Может быть, мне передалось твое настроение? Ведь это ты никого не любишь, кроме Кикуко.

– Ничего подобного. Придумаешь какую-то чепуху и сама в нее веришь.

– Прекрасно знаешь, что я права. Ты всегда был равнодушен к Фусако и любил одного Сюити. Будешь отрицать? Такой уж ты человек. Вот и сейчас – Сюити завел себе женщину на

стороне, а ты ему и слова не скажешь. Жалеешь Кикуко, а ей же делаешь только хуже. И она тоже, чтобы не огорчать отца, даже ревновать не смеет. Тоска. Хоть бы этот тайфун меня унес, что ли.

Синго был потрясен.

Но в ответ на слова все более распялявшейся Ясуко сказал только:

– Тайфун.

– Да, тайфун. Может быть, Фусако хотела, чтобы мы заговорили с ней о разводе, а мы повели себя с ней подло.

– Быть не может. Неужели у них уже дошло до развода?

– А я не думаю ни о разводе, ни о чем, я только представляю себе, какое ты сделаешь лицо, если на тебя свалится дочь с двумя детьми...

– А у тебя всегда такое лицо.

– И к тому же у тебя есть еще Кикуко, которая тебе очень по душе. Ладно, оставим Кикуко. Честно говоря, я тоже хороша. Стоит Кикуко заговорить, на сердце сразу становится легко, а с Фусако одни неприятности. Тяжело это... До замужества она все-таки не была такой. Никогда не думала, что родители могут так относиться к своей дочери и внукам. Ужасно. Это ты во всем виноват.

– Значит, я еще хуже, чем Фусако.

– Вот и сейчас ты притворяешься. Когда я сказала, что это ты во всем виноват, ты, наверно, ехидно показал мне язык, только в темноте я не разглядела.

– До чего же ты болтлива. Говоришь невесть что.

– Жалко Фусако. Тебе тоже ее жалко?

– Можно хоть сейчас забрать ее от мужа. – Потом Синго неожиданно вспомнил: – Ты видела фурсики, с которым Фусако приезжала к нам?

– Фурсики?

– Да, фурсики. Мне тогда сразу показалось, что где-то я уже видел его, но никак не мог вспомнить где, – по-моему, это наш старый фурсики.

– Не тот большой, хлопчатобумажный? Когда Фусако выходила замуж, мы, наверно, завернули в него зеркало от туалетного столика. Помнишь, зеркало было громадное.

– А-а, возможно.

– Мне тоже стало неприятно, когда я увидела, что она увязала свои вещи в тот самый фурсики. Я еще подумала, лучше б вместо фурсики упаковала вещи хоть в чемодан, с которым ездила в свадебное путешествие.

– Чемодан тяжелый. Да с ней еще двое детей. За модой она не гонится.

– Но ведь с нами живет Кикуко, хоть бы ее постеснялась. К тому же это тот самый фурсики, в котором были мои вещи, когда я пришла в твой дом.

– Неужели?

– Ему еще больше лет. Это память о сестре. После ее смерти в этот фурсики увязали горшок с карликовым кленом и вернули нам.

– Вот оно что, – тихо сказал Синго. Любимым занятием отца Ясуко – он жил в деревне – было выращивание карликовых деревьев. Особенно он любил выращивать карликовые клены. Сестра Ясуко всегда помогала отцу ухаживать за деревьями.

Лежа в постели, окруженный грохотом бури, Синго представил себе этого человека стоящим между двух карликовых кленов.

Отец подарил дочери деревце, когда она вышла замуж. Может быть, дочь сама попросила его об этом. А когда она умерла, ее муж, зная, как дорог отцу покойной этот клен, и не имея прислуги, которая ухаживала бы за деревцем, вернул его. Может быть, даже сам отец привез его обратно домой.

Сейчас этот краснолистый клен, поглотивший все мысли Синго, стоял у алтаря в деревенском доме Ясуко.

Кажется, сестра Ясуко умерла осенью, вспоминал Синго. В Синано осень наступает рано.

И как только она умерла, деревце вернули обратно. Листья на нем покраснели, и оно очень подходило, чтобы поставить его у алтаря. Может быть, Синго думал об этом, просто тоскуя по воспоминаниям о сестре Ясуко? Он не мог ответить с уверенностью.

Синго забыл, когда годовщина смерти сестры Ясуко.

Но у Ясуко не стал спрашивать.

– Я никогда не помогала отцу ухаживать за деревцами. Такой уж, наверно, у меня характер. К тому же мне всегда казалось, что отец любит только сестру. Я действительно во всем уступала ей, и мне было очень обидно, что я не могу делать все так, как делает она.

Именно эти слова Ясуко всегда мешали Синго спросить у нее о дне смерти сестры.

Когда же речь заходила о привязанности Синго к Сюити, она всегда говорила:

– Я, пожалуй, была похожа на Фусако.

Синго удивился-даже фурсики и тот напоминает ему о сестре Ясуко, – и промолчал.

– Давай спать. Трудно стало засыпать нам, старикам, – сказала Ясуко. – Такая буря, а эта Кикико смеется-заливается... А то без конца ставит свои пластинки. Жалко мне девочку.

– Ты сама себе противоречишь.

– В чем же противоречу?

– Только что сама говорила – давай спать, а стоило лечь пораньше – пристаешь с разговорами.

У Синго не выходил из головы карликовый клен.

Может быть, Синго думал об этом багровом клене потому, что и сейчас, через тридцать лет после женитьбы на Ясуко, любовь к ее сестре – все еще незажившая рана.

Синго, который лег в постель на час позже, чем Ясуко, проснулся от грохота.

– Что такое?

С веранды послышались шаги Кикико, ощупью пробиравшейся в темноте.

– Вы проснулись? Кажется, с храма сорвало кровлю и листы железа занесло на нашу крышу, – сказала она.

3

С храма сорвало всю кровлю.

На крыше дома Синго и в саду валялись листы железа, и служители храма пришли рано утром, чтобы собрать их.

На следующий день Синго кружным путем, через Иокосука, добрался до Токио и появился в фирме.

– Ну как? Совсем, наверно, не спали?

Синго посмотрел на секретаршу, которая принесла ему чай:

– Да. Глаз не сомкнул.

Хидэко рассказала, что натворил тайфун, – она видела это из окна электрички, когда ехала на работу.

Выкурив две сигареты, Синго сказал:

– Сегодня на танцы пойти не смогу.

Хидэко подняла на него глаза и усмехнулась.

– На следующее утро после того, как мы с тобой танцевали, у меня болела поясница. Годы, – сказал Синго; по лицу Хидэко поползла озорная улыбка.

– Может, это потому, что вы слишком выгибались?

– Выгибался? Возможно. Ты хочешь сказать, нагибался?

– Когда Мы с вами танцевали, то, прикоснувшись ко мне, вы каждый раз выгибались, как будто вам неприятно, как будто старались быть от меня подальше.

– Вот ты о чем. Это я нечаянно. Нет, нет, нарочно я этого не делал.

– И все же...

– Возможно, я просто старался держаться прямее. В общем, я не обратил на это внимания.

– В самом деле?

– Тебе так показалось потому, что вы, молодые, танцуете вульгарно, прилипнув друг к другу.

– О, как это ужасно.

Синго еще тогда подумал, что Хидэко возбуждена и танцует не в такт, но все равно танцевать с ней ему было очень приятно. Может быть, именно этим и объяснялась его скованность?

– Ну что ж, давай сходим еще раз – обещаю склониться к тебе и танцевать, прижавшись. Хидэко опустила голову и тихонько засмеялась.

– Пойдемте. Только не сегодня. Никак не могу, вы уж меня простите.

– Разумеется, не сегодня.

Синго обратил внимание, что Хидэко в белой кофточке и волосы перехвачены белой лентой.

Белая кофточка – ничего особенного, но, видимо, белая лента подчеркивала ее белизну. Лента, довольно широкая, плотно охватывала волосы и сзади была завязана узлом. В общем, одежда для тайфуна.

За ушами волосы собраны, и у кромки туго стянутых прядей видна незагорелая кожа.

И еще на ней темно-синяя юбка из тонкой шерстяной ткани. Юбка старая.

– После этого Сюити тебя не приглашал?

– Нет.

– И тебе обидно, да? Отец с тобой танцует, а молодой сын держится на почтительном расстоянии. Бедняжка.

– Что поделаешь. Придется самой пригласить его.

– Хочешь сказать, не ваша, мол, забота?

– Будете издеваться, в следующий раз не пойду с вами на танцы.

– Не буду. Раз уж ты сама обратила внимание на Сюити, я склоняю голову.

Эти слова подействовали на Хидэко.

– Ты, наверно, знаешь женщину, с которой встречается Сюити?

Было заметно, что Хидэко почувствовала себя неудобно.

– Она из дансинг-холла? Хидэко промолчала.

– Сколько ей лет?

– Сколько лет? Она старше его жены. – Красивая?

– Да, очень красивая. – Хидэко запинаясь на каждом слове. – Правда, голос у нее хриплый. Даже не хриплый, а какой-то дребезжащий, надтреснутый. Она говорит, что у нее очень чувственный голос.

– Что это значит?

Хидэко разоткровенничалась, а у Синго появилось желание заткнуть уши.

Он почувствовал стыд, почувствовал брезгливость, когда понял, что представляет собой любовница Сюити да и сама Хидэко.

Синго был потрясен, услышав, что хриплый голос считается чувственным. В общем, Сюити есть Сюити, как, впрочем, и Хидэко есть Хидэко.

Увидев выражение лица Синго, Хидэко умолкла.

В тот день Сюити тоже вернулся домой рано, вместе с Синго, и, заперев дом, они вчетвером, всей семьей, отправились смотреть фильм «Кандзинтё»⁴

Когда Сюити снял верхнюю рубашку и стал переодеваться, Синго заметил, что на груди и на плече у него красные пятна, и подумал, что, наверно, это следы от пальцев Кикуюко – она обнимала его тогда, во время бури.

Три актера, исполнявшие главные роли в «Кандзинтё» – Косиро, Удзаэмон и Кикуюго, – уже умерли.

⁴ «Кандзинтё» – одна из популярных пьес театра Кабуки

Синго, Сюити и Кикико восприняли их игру по-разному.

– Ты не помнишь, сколько раз мы видели с тобой этого прославленного воина в исполнении Косиро? – сказала Ясуко, обращаясь к Синго.

– Забыл.

– Быстро же ты все забываешь!

Улица была освещена луной, и Синго посмотрел на небо.

Луна словно центр пламени. Так вдруг показалось Синго.

Облака вокруг луны были на редкость причудливой формы, и пламя казалось не то заревом, не то сиянием фейерверка.

Но это пламя облаков было холодным и бледным, и луна тоже была холодной и бледной, и на Синго вдруг пахнуло осенью.

Луна клонилась к востоку и была почти круглая. Одета облаками, она воспламеняла их вокруг себя.

Кроме белопламенных облаков, окутавших луну, других поблизости не было видно, и небо после бури было непроглядно черным.

Все магазины и лавки закрыты, – ночное запустение. Только возвращающиеся из кино, больше на улице ни души.

– Прошлую ночь не спали – сегодня давайте ляжем пораньше, – сказал Синго грустно.

Вот так приходит наконец в жизни решительная минута, подумал он. Неотвратимо надвигается необходимость принять решение.

Каштан

1

– Смотрите, на гинго распустились почки.

– Неужели, Кикико, ты только что заметила? – сказал Синго. – Я уже давно их вижу.

– Ничего удивительного, ведь вы, отец, сидите так, что гинго вам всегда виден.

Кикико, сидевшая напротив Синго, обернулась в сторону дерева.

В столовой у каждого свое постоянное место.

Синго сидит лицом к востоку. Слева от него Ясуко – лицом к югу. Справа – Сюити, лицом к северу. Кикико сидит лицом к западу и, значит, напротив Синго. Сад примыкает к южной и восточной сторонам дома – старики, можно сказать, занимают лучшие места. Что же касается мест двух женщин, то они сидят так, что во время еды им удобно ходить на кухню за кушаньями и расставлять их на столе.

Все четверо всегда занимают за столом одни и те же места, даже когда не едят, – это получается само собой.

Вот почему Кикико неизменно сидит спиной к гинго.

И все же, видимо, с Кикико не все ладно, если она не заметила, что на огромном дереве не вовремя распустились почки. Синго забеспокоился.

– Неужели ты не обратила на это внимания? Ведь тебе приходится каждый день открывать ставни, подметать веранду, – сказал Синго.

– Так уж получилось.

– Странно. Начать хотя бы с того, что когда тыходишь во двор, то идешь к дому прямо в сторону гинго, правда? Хочешь не хочешь, тебе приходится на него смотреть. Или, может быть, тыходишь, опустив голову, погруженная в свои мысли?

– Не знаю даже, что сказать. – Кикико повела плечами. – Теперь буду всегда внимательно смотреть на то, на что смотрите вы, отец.

Синго ответил грустно:

– Никуда это не годится.

Ему хочется, чтобы она видела все, что видит он, – у Синго еще никогда в жизни не было

такого любимого человека.

Кикуко все смотрела на гинго.

– Там, на горе, тоже есть деревья, на которых распустились листочки.

– Совершенно верно. Наверно, и с тех деревьев сорвало бурей листву, как ты думаешь?

Гора за домом Синго высится почти от самого храма. Ограда храма проходит прямо у ее подножия. И за оградой растут гинго, – из столовой их дома кажется, что эти деревья растут на горе.

Гинго за одну ночь, когда бушевал тайфун, стали совсем голыми.

Бурей сорвало листья и с гинго и с вишни. Это самые большие деревья у дома Синго, и им легче противостоять ветру, но листьям на сильном ветру все равно не удержаться.

После бури на вишне еще сохранилось немного пожухлых листьев, но потом и они опали, и теперь дерево тоже стоит голое.

Даже листья бамбука на горе сморщились. Может быть, оттого, что море близко и ветер пропитан соленой морской водой. У бамбука буря срезала верхушки и заносила их в сад – они там и сейчас валяются.

И вот на огромном гинго распустились новые листья.

Поворачивая с улицы в переулок, Синго идет домой, а прямо перед ним это дерево, и он видит его каждый день. Видит и из столовой.

– Гинго в чем-то сильнее вишни. Я смотрю на эти могучие деревья и думаю, чем отличаются они друг от друга, – сказал Синго.

– Какую силу должно иметь это старое дерево, чтобы уже осенью покрыться молодой листвой! Но все-таки листочки жалкие, правда?

– Да. Глядя на них, я думаю, могут ли они стать такими же большими, как листья, которые появляются весной, – нет, пожалуй, не могут.

Листья были не только маленькие, но и редкие. Их слишком мало, чтобы укрыть ветки. Они были какие-то жидкие. Чуть зеленоватые, почти желтые.

Когда утреннее осеннее солнце освещало гинго, казалось, что дерево совсем голое.

Гора за храмом сплошь заросла вечнозелеными деревьями. Их листьям не страшна никакая буря.

Кое-где на макушках густо разросшихся вечнозеленых деревьев появились зеленоватые молодые листочки. Их-то и увидела Кикуко.

Ясуко вошла, видимо, с черного хода. Послышался звук льющейся из крана воды. Она что-то говорит, но из-за шума воды Синго не может ничего разобрать.

– Что? – громко кричит он.

– Мама говорит, красиво клевер цветет, – пояснила Кикуко.

– А-а.

– Говорит, зацвела и пампасовая трава, – продолжала Кикуко.

– А-а.

Ясуко все еще что-то говорила.

– Перестань, пожалуйста. Я ничего не слышу, – не выдержал наконец Синго.

Кикуко опустила голову и улыбнулась украдкой.

– Я буду вам передавать.

– Передавать? Ни к чему. Просто бабка сама с собой разговаривает.

– Прошлой ночью она видела сон, что дом в деревне весь развалился.

– Хм.

– Что вы сказали, отец?

– Кроме «хм», мне нечего сказать.

Звук льющейся воды прекратился, и Ясуко крикнула:

– Кикуко, поставь, пожалуйста, цветы в вазу. Красивые, я и решила срезать их. Поставь, пожалуйста.

– Сейчас. Только сначала покажу отцу.

Кикуко принесла охапку клевера и пампасовой травы.

Ясуко помыла руки, налила воду в керамическую вазу из Сигараки, и с вазой в руках тоже вошла в комнату.

– Очень красиво расцвел амарант рядом с домом. С этими словами Ясуко села.

– Амарант есть и у того дома, где подсолнухи, – сказал Синго, вспомнив, что прекрасные цветы подсолнухов сорваны бурей.

Стебли были разломаны на мелкие кусочки и разбросаны по дороге. Несколько дней валялись и цветы. Казалось, это валяются человеческие головы.

Лепестки на цветах увяли, толстые стебли сохлись, поблекли – и все это вываляно в земле.

Возвращаясь домой, Синго поневоле наступал на них, но старался не смотреть.

Сломанные голые стебли с оторванными головами и без листьев по-прежнему торчали у ворот. Рядом с ними росло несколько гинго со спелыми плодами на ветвях.

– И все-таки таких гинго, как у соседей, ни у кого поблизости нет, – сказала Ясуко.

2

– Я видела сои, что дом в деревне весь развалился, – сказала Ясуко – это был ее родной дом.

После смерти родителей Ясуко он уже много лет стоял пустой.

Отец собирался завещать дом Ясуко и поэтому отдал ее старшую сестру в дом мужа. Отец, любивший старшую дочь, поступил так просто потому, что пожалел Ясуко, понимая, что у ее красавицы сестры больше возможностей устроить свою жизнь.

Вот почему, наверно, он разочаровался в Ясуко, когда та после смерти сестры ушла в ее дом и стала работать изо всех сил, надеясь занять ее место. Может быть, Ясуко поступила так оттого, что испугалась ложившейся на нее ответственности за родителей и родительский дом, и отец раскаялся в своем решении.

Брак Ясуко и Синго как будто обрадовал отца.

Казалось, он примирился с тем, что после его смерти некому будет следить за домом.

Сейчас Синго больше лет, чем было отцу Ясуко, когда они поженились.

Мать Ясуко умерла первой, и ко времени смерти отца вся земля уже была продана, остался лишь небольшой участок леса и усадьба. Даже никаких ценных вещей не осталось.

Лес и усадьба были записаны на имя Ясуко, и она поручила присмотреть за ними деревенским родственникам. Чтобы выплачивать налоги, им, наверно, пришлось постепенно свести весь лес.

В течение многих лет Ясуко совсем не тратилась на дом в деревне, но зато и дохода никакого не получала.

Одно время, когда в годы войны в деревню приехали эвакуированные, на дом можно было найти покупателей, и Синго до сих пор жалеет, что Ясуко не проявила решительности.

Свадьбу Синго и Ясуко отпраздновали в ее доме. Бракосочетание единственной оставшейся в живых дочери устроили не у жениха, а в ее доме, – такова была воля отца.

Синго помнит, что, когда они обменивались чашечками сакэ, упал каштан.

Ударившись о тяжелые каменные плиты садовой дорожки, он из-за ее крутизны отлетел далеко в сторону и упал в быструю горную речку. Полет каштана, после того как он ударился о камень, был так удивительно красив, что Синго чуть не вскрикнул в восторге: «О-о». И тут же посмотрел на окружающих.

Никто из них, кажется, не обратил внимания на какой-то упавший каштан.

На следующее утро Синго спустился к горной речке. У самого берега он увидел каштан.

Каштаны падали поблизости все время, и это мог быть совсем не тот, что упал во время брачной церемонии, но Синго подобрал его и решил рассказать о случившемся Ясуко.

Но история с каштаном выглядела слишком по-детски. Поверит ли в нее Ясуко или кто-либо другой? Синго выбросил каштан в прибрежную траву. Он не столько боялся, что Ясуко не поверит ему, сколько стыдился мужа ее старшей сестры.

Если бы свояк не видел, как упал каштан, Синго еще во время вчерашней брачной церемонии смог бы рассказать об этом.

Присутствие свояка на свадьбе подавляло Синго, он чувствовал себя чуть ли не оскорбленным.

Синго, который и после свадьбы был влюблен в сестру Ясуко, чувствовал себя униженным и не мог относиться к этому человеку спокойно даже сейчас, когда старшая сестра умерла и он, Синго, женился на младшей – Ясуко.

Больше того, роль самой Ясуко была достаточно унижительной. Все время, пока Ясуко после смерти сестры жила в доме зятя, он делал вид, будто ему неведомы истинные ее намерения, и пользовался ею просто как добросовестной прислугой.

Было совершенно естественно пригласить его как близкого родственника на свадьбу Ясуко, но Синго испытывал такую неловкость, что даже старался не смотреть в его сторону.

Свояк по-прежнему был ослепительно красив – что правда, то правда. Синго казалось, что вокруг того места, где сидит свояк, разлито сияние.

Для Ясуко сестра и ее муж были людьми какой-то необыкновенной сказочной страны, и, женившись на Ясуко, Синго тоже уверовал, что свояк – человек, за которым ему никогда не угнаться.

Синго все время чувствовал, что с высоты своего величия он наблюдает за брачной церемонией холодно и презрительно.

И то, что Синго так и не рассказал тогда Ясуко о пустяке – упавшем каштане, – навсегда наложило мрачную тень на их супружескую жизнь.

Когда родилась Фусако, Синго втайне надеялся: вдруг она станет красавицей, похожей на старшую сестру Ясуко. Жене он, разумеется, не мог сказать об этом. Но Фусако выросла некрасивой, даже некрасивее, чем мать.

Как говорил Синго, кровь старшей сестры не возродилась через младшую. В душе он разочаровался в жене.

Через три-четыре дня после того, как Ясуко видела сон о своем доме, от родственников из деревни пришла телеграмма – они сообщали, что туда приехала Фусако с детьми.

Телеграмму получила Кикучи и передала ее Ясуко, и та еле дождалась возвращения Синго.

– Мой сон о доме в деревне, наверно, и был предзнаменованием, – сказала Ясуко, но, глядя, с каким невозмутимым видом Синго читает телеграмму, она вдруг успокоилась.

– Хм, приехала в деревню?

Во всяком случае, жива-здорова – первое, о чем подумал Синго.

– Интересно, почему ей было не приехать к нам?

– Может быть, она подумала, что, если приедет сюда, это сразу же станет известно Аихара?

– А сам Аихара говорил тебе что-нибудь? – Нет.

– Наверно, у них действительно полный разлад. Жена забирает детей и уходит из дому...

– Может быть, и самой Фусако не захотелось, как в прошлый раз, возвращаться к родителям. Да и Аихара тоже не очень-то ловко показываться в нашем доме.

– Все равно, не нравится мне это.

– Я просто поражена – как она смогла добраться до деревни?

– Лучше бы сюда приехала.

– «Лучше бы»... У тебя это звучит так безразлично. Мы сами виноваты в том, что Фусако не решилась вернуться домой и что она несчастна. Все это время я с грустью думала: неужели между родителями и дочерью возможны такие отношения?

Синго нахмурился и, выставив вперед подбородок, стал развязывать галстук.

– Ладно, потом. Где мое кимоно?

Кикучи принесла домашнюю одежду Синго. Взяв его костюм, она молча вышла.

Все это время Ясуко стояла потупившись, по когда Кикучи ушла, пробормотала:

– Не исключено, что Кикучи тоже уйдет из дому.

– Неужели родители до такой степени ответственны за семейную жизнь своих детей?
– Тебе не понять душевного состояния женщины... Женщина страдает совсем не от того, от чего страдает мужчина.
– Значит, по-твоему, любая женщина может легко понять душевное состояние другой?
– Сегодня Сюити снова не пришел вовремя. Почему он не может возвращаться вместе с тобой? Всегда ты приходишь без него. И Кикуко убирает только твой костюм.
Синго промолчал.
– Ты не хочешь посоветоваться с Сюити насчет Фусако? – сказала Ясуко.
– Нужно, наверно, просто послать Сюити в деревню. Пусть привезет ее сюда.
– Фусако может не понравиться, что приехал Сюити. Ведь Сюити всегда издевается над ней.
– Теперь не время об этом думать. В субботу и пошлем его.
– Опозорила нас на, всю деревню. Сами мы ни разу туда не ездили, будто ни деревни, ни родных у нас нет, а Фусако, хотя там ей совсем не на кого рассчитывать, потащилась в деревню.
– Кому она там нужна?
– Придется ей жить в нашем пустом доме. Тетка вряд ли сможет ее приютить.
Тетке Ясуко было уже за восемьдесят. С двоюродным братом, нынешним главой семьи, Ясуко тоже не поддерживала отношений. А Синго даже не мог вспомнить, сколько человек в семье Ясуко, оставшейся в деревне.
Синго было не по себе оттого, что Фусако убежала в деревню и теперь живет в доме, который привиделся Ясуко во сне совсем развалившимся.

3

Утром в субботу Сюити вышел из дому и вместе с Синго зашел в фирму. До отхода поезда еще оставалось время.
Сюити вошел в кабинет отца.
– Зонт я оставляю у тебя, – сказал он секретарше отца Хидэко.
Хидэко, чуть склонив голову набок, прищурилась:
– Едете в командировку?
– Да.
Сюити поставил чемодан и сел на стул напротив Синго.
Хидэко следила глазами за Сюити.
– Не простудитесь – как будто должно похолодать.
– Угу, ладно. – Сюити обратился к Синго, глядя на Хидэко: – Сегодня я обещал пойти с ней на танцы.
– Вот как?
– Пойди с ней ты, отец. Хидэко покраснела. Синго растерянно молчал.
Когда Сюити встал, чтобы уйти, Хидэко взяла чемодан, собираясь проводить его.
– Не надо; Зачем?
Сюити взял у нее чемодан и скрылся за дверью.
Хидэко, словно ее бросили, остановилась у двери, смущенно развела руками, а потом уныло вернулась на свое место.
Действительно ли ей было неловко, или она только притворялась? Синго не хотел в это вдаваться, но легкомысленный вид, который она напустила на себя, вселил и в него легкомыслие.
– Обещал тебе обязательно пойти – и вот... Даль.
– В наше время обещания штука неверная.
– Я могу взять на себя обязанности его заместителя.
– Хм.
– Что, не гожусь?

– Почему же?

Хидэко удивленно вскинула на него глаза.

– Женщина, с которой встречается Сюити, тоже должна прийти на танцы, да?

– Нет.

О любовнице Сюити Синго знал от Хидэко, только что у нее хриплый чувственный голос. И ему не хотелось узнать о ней еще что-нибудь в этом роде.

Даже его, Синго, секретарша встречалась с этой женщиной, а семья Сюити с ней незнакома, – на свете всегда так, но принять это как должное Синго не мог.

Он не мог примириться с этим, в особенности сейчас, когда перед ним была Хидэко.

На вид Хидэко миниатюрная, легкая, а стоит перед Синго неприступно, словно тяжелым занавесом скрывая жизнь человека. И ведь не узнаешь, о чем она думает.

– Ты встречалась с этой женщиной, когда он водил тебя на танцы? – сказал Синго, сделав вид, что ему это в общем-то безразлично.

– Да.

– И часто?

– Нет, нет.

– Сюити вас познакомил?

– Да нет, не то чтобы познакомил...

– Ничего не понимаю. Он для того и взял тебя с собой, чтобы ты встретила с этой женщиной? Зачем? Чтобы ревность в ней возбудить, что ли?

– Я не собираюсь им мешать, – сказала Хидэко, покачав головой.

Синго понял, что Хидэко действительно по-дружески относится к Сюити, но все-таки немного ревнует.

– Лучше бы уж помешала.

– Вам бы этого хотелось? – Хидэко, опустив голову, засмеялась. – Она тоже приходит не одна.

– Что? Эта женщина приходит с мужчиной?

– Зачем же с мужчиной? С другой женщиной.

– Вот оно что! В таком случае я спокоен.

– Дело в том, – Хидэко выразительно посмотрела на Синго, – что они и живут вместе.

– Живут вместе? Две женщины вместе снимают одну комнату?

– Нет. Снимают домик, хоть и совсем маленький.

– Что ты говоришь? Ты к ним ходила?

– Да. – Хидэко замялась.

Синго снова удивился. И несколько поспешно сказал:

– Где этот дом? Хидэко вспыхнула.

– Не знаю, как мне поступить, – прошептала она. Синго молчал.

– В Хонго, недалеко от университета.

– А-а.

Хидэко, чтобы отвязаться от него, продолжала:

– Узенькая улочка, там всегда полумрак, но домик симпатичный. Вторая по-настоящему красивая, мне она больше нравится.

– Вторая – это подруга женщины, с которой встречается Сюити?

– Да. Она такая приятная.

– Странно. И что же делают эти две женщины? Они обе одинокие?

– Да. Хотя точно не знаю.

– Две женщины живут вместе – странно. Хидэко кивнула.

– Такой приятной женщины я еще в жизни не видела. Я готова хоть каждый день с ней встречаться, – сказала она чуть кокетливо. Хидэко говорила так, словно приятность той женщины освобождала ее от скованности.

Синго не переставал удивляться.

Ему даже стало казаться, что Хидэко хвалит эту женщину, чтобы косвенно очернить

любовницу Сюити, но до конца понять истинные намерения Хидэко ему не удавалось.

Хидэко посмотрела в окно.

– Как будто выглядывает солнце.

– Да, похоже. Открой окошко.

– Когда Сюити-сан оставил зонтик, я подумала: как он обойдется без него? Хорошо, что погода разгулялась, как раз когда он поехал в командировку.

Хидэко думает, что Сюити уехал в командировку по делам фирмы.

Она подняла оконную раму и замерла, не опуская рук. Подол платья с одной стороны приподнялся. Казалось, она задумалась. Потом, опустив голову, отошла от окна.

Вошел посыльный и принес несколько писем.

Хидэко взяла их у него и положила на стол Синго.

– Опять панихида. Надоело. Кто на этот раз? Торияма? – бормотал Синго, просматривая почту. – Сегодня в два часа. Все-таки его женушка добила своего.

Хидэко привыкла, что Синго разговаривает сам с собой, и лишь украдкой наблюдала за ним.

Синго сидел с отсутствующим видом, приоткрыв рот.

– Сегодня не удастся пойти на танцы. Панихида, – сказал он. – Жена этого человека, когда у нее начался климакс, стала со света его сживать. Даже кормить перестала. Действительно перестала кормить. Только утром ему удавалось что-нибудь перехватить, да и то еда эта предназначалась не ему. Украдкой от жены он ел то, что она готовила детям. Вечерами, боясь жены, он допоздна не возвращался домой. Слонялся по городу, смотрел кино, бывал даже в кабаре и приходил домой, лишь когда жена и дети уже утомонятся и заснут. Дети тоже помогали своей мамаше – попросту издевались над отцом.

– Как же все это случилось?

– Без всякой причины. Всему виной климакс. Страшная штука этот климакс.

Хидэко, казалось, решила, что Синго смеется над ней...

– Может быть, виноват был сам муж?

– Когда-то он был образцовым чиновником. Потом перешел в частную фирму. Во всяком случае, панихиду служат вполне пристойно, в храме. В бытность чиновником он тоже вел себя скромно.

– И семью свою прилично содержал, – наверно?

– Естественно.

– Ничего не понимаю.

– Да. Таким, как ты, не понять. Но есть сколько угодно уважаемых людей лет пятидесяти – шестидесяти, которые до смерти боятся своих жен и, стараясь меньше времени проводить дома, бродят по улицам до поздней ночи.

Синго попытался вспомнить лицо Торияма, но ему это не удалось. Ведь лет десять уже не виделись. Интересно, Торияма умер у себя дома?

4

Придя на панихиду, Синго зажег ароматическую палочку и остановился у ворот храма в надежде встретить кого-нибудь из своих однокурсников, но никого не было видно.

Не появлялся никто в возрасте Синго.

Видимо, он опоздал.

Заглянув внутрь храма, Синго увидел, что люди, стоявшие у входа, сломали стройный ряд и пришли в движение.

Члены семьи умершего находились в глубине храма.

Жена покойного, по всей вероятности, еще жива, подумал Синго, и точно: у гроба стоит худая женщина – видимо, это она.

Волосы крашенные, но, кажется, уже давно не была в парикмахерской – у корней они совсем белые.

Поклонившись этой пожилой женщине, Синго подумал: Торияма, наверно, очень долго болел и, ухаживая за ним, она не успевала покраситься. Но, выпрямившись после поклона и зажигая у гроба еще одну ароматическую палочку, он прошептал про себя: «Кто может знать?»

Поднимаясь по лестнице и входя внутрь храма, Синго, низко кланяясь членам семьи покойного, совсем забыл, что жена Торияма жестоко обращалась с мужем. Но сейчас, склонившись в поклоне у гроба, он вспомнил об этом. Синго был потрясен.

Он вышел из храма, чтобы не видеть вдову.

Потрясла Синго его поразительная забывчивость, а совсем не Торияма и его жена, и обратно к воротам храма по вымощенной камнем дорожке он шел в отвратительном настроении.

Все будет забыто, все пойдет прахом, стучало в висках Синго.

Мало осталось людей, которые знают, какие были отношения у Торияма с женой. И даже если они и проживут еще немного, ничего не изменится – все уже ушло в прошлое. И придется полагаться лишь на воспоминания жены. Не останется никого, кто бы мог честно и непредвзято оглянуться назад.

Когда собирались однокурсники Синго и заходила речь о Торияма, никто из них не говорил о нем всерьез. Все только смеялись. И тот, кто рассказывал, стремился к одному – изобразить Торияма покомичнее.

Из тех, кто обычно собирался, двое умерли раньше, чем Торияма. Синго вдруг пришло в голову, что ни сам Торияма, ни его жена просто не в состоянии были понять, почему она издевается над ним и почему Торияма позволяет издеваться.

Торияма так и сошел в могилу, ничего не поняв. А для жены, оставшейся в живых, все это превратилось в прошлое, в прошлое, в котором уже нет Торияма. Жена его тоже умрет, так ничего и не поняв.

В доме человека, который рассказывал о Торияма, когда собрались однокурсники, было пять-шесть старых масок Но. Однажды к нему зашел Торияма, и он показал их ему. Торияма засиделся тогда допоздна и, рассматривая маски, никак не уходил. По словам этого человека, Торияма не уходил не потому, что так заинтересовался масками, которых он прежде никогда не видел, а просто ему нужно было убить время, пока не уснет жена, чтобы можно было спокойно вернуться домой.

Интересно, подумал Синго, какие мысли обуревали главу семьи, которому перевалило за пятьдесят, когда ему приходилось каждый день допоздна бродить по городу.

Висевшая над гробом фотография Торияма была сделана на Новый год или в какой-то другой праздничный день – на ней был изображен умиротворенный круглолицый человек в парадной одежде. Ретушь фотографа не оставила на его лице и тени мрачности.

Этот благообразно-умиротворенный Торияма такой молодой – не чета стоявшей у гроба жене. Казалось даже – жена так состарилась оттого, что всю жизнь Торияма издевался над ней.

Жена Торияма невысокого роста, и поэтому Синго видел ее белые у корней волосы даже на макушке; плечи у нее были покатые, и чувствовалось, что она очень худа.

Сын и дочь, не оставляя мать, стояли рядом с ней, но Синго они были плохо видны. – Как у тебя дома?

Синго стоял у ворот храма, готовясь задать этот вопрос, если встретит кого-нибудь из своих старых приятелей.

А если и его об этом спросят, он ответит:

– Пока все как будто в порядке, но, к сожалению, и в семье дочери, и в семье сына не все благополучно.

Это если ему уж очень захочется с кем-нибудь поделиться.

Но этого не будет – никакая сила не заставит старых приятелей быть откровенными. Да и вмешиваться в чужие дела они не привыкли. Они дойдут, переговариваясь, до трамвайной остановки и расстанутся.

А как приятен был бы Синго такой разговор:

– Вот и Торияма мертв, и теперь, глядя на фотографию, не скажешь, что жена издевалась

над ним, правда?

– Сын и дочь Торияма прекрасно устроили свою жизнь – в этом, пожалуй, заслуга его жены, ты согласен?

– В наш век за семейную жизнь детей ответственны в первую очередь родители.

Эти слова Синго приготовил, чтобы переброситься ими со своими старыми друзьями. Эти слова без конца вертелись у него в голове, – откуда они взялись?

На крыше храмовых ворот галдела стая воробьев.

Они опускались на резко выступавший карниз, потом взлетали на конек крыши, потом снова опускались на карниз.

5

Когда он вернулся из храма в фирму, его ждали два посетителя.

Синго попросил Хидэко Достать виски из шкафчика, стоявшего позади стола, и налил немного в чай. Виски помогало восстановить память.

Принимая посетителей, Синго почему-то вспомнил воробьев, которых он видел у дома вчера утром.

Они сидели на пампасовой траве, что росла, за домом. Интересно, клюют они там что-нибудь или ловят насекомых? – думал Синго и вдруг, присмотревшись, увидел, что в стайке, которую он считал воробьиной, есть и овсянки.

Разглядев среди воробьев овсянок, Синго стал присматриваться еще внимательнее.

Несколько птичек непрерывно перелетали с колоска наколосок, пригибая их своей тяжестью к самой земле. Овсянок всего три. Они приятнее. Овсянки не суетливы, как воробьи. Перелетают редко.

Глянцевые блестящие крылья, яркая грудка, – овсянки выглядели очень празднично. Воробьи рядом с ними казались вывалившимися в пыли.

Синго нравились овсянки – их свист отличался от чириканья воробьев, отличались они и повадками.

Синго некоторое время смотрел, не вспыхнет ли ссора между воробьями и овсянками.

Но воробьи, точно сговорившись, вспархивали все вместе, и овсянки тоже собирались отдельной стайкой – и те и другие чувствовали себя независимо, но далее если они и сбивались в одну кучу, ничего похожего на ссору не возникало.

Синго пришел в восторг. Это случилось утром, когда он умывался.

Видимо, ему напомнили этот случай воробьи на воротах храма.

Проводив посетителей, Синго прикрыл за ними дверь и, обернувшись к Хидэко, сказал:

– Ты мне не покажешь дом, где живет женщина, с которой встречается Сюити?

Синго решил попросить ее об этом, когда еще разговаривал с посетителями, но для Хидэко его вопрос был неожиданным.

Всем своим видом Хидэко выражала протест, она побледнела, но сдалась сразу же. И все же сказала сдержанно звенящим голосом:

– Что вы собираетесь там сделать?

– Тебе я никаких неприятностей не доставлю.

– Хотите встретиться с ней?

Синго еще не думал о том, встретится он сегодня с этой женщиной или нет.

– Разве вы не можете пойти туда вместе с Сюити, когда он вернется? – уже более спокойно сказала Хидэко.

Синго заметил, что Хидэко натянуто улыбнулась.

Подавленность не покинула Хидэко и в машине.

У Синго тоже было тяжело на душе оттого, что он унижает Хидэко, топчет ее. Своей просьбой он унижил не только Хидэко, но и самого себя, и своего сына Сюити.

У Синго была надежда покончить с этим делом в отсутствие Сюити. Но он чувствовал, что надежда его так и не сбудется.

– Если вы хотите поговорить, то, я думаю, лучше с той женщиной, которая живет вместе с ней, – сказала Хидэко.

– С той, которая тебе симпатична?

– Да. Давайте я приглашу ее к нам, в фирму, там и поговорите.

– Ну что ж, пожалуй, – сказал Синго нерешительно.

– Однажды Сюити много выпил и, сильно опьянев, начал буйствовать. Приказал этой женщине – пой, и когда та запела приятным голосом, Кинуко заплакала. А уж если Кинуко заплакала от пения этой женщины, значит, она ей во всем подчинится.

Странная у нее манера рассказывать. Кто же эта Кинуко? Наверно, любовница Сюити.

Синго и в голову не приходило, что Сюити так ведет себя, когда выпьет.

Возле университета они вышли из машины и свернули в узкую улочку.

– Если Сюити узнает, что я натворила, мне лучше уйти из фирмы, он никогда мне этого не простит, – тихо сказала Хидэко.

Синго стало не по себе.

Хидэко остановилась.

Нужно свернуть у той каменной ограды, оттуда четвертый дом, на нем табличка с именем Икэда. Я непойду – они знают меня.

– На сегодня хватит – и так я доставил тебе массу хлопот.

– Но почему? Мы ведь уже почти пришли... Разве плохо, если вам удастся восстановить мир в семье?

Хидэко уговаривала его, но чувствовалось, что вся эта история ей неприятна.

Синго обогнул угол дома, обнесенного бетонной оградой, – Хидэко назвала ее каменной, – за которой в саду возвышался огромный клен, четвертым в ряду стоял совсем неприметный маленький старый домик, принадлежащий Икэда. Вход, обращенный к северу, выглядел мрачно, стеклянная дверь на втором этаже, выходящая на веранду, закрыта, никаких звуков из дома не доносится.

Синго прошел мимо. Ничто не привлекло его внимания.

Проходя мимо дома, Синго приуныл. Что скрывает этот дом в жизни его сына? Но Синго не считал себя вправе вторгаться в него.

Он вернулся другой дорогой.

На прежнем месте Хидэко не было. Не оказалось ее и на широкой улице, где они вышли из машины.

Вернувшись домой, Синго, стараясь не смотреть в глаза Кикику, сказал:

– Сюити на минутку заглянул в фирму и сразу же уехал. Хорошо, что погода улучшилась.

Он чувствовал себя совсем разбитым и рано лег спать.

– На сколько дней Сюити взял отпуск? – спросила из столовой Ясуко.

– Знаешь, я его не спросил. Но у него всего и дел-то – привезти сюда Фусако, наверно, дня на два, на-три, – ответил он, уже лежа в постели.

– Сегодня Кикику с моей помощью простегала ватное одеяло.

Приезжает Фусако с двумя детьми – сколько забот свалится на Кикику, думал Синго.

А что, если придется поселить Сюити отдельно, – подумал Синго, и сразу же в памяти всплыл дом любовницы Сюити, который он видел в Хонго.

Синго вспомнил, как противилась его просьбе Хидэко. Каждый день она работает с ним рядом, но он ни разу не видел, чтобы она так возмущалась.

Может быть, ему никогда не придется увидеть, как возмущается Кикику. Однажды Ясуко сказала Синго, что Кикику старается не ревновать, чтобы не огорчить отца.

Синго, разбуженный храпом Ясуко, зажал ей нос. Ясуко, словно она и не думала еще спать, сказала бодро:

– Как ты думаешь, Фусако снова приедет с тем самым фуросики?

– Наверно. Они замолчали.

Сон об острове

1

Под полом оценилась приبلудная собака. Оценилась – так могут сказать лишь посторонние, но ведь и для семьи Синго собака была чужой. Оценилась под полом, и никто из домашних не знал, когда это случилось.

– Мама, Тэру не приходила ни вчера, ни сегодня, может быть, потому что принесла щенят? – дней семь назад сказала на кухне Кикуко.

– Не знаю, возможно, – равнодушно ответила Ясуко.

Синго, грея ноги у жаровни, заваривал себе зеленый чай. С этой осени у него вошло в привычку по утрам Пить зеленый чай, и он сам его заваривал.

Кикуко заговорила о Тэру, готовя завтрак, и на этом разговор оборвался.

Когда Кикуко, опустившись на колени, поставила перед Синго миску с супом из соевых бобов, Синго налил ей чаю.

– Может, выпьешь чашечку?

– Выпью, пожалуй.

Такого еще не бывало, и Кикуко уселась поудобнее.

Синго взглянул на нее.

– И на оби⁵ и на кимоно у тебя хризантемы.

А ведь сезон хризантем уже кончился. В этом году из-за неприятностей с Фусако забыли о твоём дне рождения.

– Почему же, на моем оби – все четыре благородных растения. Так что его можно носить круглый год.

– Что это значит «четыре благородных растения»?

– Орхидея, бамбук, слива, хризантема... – сказала Кикуко звонко. – На чем-нибудь вы их, конечно, видели, отец, и должны знать. И на картинах они бывают и на кимоно.

– Скромный рисунок. Поставив чашку, Кикуко сказала:

– Очень вкусно.

– Этот зеленый чай я получил в подарок от семьи покойного, память которого я почтил, – как же его звали? – и теперь я снова стал пить зеленый чай. Раньше я его пил всегда. У нас дома другого чая вообще не бывало.

Сюити в то утро ушел в фирму раньше, чем Синго. Надевая ботинки в прихожей, Синго пытался вспомнить имя покойного приятеля, семья которого прислала ему в подарок зеленый чай. Можно было бы, конечно, спросить у Кикуко, но он промолчал. Этот приятель умер, внезапно в гостинице на горячих водах, куда он поехал с молодой женщиной.

– Давно что-то Тэру не приходила, – сказал Синго.

– Да, ни вчера, ни сегодня, – ответила Кикуко. Обычно, услышав, что Синго собирается выйти из дому, Тэру подходила к крыльцу и провожала его до ворот.

Совсем недавно, вспомнил Синго, Кикуко гладила на крыльце Тэру по животу.

– Отвратительный какой-то, вздутый, – сказала, нахмурившись, Кикуко, пытаясь нащупать щенков. – Сколько их там?

Тэру посмотрела на Кикуко странно побелевшими глазами, потом легла на бок и подставила живот.

Живот Тэру не был настолько вздутый, чтобы вызвать отвращение, как сказала Кикуко. В паху кожа, словно став тоньше, порозовела, у сосков налипла грязь.

– Сосков десять?

Услышав это от Кикуко, Синго тоже стал издали пересчитывать соски собаки. Самые верхние – маленькие, словно бы увядшие.

⁵ Оби – длинный широкий кусок материи, служащий поясом для кимоно.

У Тэру был хозяин, она носила даже ошейник с номером, но, видно, хозяин плохо ее кормил, и она отбилась от дома. Раньше Тэру вертелась около кухонь соседей. Но когда Кикуко стала добавлять к остаткам от завтрака и ужина припасенные для нее вкусные кусочки, собака большую часть времени проводила у дома Синго. Часто по ночам в саду слышался дай Тэру, и можно было подумать, что она вообще прижилась у них. Но даже Кикуко не считала ее своей дворовой собакой.

Ну, а щенков она всегда приносила в доме хозяина.

Поэтому, когда Тэру не появлялась в течение нескольких дней, Кикуко и подумала, что, наверно, она оценилась в доме хозяина.

Синго было даже обидно, что щениться она все-таки возвращается в хозяйский дом.

Но на этот раз Тэру оценилась под полом в доме Синго. Никто не знал об этом дней десять.

Однажды, когда Синго вернулся вместе с Сюити из фирмы, Кикуко сказала:

– Отец, Тэру оценилась.

– Что ты говоришь? Где?

– Под полом, под комнатой прислуги.

– Хм.

Когда прислуга уехала, ее маленькую комнатушку превратили в чулан и стали складывать в нее разные вещи.

– Тэру, оказывается, забралась под пол, я заглянула туда, – похоже, там есть щенки.

– Хм. И сколько же их?

– Темно, как следует не рассмотрела. Они в самом дальнем углу.

– А, ну тогда понятно. Значит, оценилась в нашем доме?

– Мне мама еще раньше говорила, Тэру все время вертится в сарае, странно себя ведет, роет лапами землю. Это она искала себе место. Подстелить бы ей в сарае соломки, она бы там, наверно, и оценилась.

– Что мы будем делать, когда щенки подрастут? – сказал Сюити.

Синго тоже радовался, что Тэру принесла щенят в его доме, но ему была неприятна мысль, что придется выбрасывать детенышей приبلудной собаки.

– Неужели Тэру оценилась в нашем доме? – сказала Ясуко.

– В том-то и дело.

– Ты говоришь, под полом, под комнатой прислуги, но ведь это единственная комната в доме, где никто не живет, – значит, Тэру выбрала это место сама.

Ясуко, продолжая сидеть у жаровни, исподлобья взглянула на Синго.

Синго тоже сел у жаровни и, отпив чаю, сказал Сюити:

– Помнишь, Танидзаки как-то обещала помочь нам с прислугой, ты с ней больше не говорил?

Когда Синго стал наливать вторую чашку чая, Сюити остановил его:

– Пепельница, отец.

По рассеянности Синго начал наливать чай в пепельницу.

2

– Так мы и состарились, ни разу не взобравшись на Фудзи, – бормотал Синго, сидя в своем кабинете.

Неожиданно всплывшие слова, но в них, казалось ему, был какой-то тайный смысл, и он снова пробормотал их.

Может быть, эти слова всплыли потому, что прошлой ночью он видел сон об острове Мацусима.

Синго никогда в жизни не был на Мацусима и все же видел сон об этом острове, – утром это показалось ему удивительным.

До сих пор, подумал Синго, он ни разу не был ни в одном из достопримечательных мест

Японии, ни на Мацусима, ни в Аmano хасидатэ.⁶ Однажды не в сезон, зимой, он побывал на острове Миядзима в Амако, да и то сделал там лишь короткую остановку, когда возвращался из командировки на Кюсю.

Утром он помнил лишь обрывки сна, но в памяти ярко запечатлелись цвет сосен на острове и цвет моря. Он отчетливо помнил, что это был остров Мацусима – остров сосен.

На лужайке под соснами Синго обнимал девушку. Они боялись, что их увидят, и прятались. Наверно, они вдвоем отделились от компании. Девушка была еще совсем молоденькая. Почти девочка. Сколько ему лет, он не знал. Судя по тому, что Синго бежал с ней между соснами, он тоже был молод. Во всяком случае, обнимая девушку, он, наверно, не ощущал разницы в возрасте. И вел себя, как молодой. Но ему не казалось, что он вернулся в свою молодость, что все это происходило давно. Оставаясь, как сейчас, шестидесятидвухлетним, он представлял себя юношей лет двадцати. Этим сон и был загадочен.

Компания на моторной лодке плыла далеко в море. В лодке встала во весь рост женщина и помахала им платком. Даже проснувшись, он отчетливо помнит белый платок на фоне синего моря. Синго и девушку оставили одних на маленьком островке, но это их нисколько не беспокоило. Синго думал лишь об одном – он видит лодку в море, а с лодки не видно укрытия, и в котором они притаились с девушкой.

Синго проснулся, как раз когда увидел белый платок.

Утром, встав с постели, Синго уже не знал, что за девушка привиделась ему. У нее уже не было ни лица, ни даже общих очертаний. Не осталось никакого ощущения от прикосновений. Ярко запечатлелись лишь цвета пейзажа. Но почему все происходило на Мацусима, почему он видел во сне Мацусима – понять этого он не мог.

Синго ни разу не был на Мацусима, ни разу не плывал на лодке к необитаемому острову.

Синго хотелось поговорить со своими домашними, – не от нервного ли истощения ему снился цветной сон, – но так и не решился. Ему было неловко, что во сне он обнимал девушку. А что он видел во сне себя, сегодняшнего, молодым – что в этом противоестественного?

Загадочное смещение времени во сне даже позабавило Синго.

Если бы он вдруг понял, кто была та девушка, вся загадочность этого сна мгновенно бы разрушилась, думал Синго, попыхивая сигаретой в своем кабинете, и тут раздался легкий стук, и дверь распахнулась.

– Доброе утро, – вошел Судзумото. – Решил заглянуть, вдруг, думаю, пришел уже.

Судзумото снял шляпу. Хидэко вскочила, чтобы взять у него пальто, но он, не раздеваясь, сел на стул. Синго удивленно посмотрел на лысую голову Судзумото. Возле ушей выступили коричневатые старческие пятна, и весь он выглядел каким-то неопрятным.

– Что случилось? Прямо с утра ты ко мне. Подавив улыбку, Синго стал рассматривать свои руки. Тыльная сторона ладони и запястья временами и у него покрываются коричневатыми пятнами.

Мидзута, помнишь, тот, что умер в объятьях женщины...

– Да, да, Мидзута, – вспомнил Синго. – Совершенно верно, именно от семьи покойного. Мидзута я получил в подарок зеленый чай, и снова у меня вошло в привычку пить его по утрам. Прекрасный чай они мне подарили.

– Зеленый чай – это ладно. Умереть в объятьях молодой женщины – что может быть прекраснее. Я слышал рассказы о такой смерти, но никогда не думал, что это может случиться с нашим Мидзута.

– Хм.

– Даже завидно.

– Ты тоже толстый и лысый – так что у тебя есть все шансы.

⁶ Называют три достопримечательных места Японии, известных своей красотой: Мацусима, Аmano хасидатэ и Ицукусима.

– Но зато у меня не такое высокое давление. А Мидзута всегда боялся инсульта и никогда не оставался один, особенно когда уезжал из дому.

Мидзута скоропостижно скончался в гостинице на горячих водах. На похоронах его приятели перешептывались, что он, если выразиться, как Судзумото, умер в объятьях молодой женщины. Мидзута умер оттого, что поехал с женщиной, – почему они предполагают, что он умер именно от этого, думал потом Синго и решил, что рассказ этот мало правдоподобен. Но все-таки тогда ему было любопытно – придет ли эта женщина на похороны: одни утверждают, что женщина – самое отвратительное, что есть в жизни, другие, наоборот, утверждают, что если женщина любит мужчину, то и она может быть желанной.

Синго считал, что это одно из проявлений старческого маразма – когда его шестидесятилетние приятели сыплют студенческими словечками на том лишь основании, что они когда-то вместе учились в университете. И сейчас называют друг друга по прозвищу или уменьшительными именами, запомнившимися со студенческих лет. Они знали друг друга с юности, это не только сближало их, но и вызывало взаимную неприязнь, – ведь каждый из них прочно укрылся в скорлупе замшелого эгоизма. Сейчас они острят по поводу смерти Мидзута, который недавно сам высмеивал умершего Торияма.

Судзумото и на похоронах с вожделием и завистью говорил о смерти в объятьях женщины, но Синго просто передернуло, стоило ему представить себе смерть этого человека по такой милой сердцу Судзумото причине.

– Нет, для пожилого человека такая смерть непристойна, – сказал он.

– Безусловно. Ведь нам уже не снятся женщины, – присмирел Судзумото.

– Тебе случалось взбираться на Фудзи? – сказал Синго.

– На Фудзи? На гору Фудзи? – На лице Судзумото было написано недоумение. – Нет, не случалось. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Мне тоже не случалось. Так мы и состарились, ни разу не взобравшись на Фудзи.

– Что? Здесь какая-то двусмысленность, да?

– Не говори глупостей, – пренебрежительно бросил Синго.

Сидевшая за столом у двери и щелкавшая на счетах Хидэко тихонько прыснула.

Я убеждаюсь, что людей, которые оканчивают свои дни, так и не взобравшись на Фудзи, не повидав трех достопримечательных мест Японии, не так уж мало. Интересно, сколько процентов японцев взбиралось на Фудзи?

– Думаю, и одного процента не наберется. Судзумото снова вернулся к своей излюбленной теме.

– А таких счастливых, как Мидзута, один на десятки тысяч, да нет, пожалуй, на сотни тысяч.

– Хорошо, предположим, что ему повезло, но каково семье?

– Да, так вот как раз о семье. У меня была жена Мидзута, – сказал Судзумото, переходя на деловой тон. – Она обратилась с просьбой. – С этими словами он стал развязывать фуросики, лежавший на столе. – Это маски. Маски Но. Она попросила меня купить их. Я приехал показать тебе.

– В масках я ничего не понимаю. То же самое, что с тремя достопримечательными местами: знаю, что в Японии они есть, но ни разу там не был.

В фуросики лежали две маски в футлярах. Судзумото достал их.

– Эту называют маской Дзидо, а эту – Кацусики. Обе – маски детей.

– Это дети?

Синго протянул руку к маске Кацусики, взял ее за шнурки, продетые сквозь дырочки в ушах, и стал внимательно рассматривать.

– На лбу нарисована челка. Формой маска напоминает плод гинго. Это ребенок еще, не прошедший обряда совершеннолетия. Улыбается во весь рот.

– Хм.

Синго, чтобы лучше рассмотреть маску, отвел ее на всю длину руки.

– Танидзаки-кун, у меня там очки, – сказал он Хидэко.

– Нет, нет, не надо. Лучше так. Маску Но лучше рассматривать, чуть приподняв ее вверх на вытянутых руках. Наша старческая дальnozоркость тут даже кстати. К тому же тогда маска смотрит вниз и затемнена.

– На кого-то она очень похожа. Как живая. Существуют термины «затемнить» маску, то есть наклонить ее вперед, и она сразу же становится грустной, и «осветить» маску – наклонить ее назад, и она кажется веселой, объяснял Судзумото. Повороты вправо и влево называют «принимать» и «отвергать».

– На кого-то она все-таки похожа, – снова сказал Синго.

– На мальчика она, пожалуй, не похожа, скорее – на юношу.

– В старые времена дети рано взрослели! К тому же это лицо сказочного персонажа. Даже в театре Но такая маска – редкость. Присмотрись как следует – ребенок. Дзидо – это, кажется, добрый дух. Его всегда изображали вечным ребенком.

Синго стал поворачивать маску Дзидо, как только что учил Судзумото.

У Дзидо волосы впереди коротко острижены, как у каппы⁷.

– Ну так как? Входи со мной в компанию, – сказал Судзумото.

Синго положил маску на стол.

– Она обратилась к тебе, ты и покупай.

– Я и купил. Дело в том, что жена Мидзута принесла пять масок. Я взял две женские. Одну уговорил купить Умино. Предлагаю и тебе купить.

– Значит, мне – остатки. Себе выбрал женские маски – хитрец.

– А женские, по-твоему, лучше?

– Конечно, лучше. Но их уже нет.

– Хорошо, я их тебе принесу. Если ты их купишь – пожалуйста. Мидзута постигла такая смерть, и когда я увидел лицо его жены, мне стало жаль ее, и не мог отказать. Но эти маски сделаны искуснее, чем женские. Разве плох этот вечный ребенок?

– Мидзута умер, а еще до него умер Торияма, который много лет видел эти маски в доме Мидзута. Нет, мне это будет неприятно.

– Но, может быть, маска Дзидо все же хороша? Как-никак вечный ребенок.

– Ты был на панихиде по Торияма?

– Нет, послал извинения, что не смогу быть. – Судзумото поднялся. – В общем, оставляю их тебе, посмотри на досуге. Если не понравятся, можешь предложить еще кому-нибудь.

– Понравятся или не понравятся – не имеет значения, я не хочу связываться с этими масками. Они, кажется, действительно великолепные, но лишить их театр Но и держать мертвым грузом – значит просто убить их. Ты не согласен?

– Пусть это тебя не беспокоит.

– Сколько они стоят? Дорого, наверно? – сказал Синго.

– Да, чтобы не забыть, я попросил жену Мидзута написать цену. Вот она на этих бумажках. Маски примерно столько и стоят, но она, видимо, уступит.

Синго надел очки, взял в руки тесемку, к которой была привязана бумажка, и в тот миг, когда все предметы перед его глазами приобрели четкие контуры, он чуть не вскрикнул, увидев, как прекрасны черты лица и особенно губы Дзидо.

Когда Судзумото вышел, к столу Синго подошла Хидэко.

– Красивая, правда? Хидэко молча кивнула.

– Не хочешь надеть ее?

– Что вы, я в ней буду выглядеть странно. Если бы на мне было кимоно, – сказала Хидэко, но Синго подошел к ней с маской, и она сама надела ее на себя и завязала тесемки на затылке.

– Теперь, пожалуйста, медленно поворачивай голову.

– Хорошо.

Хидэко, стоя на месте, стала поворачивать голову то в одну, то в другую сторону.

⁷ Каппа – сказочное существо, живущее в реках. То же, что водяной.

– Прекрасно, прекрасно, – сказал неожиданно для себя Синго. Этих движений было достаточно, чтобы маска ожила.

На Хидэко было вишневое платье, пышные волосы выбивались с обеих сторон маски, она выглядела очень привлекательно.

– Хватит или еще?

– Хватит.

Синго послал Хидэко купить справочник по маскам Но.

3

На обеих масках – и Кацусики и Дзидо – были имена мастеров. Сверившись со справочником, Синго установил, что это, правда, не старые мастера эпохи Муромати⁸ но все же довольно известные художники, хоть и более позднего времени. Во всяком случае, Синго, который впервые держал в руках маски Но, – заключил, что перед ним вероятней всего не подделка.

– Ой, какие неприятные. Кто это? – Ясуко, надев очки, стала рассматривать маски.

Кикуко тихонько засмеялась.

– Мама, вы нарочно надели очки отца?

– Неважно. Стариковские очки – они любому подойдут, – ответил за нее Синго.

– У кого ни брала, всегда годятся.

На Ясуко были очки, которые подал ей Синго, вынув их из кармана.

– Муж всегда проворней. А у нас дома тем более – бабка-то постарше.

Синго был в прекрасном расположении духа. Не переодевшись, он сел у жаровни и стал греть ноги.

– Что плохо, когда глаза старые, – еду не видишь, которую тебе подают. Особенно если что-нибудь мелкое – никак не разберешь, что это такое. Когда у меня начали портиться глаза, рис в миске превратился в сплошную массу – крупинки перестал различать. И сразу же рис потерял для меня всякий вкус, – говорил Синго, внимательно рассматривая маски Но.

Наконец он заметил, что Кикуко, положив перед собой его домашнее кимоно, ждет, чтобы он переоделся. Заметил также, что Сюити еще не вернулся домой.

Неотрывно глядя на лежавшую около жаровни маску, Синго встал и начал переодеваться.

Но делал он это еще и оттого, что боялся встретиться взглядом с Кикуко.

Кикуко убирала его одежду, даже не пытаясь подойти ближе и посмотреть маски, – наверно, расстроена оттого, что Сюити опять не пришел вовремя, с горечью думал Синго.

– Какие неприятные, словно человеческие лица, – сказала Ясуко.

Синго вернулся к жаровне. – Какая, по-твоему, лучше?

– Пожалуй, эта, – не задумываясь ответила Ясуко, дотронувшись рукой до Кацусики. – Прямо как живая.

– Хм. Думаешь, эта?

Синго считал, что решение ее слишком поспешно.

– Они относятся к одному времени, но мастера разные. Эпоха Тоётоми Хидэеси⁹. – С этими словами Синго взял маску Дзидо за самый верх.

Кацусики была мужской маской, и брови были мужские, а маска Дзидо скорее бесполой – глаза широко расставлены, а узкие серповидные брови почти девичьи.

Синго наклонился над маской, – гладкая, точно девичья кожа; ему показалось, что это действительно кожа, и в его старых глазах она вдруг приобрела мягкость, человеческую

⁸ Эпоха Муромати– 1338—1573 гг.

⁹ Тоётоми Хидээси – правитель Японии с 1585 по 1598 г.

теплоту – маска улыбнулась, как живая.

О!... У Синго даже дыхание перехватило. Он еще ниже склонился к маске, – улыбалась живая женщина. Улыбка очаровательная, радостная.

Глаза и рот в самом деле живые. В пустых глазницах даже виделись черные зрачки. Пунцовые губы казались податливо-влажными. Затаив дыхание, Синго коснулся носа – снизу всплыли иссиня-черные зрачки, нижняя губа потянулась к нему. Синго чуть было не поцеловал маску. Потом глубоко вздохнул и отстранился от нее.

Отстранился, и все случившееся показалось ему неправдоподобным. Он прерывисто дышал.

Синго нахмурился и убрал маску Дзидо обратно в футляр. Футляр из красного дерева. Футляр от Кацусики он протянул Ясуко.

– Положи в него маску.

Ярко-красная краска – такого цвета была губная помада в старые времена – не только обрисовывала губы, но и проникала внутрь, и Синго казалось, что нижнюю губу Дзидо он видит всю насквозь, даже самые скрытые ее части. Рот был слегка приоткрыт, и губы казались красным цветком на снегу.

В маске Но есть что-то влекущее, заставляющее человека снова и снова смотреть на нее, даже прикасаться к ней. Может быть, сам мастер не предполагал такого эффекта. Со сцены театра Но, на значительном расстоянии, маска всегда видится живой. Это естественно, но и сейчас, вблизи, она тоже как живая – Синго это казалось секретом мастера, полюбившего маску.

Все это из-за того, что и сам Синго испытывал к ней влечение. И чаровала она его сильнее, чем живая женщина, наверно, просто потому, что у него больные старческие глаза, подумал он, улыбаясь.

Но ведь во сне он обнимал девушку. И Хидэко, когда она надевала маску, показалась ему удивительно привлекательной, да и сейчас он чуть было не поцеловал Дзидо, – что станет с его семьей, если цепь этих сомнительных поступков будет продолжаться, думал Синго.

С тех пор как Синго стал страдать старческой дальнозоркостью, он не приближался к молодым женщинам. Не потому ли, что глаза старика все видят в более мягком, тусклом свете?

– Эти маски принадлежали Мидзута, помнишь, который умер на горячих водах, мы еще получили от его семьи в подарок зеленый чай, – сказал Синго, обращаясь к Ясуко.

– Какие неприятные, – повторила она. Синго стал пить чай, подлив в него виски. Кикико в кухне нарезала лук, чтобы приготовить окуня с соевым творогом и овощами.

4

Утром двадцать девятого, за несколько дней до Нового года, Синго, умываясь, увидел, как Тэру выносит своих щенят на солнце. Она и раньше вытаскивала их из-под пола, но Синго не знал точно, сколько щенков – четыре или пять. Как только из-под пола появлялся щенок, Кикико проворно хватала его и несла в дом. Стоило ей прижать щенка к себе, тот сразу же успокаивался, но остальные, увидев человека, снова забивались под пол, так что все вместе в саду они еще ни разу не появлялись, поэтому Кикико никак не могла точно определить, сколько их, четыре или пять.

Теперь на солнышке грелось действительно пять щенят.

Это было в том самом месте у подножия горы, где Синго как-то наблюдал за воробьями и овсянками. Туда свозили землю, когда копали щели, чтобы укрываться от бомб, во время войны на этой насыпи даже выращивали овощи. А теперь на ней лежали, греясь на солнышке, щенки.

Пампасовая трава, колосья которой начисто выклевали овсянки и воробьи, торчала у подножия горы сухими стеблями, и только на насыпи она была по-прежнему сочной. Насыпь была покрыта мягкой травой, и Синго с удивлением отметил, что у Тэру хватило ума выбрать именно это место для своих щенят.

Задолго до того, как встанут люди, а встав, начнут возиться с завтраком, Тэру вытаскивает щенят на хорошее место и кормит их, греясь на солнышке. И они успевают вдоволь насладиться минутами, когда их не побеспокоит никто из людей. Так подумал сначала Синго, умиляясь этой идиллической сценкой.

Было уже двадцать девятое декабря, а солнце в Камакура грело так, как будто осень еще в самом разгаре.

Но, присмотревшись, он увидел, что никакой идиллии нет – пять щенков, отталкивая друг друга, борются за соски и изо всех сил давят на них передними лапками, выкачивая молоко, как насосом. Он увидел, что щенки обладают огромной жизнеспособностью. Может быть, потому, что они подросли настолько, что могли уже сами взбираться на насыпь. Тэру время от времени стряхивала их и поджимала живот, чтобы они не могли добраться до сосков, уже расцарапанных до крови их острыми коготками.

Наконец Тэру поднялась и решительно стряхнула щенят, присосавшихся к ней. И сбежала с насыпи. Черный щенок, вцепившийся в мать крепче других, кубарем покатился вниз.

Он упал чуть ли не с метровой высоты, и Синго испугался за него. Но щенок как ни в чем не бывало вскочил на ноги и стал бегать, нюхая землю.

Вот это да, подумал Синго. Ему казалось, что он впервые видит такую сцену, и в то же время – что когда-то он уже видел это. Синго задумался.

– Ну конечно, на картине Сотацу, – прошептал он. – Хм. Молодец.

Синго как-то видел репродукцию картины Сотацу «Щенок» и сначала подумал, что нарисована игрушечная собачка, просто украшение, – и теперь он был поражен, поняв, что щенок на картине совсем настоящий, чуть ли не живой. И стоит только мысленно придать этому черному щенку больше грации, изящества – сразу же появится та самая картина.

Думая об этом, Синго вспомнил, что маска Кацусики, удивительно живая, напоминает ему кого-то.

Мастер, сделавший маску Кацусики, и художник Сотацу жили в одном веке.

Говоря попросту, Сотацу нарисовал щенка дворняги.

– Идите сюда, смотрите. Все щенки уже здесь. Четыре щенка, ковыляя и переваливаясь, сошли с насыпи.

Синго предчувствовал, что ни черный щенок, ни остальные уже не повторят сценки, изображенной на картине Сотацу.

Он подумал, не откровение ли это, что щенок превратился в картину Сотацу, а маска Дзидо – в современную женщину, или, наоборот, одно противостоит другому?

Синго повесил маску Кацусики на стену, а маску Дзидо потихоньку спрятал в шкаф, в самую глубину.

Ясуко и Кикико, которых позвал Синго, подошли к умывальнику посмотреть на щенков.

– Что ж это вы, мылись и не обратили на них внимания? – сказал Синго, и Кикико, слегка обняв Ясуко за плечи, ответила:

– У женщин по утрам голова идет кругом от забот, правда, мама?

– Конечно. А где Тэру? – сказала Ясуко. – Куда-то убежала, а детеныши ее бродят, бедные, словно заблудились или их подкинули.

– Ужасно, что приходится их выбрасывать, – сказал Синго.

– Двух мы наверняка пристроим, – сказала Кикико.

– Что ты говоришь? Неужели кто-нибудь хочет их взять?

– Да. Один – это хозяин Тэру. Сказал, что возьмет кобелька.

– Вот как? Тэру отбилась от дома, и теперь он решил вместо нее взять ее щенка?

– Видимо.

– А что касается Тэру, мама, то она, наверно, пошла поесть, – ответила Кикико на вопрос, который Ясуко задала раньше, и пояснила Синго: – Тэру умная – все прямо удивляются ее сообразительности. Она точно знает, когда в каком доме на нашей улице едят, и приходит без опоздания.

– Что ты говоришь? Ловко устроилась.

Синго был немного разочарован. Неужели, когда он завтракает или ужинает, полагая, что Тэру дома, она ходит по соседям, подгадав время, когда те едят?

– Точнее говоря, приходит не к самой еде, а сразу же после нее, когда уже есть обеды, – добавила Кикико. – Недавно, когда Тэру у нас в доме принесла щенят, я сказала об этом соседкам, и они потом все расспрашивали меня, как Тэру. А соседские дети пришли и просят: покажите щенков Тэру. Это когда вас не было дома, отец.

– Вот это популярность.

– Да, необыкновенная. Соседка рассказала мне интересную вещь. Если Тэру пришла в ваш дом и родила здесь, говорит она, значит, у вас должен еще кто-то родить. Тэру решила так надоумить молодую хозяйку. Разве это не радостное событие? – сказала Ясуко, и Кикико покраснела и убрала руку с ее плеча.

– Ой, мама.

– Так соседка сказала.

– Разве можно сравнивать собаку с человеком? – сказал Синго. Эти слова тоже не были так уж кстати.

Однако Кикико подняла голову, до этого опущенную.

– Особенно заботится о Тэру дед Амамия-сана. Может, дадите мне щенка, говорит. По моему, он человек надежный. Он так сердечно говорил со мной, что мне стало даже неудобно.

– Вот как? Ну что ж, пожалуй, пусть возьмет, – ответил Синго. – Ладно, пошли домой.

Амамия был соседом хозяина Тэру, но, потеряв работу, продал дом и переехал в Токио. Вместе с ним жили муж с женой, старики, помогавшие по дому. В Токио у Амамия дом был слишком мал, и он не мог взять их с собой, так что они остались в Камакура и сняли себе жилье. Этого старика, всю жизнь прожившего в доме Амамия, все звали дедом Амамия.

Тэру была дружна с дедом Амамия больше, чем с другими. Даже когда они сняли комнату и переехали в другое место, старик приходил, только чтобы проведать Тэру.

– Надо поскорее сказать деду, что мы дадим ему щенка. Обрадовать его. – С этими словами Кикико вышла из дому.

Синго не посмотрел ей вслед. Наблюдая за черным щенком, он вдруг увидел, что упал большой репейник, который рос у окна. Цветы с него осыпались, стебель сломался у самого корня, но был еще зеленый.

– Крепкое растение репейник, – сказал Синго.

Вишня зимой

1

В ночь под Новый год пошел дождь и лил весь следующий день.

Новый год, и можно было встать попозже, но Сатоко, дочка Фусако, с раннего утра начала бегать по веранде, и Синго проснулся.

Кикико уже поднялась.

– Сатоко-тян, иди сюда. Давай вместе жарить рисовые лепешки с овощами, приготовим с тобой настоящий праздничный завтрак. Сатоко-тян будет мне помогать, ладно? – Кикико зазывала Сатоко в кухню, наверно, для того, чтобы та не бегала по веранде, примыкавшей к спальне Синго, но девочка, словно ничего не слыша, продолжала топтать.

– Сатоко, Сатоко, – позвала Фусако, которая еще лежала в постели. Сатоко не ответила и матери.

Проснулась Ясуко и сказала Синго:

– Дождливый Новый год.

– Угу.

– Из-за того, что поднялась Сатоко, а Фусако еще лежит в постели, встать вынуждена

была Кикуко.

Ясуко произнесла длинное «вынуждена была», и язык у нее немного заплетался. Синго показалось это странным.

– Меня уже давно в новогоднее утро не будили дети, – сказала Ясуко.

– Теперь это будет ежедневно.

– Вряд ли. В доме Аихара не было веранды, и сейчас Сатоко бегает там, потому что ей это в новинку. Скоро привыкнет и перестанет, я думаю.

– Не знаю. Дети ее возраста очень любят бегать по веранде. Доски скрипят с таким присвистом.

– Это потому, что ножки еще слабые, – сказала Ясуко, прислушиваясь к топоту Сатоко. – В этом году ей исполняется уже пять, а ведет она себя, как трехлетняя, – прямо бес в нее вселился. Впрочем, мне шестьдесят три, а тебе всего шестьдесят два, но особой разницы между нами нет.

– Кстати сказать, ты ошибаешься. На первый взгляд это может показаться странным. Но дело в том, что я родился в начале года, а ты в конце, и, значит, какое-то время мы с тобой всегда однолетки. С моего дня рождения до твоего мы однолетки.

– Ну да, конечно, – согласилась Ясуко.

– Что ты скажешь? Великое открытие. Жизненная катастрофа.

– Ты прав. Но теперь уж ничего не поделаешь – мы действительно однолетки, – прошептала Ясуко.

– Сатоко, Сатоко, Сатоко, – снова позвала Фусако.

Сатоко перестала бегать и вернулась в постель к матери.

– Смотри, как ноги замерзли, – услышался голос Фусако.

Синго закрыл глаза.

Через некоторое время Ясуко снова заговорила:

– Пусть хоть побегает, пока мы не встали. Ведь стоит нам появиться – прилипнет к матери, не оторвешь, и будет озираться исподлобья.

Они оба старались пробудить друг в друге любовь к внучке.

Во всяком случае, о Ясуко определенно можно было подумать, что она пробуждает в Синго любовь к девочке.

Или, может быть, Синго сам пробуждал в себе эту любовь?

Топот Сатоко на веранде был, разумеется, неприятен невыспавшемуся Синго, раздражал его, но не так уж сильно.

Правда, и теплого чувства это в нем не вызывало. Вероятно, у него действительно не хватает тепла.

Синго не обратил внимания, что на веранде, где бегала Сатоко, даже ставни еще не открыты и темно. А Ясуко сразу заметила. И ей стало жаль девочку, которая бегала в темноте.

2

Неудачная семейная жизнь Фусако омрачила детство Сатоко. Это не могло не вызывать сочувствия Синго, но было еще множество забот, не дававших ему покоя. Да и распавшуюся семью дочери уже ничто не могло спасти.

Синго просто не знал, что делать.

Всем известно, чего стоит влияние родителей, когда речь идет о жизни дочери в семье мужа, но только когда дело доходит до развода, начинают по-настоящему задумываться, насколько бессильна сама дочь.

Фусако с двумя детьми уйдет от Аихара и вернется к родителям, но это совсем не значит, что все устроилось. Фусако этим не исцелить. И жизнь ее тоже не наладить.

Неужели рухнувшую семейную жизнь женщины исправить уже невозможно?

Когда осенью Фусако ушла от Аихара, она не вернулась в дом родителей, а поехала в деревню, на родину матери. Из телеграммы, которую Фусако прислала оттуда, Синго и его

домашние узнали, что она ушла от мужа.

Потом Сюити привез ее к родителям.

Прожив у них около месяца, Фусако уехала, чтобы, как она сказала, окончательно объясниться с Аихара.

Синго, правда, считал, что лучше бы с Аихара поговорить Сюити, но Фусако не послушалась и поехала сама.

Когда Ясуко предложила ей поехать без детей, Фусако набросилась на нее с истерическим криком:

– С детьми вопрос еще не решен. Я пока и сама не знаю, с кем они будут жить – со мной или с Аихара.

Она уехала и долго не возвращалась.

Такие дела касаются прежде всего мужа и жены, поэтому Синго и остальным домашним не оставалось ничего иного, как терпеливо ждать, пребывая в полном неведении, – это были тревожные дни.

От Фусако по-прежнему не было известий.

Может, она решила остаться с Аихара?

– Фусако не знает, что ей делать, – сказала Ясуко.

– А может быть, именно мы виноваты в том, что она не знает, что ей делать, – ответил Синго, и оба помрачнели.

И вот под самый Новый год Фусако неожиданно вернулась.

– Ой, что случилось?

Ясуко испуганно смотрела на Фусако и детей.

Фусако пыталась сложить зонтик, но он не слушался ее – дрожали руки, и, похоже, несколько спиц было сломано.

Увидев зонтик, Ясуко спросила:

– Разве на улице дождь?

Подошла Кикуюко и взяла Сатоко на руки.

Кикуюко перед тем помогала матери раскладывать по мискам рыбу и овощи, сваренные в соевом соусе.

Фусако вошла с черного хода, прямо на кухню.

Синго подумал было, что Фусако приехала, чтобы занять немного денег, но все оказалось иначе.

Ясуко, вытерев руки, тоже пришла в столовую и, не садясь, пристально посмотрела на Фусако.

– Что ж это такое, Аихара-сан отпускает жену под самый Новый год, – сказала она.

Фусако, не отвечая, заплакала.

– Оставь ее. Разве ты не видишь, что у них полный разрыв? – сказал Синго.

– Вот оно что? Все равно, подумать только, выгнать жену под Новый год – где это видано?

– Я сама уехала, – сквозь слезы возразила Фусако.

– Ну что ж, прекрасно. Так и решим – ты вернулась домой, чтобы отпраздновать Новый год со своими родными. Наговорила я тебе неизвестно чего. Прости меня. А в новом году спокойно все обсудим.

Ясуко ушла на кухню.

Синго неприятно кольнули слова Ясуко, но в них ему послышалась и материнская любовь.

Не потому ли, подумал Синго, что Ясуко немного стыдно перед ним, она сразу же пожалела Фусако, когда та поздно вечером под Новый год вернулась домой с черного хода, пожалела и Сатоко, когда та на следующее утро бегала по темной веранде?

В новогоднее утро Фусако спала дольше всех.

Вся семья сидела за столом и дожидалась Фусако, слушая, как та полощет горло, но ее туалет длился бесконечно.

Всем было неловко, и Сюити со словами:

– Выпьем пока по одной, – налил в чашечку Синго сакэ, – Отец совсем поседел.

– Ничего не поделаешь. В нашем возрасте каждый день прибавляет седых волос; да что там каждый день – прямо на глазах седеешь.

– Что ты говоришь?

– Правда. Посмотри. – С этими словами Синго наклонил голову и подался вперед.

Вместе с Сюити голову Синго стала рассматривать и Ясуко. Кикико с серьезным видом тоже посмотрела на голову Синго.

Она держала на коленях младшую дочь Фусако.

3

Для Фусако и детей поставили еще одну жаровню, и Кикико перешла к ним.

Ясуко подседа к жаровне, у которой, расположившись друг против друга, пили Синго и Сюити.

Обычно Сюити пил дома немного, но из-за дождя в первый новогодний день он, вероятно, превысил свою обычную норму и, наливая чашечку за чашечкой одному себе, как будто отец не сидел напротив, напился так, что выражение лица у него совершенно изменилось.

Хидэко как-то рассказывала Синго, что Сюити, напиваясь в доме Кинуко, заставляет петь женщину, что живет вместе с ней, а Кинуко плачет, и сейчас, увидев опьяневшего Сюити, он вспомнил об этом.

– Кикико. Кикико-сан, – позвала Ясуко. – Принеси еще несколько мандаринов.

Кикико вышла и принесла мандарины.

– Иди тоже сюда... А то они сидят вдвоем и молча пьют, – сказала Ясуко.

– Отец действительно ничего не ест, – сказала Кикико, скользнув взглядом по Сюити.

– Я как-то задумался немного о жизни отца, – ехидно пробормотал Сюити.

– О моей жизни? Что же тебя заинтересовало в моей жизни? – спросил Синго.

– Может быть, я неясно выражаюсь, но вот, к примеру, если человека насильно заставляют принять решение и он его принимает – что это – успех или неудача? – сказал Сюити.

– Не могу понять, к чему ты клонишь, – возразил Синго. – Наступил январь нового года. На нашем столе сушеные анчоусы и омлет с рыбой – их вкус вернул меня к довоенному времени. Разве нельзя сказать, что в этом смысле – полный успех?

– Сушеные анчоусы и омлет с рыбой?

– Вот именно. Ты ведь это имел в виду. Если, как ты говоришь, немного задумался о жизни отца.

– Даже если совсем немного?

– Дожил до Нового года, на столе сушеные анчоусы, вокруг дети – вот она, жизнь обыкновенного человека. Ведь сколько людей за это время умерло.

– Ты совершенно прав.

– Но успехи и неудачи в жизни родителей – это успехи и неудачи их детей в семейной жизни, а тут у нас полная неудача.

– Ты так считаешь, отец?

Ясуко укоризненно посмотрела на них.

– Перестаньте, пожалуйста. Только наступил Новый год, а вы уже начали. Здесь же Фусако, – тихо сказала она и спросила у Кикико: – Где Фусако?

– Пошла отдохнуть.

– А Сатоко?

– Сатоко и Кунико тоже.

– Вот это да, мать и дети – все трое – спят? – сказала Ясуко удивленно. Выражение лица у нее стало простодушным, как это часто бывает у стариков.

Хлопнула калитка, и Кикуко вышла посмотреть, кто там. Пришла Хидэко Танидзаки поздравить с Новым годом.

– Вот это да, в такой дождь.

Синго действительно был поражен и повторил: «Вот это да», – вслед за Ясуко.

– Говорит, что не хочет входить, – сказала Кикуко.

– Да?

Синго поднялся и вышел в прихожую.

Хидэко стояла, держа пальто в руках. Она была в черном бархатном платье. На лице лежал толстый слой пудры. Замершая в низком поклоне, она казалась еще миниатюрнее.

Хидэко произнесла приветствие несколько скованно.

– Проливной дождь, а ты все-таки пришла. Сегодня, я уверен, больше никто не придет, да я и сам не собираюсь выходить. Замерзла, наверно, зайди, погрейся немного.

– Хорошо. Спасибо вам.

Синго терялся в догадках: действительно ли Хидэко собиралась поговорить о чем-то, или просто прошлась по дождю и холоду и потому у нее такой вид, будто она хочет пожаловаться на свою судьбу?

И все-таки он почувствовал, что она неспроста пришла к ним в такой дождь.

Хидэко уже совсем готова была войти в комнату.

– Знаешь, я тоже решил выйти. Пойдем вместе, подожди меня. Зайду только к Итакура – я поздравляю его каждый год. Он бывший директор нашей фирмы.

Тревога, владевшая Синго все сегодняшнее утро, с приходом Хидэко усилилась, и он стал поспешно собираться.

Как только Синго вышел в прихожую, Сюити прилег у стола, но когда Синго вернулся и начал переодеваться, снова поднялся.

– Пришла Танидзаки, – сказал Синго.

– А-а.

Сюити, словно это его не касалось, не собирался встречаться с Хидэко.

Когда Синго выходил, Сюити поднял голову и, провожая отца глазами, сказал:

– Смотри вернись засветло.

– Да, я скоро вернусь. Тэру дошла с ними до ворот.

Неизвестно откуда взявшийся черный щенок, подражая матери, переваливаясь, бежал перед Синго к воротам. Шерсть у него на боках была мокрая.

– Хороший ты мой. Хидэко наклонилась к щенку.

– Собака принесла у нас в доме пятерых щенят. Четырех мы уже раздали. Остался один этот, – сказал Синго. – Да и его тоже берут, уже договорились.

В электричке было пусто.

У Синго улучшилось настроение, когда он смотрел из окна вагона на косые струи дождя, – хорошо, что уехал из дому, думал он.

– Каждый год в этот день электричка переполнена – едут в храм Хатимана, а сегодня ни души.

– Ты ведь ежегодно приходишь поздравить нас, – сказал Синго.

– Да.

Хидэко опустила голову.

– Даже когда вы уйдете из фирмы, я все равно буду приходить, чтобы поздравить вас с Новым годом.

– Выйдешь замуж – перестанешь приходить, – сказал Синго. – Что-нибудь случилось? Мне кажется, ты пришла, чтобы о чем-то поговорить.

– Нет.

– Не стесняйся, говори. Голова у меня, правда, воображает тугу – понемногу выживаю из ума.

– Зачем вы так говорите? – сказала Хидэко. – Дело вот в чем – я хочу уйти из фирмы.

Для Синго это не было неожиданностью, но все же он растерялся и не знал, что ответить.

– Вы только не подумайте, что из-за этого я пришла к вам спозаранку в первый день нового года, – сказала Хидэко по-взрослому рассудительно. – Рано или поздно все равно пришлось бы сказать.

– Конечно. Синго помрачнел.

Он подумал, что Хидэко, которая была его секретаршей в течение трех лет, сразу же превратилась в другую женщину. Совсем в другую, не похожую на себя.

Нельзя сказать, что во время работы Синго так уж присматривался к Хидэко. Она была для него секретаршей, и только.

И все же он почувствовал желание удержать Хидэко. Но делать этого не собирался.

– Значит, хочешь уйти из фирмы, и виноват в этом, по-видимому, я. Ведь это я заставил тебя показать дом, где живет женщина, с которой встречается Сюити, хотя ты этому и противилась, и теперь тебе неприятно работать в одной фирме с Сюити. Я прав?

– Мне действительно было очень неприятно делать это, – откровенно сказала Хидэко. – Но потом я подумала, что вы, как отец, не могли не попросить меня. Ваша просьба вполне естественна. К тому же я и сама прекрасно понимала, что поступаю плохо. Мне бывало так приятно, когда Сюити-сан приглашал меня на танцы, что я с удовольствием соглашалась после танцев идти с ним в дом к Кинуко. Вот как низко я пала.

– Низко пала? Это уж ты слишком.

– Я и в самом деле поступала очень плохо. – Хидэко грустно сощурила глаза. – Теперь я ухожу из фирмы и в благодарность за все, что вы для меня сделали, попрошу Кинуко расстаться с Сюити.

Синго поразили слова Хидэко. Ему стало не по себе.

– У нас в прихожей ты видела его жену?

– Кинуко? Да. И мне было очень неприятно. Я твердо решила во что бы то ни стало поговорить с Кинуко.

Синго как бы почувствовал, с каким легким сердцем пошла на это Хидэко, и у него тоже стало легко на душе.

И он подумал: а вдруг действительно с ее помощью все образуется?

– Но я надеюсь, ты собираешься сделать это не потому, что я тебя об этом просил.

– Я решилась на это по своей собственной воле из благодарности к вам.

Синго покорило – слишком уж выпретенные слова произнесла Хидэко своим маленьким детским ротиком.

Ему хотелось даже сказать ей: «Оставь свое безрассудное вмешательство».

Но, видимо, сама Хидэко была возбуждена своей «решимостью».

– Не понимаю я мужчин, – иметь такую очаровательную жену и... Мне неприятно видеть, как он развлекается с Кинуко. Вот если бы на ее месте была его жена, как бы привязан он к ней ни был, я никогда не стала бы его ревновать, – сказала Хидэко.

– Но, с другой стороны, какому мужчине нужна женщина, к которой его не ревнуют?

Синго горько усмехнулся.

– Жену он называет ребенком. Она совсем еще ребенок, говорил он мне часто.

– Тебе? – Голос Синго стал резким.

– Да, и мне, и Кинуко-сан... Ребенок, поэтому деду она и нравится, – говорил он.

– Глупости.

Синго взглянул на Хидэко. Хидэко немного смутилась.

– Но в последнее время не говорил. В последнее время он вообще не говорил о жене.

Синго дрожал от злости.

Он предположил, что Сюити рассказывал и о том, какая Кинуко женщина.

Неужели в молодой жене он хотел найти проститутку? Поразительная глупость, подумал Синго, полная безнравственность.

Сюити рассказывает о жене Кинуко и даже Хидэко – безнравственность лишает его обыкновенного благоразумия, такта.

Синго почувствовал, что может быть жестоким к Сюити. Почувствовал, что может быть

жестоким к Кинуко и Хидэко.

Неужели чистота, невинность Кикуко ничего не значат для Сюити?

Перед глазами Синго всплыло такое привлекательное, детски нежное личико Кикуко, младшей в семье, которую все баловали.

Сам Синго, чувствуя некоторую необычность того, что из-за невестки он временами ненавидит своего сына, ничего не мог с собой поделать.

Может быть, Синго так возмущался отношением сына к Кикуко потому, что в сокровенных глубинах его собственного естества живет необычность, – влюбленный в старшую сестру Ясуко, он после ее смерти женился на самой Ясуко, которая была на год старше его.

Кикуко блуждала в потемках ревности оттого, что Сюити, едва успев жениться на ней, завел другую женщину, и при таком бездушии, при такой жестокости Сюити или, вернее, благодаря им – в ней, Кикуко, – видимо, проснулась женщина.

Синго подумал, что Хидэко еще меньше женщина, чем Кикуко.

Он умолк – не потому ли, что своей тоской пытался заглушить гнев?

Хидэко, сняв перчатки, стала поправлять волосы.

4

В саду гостиницы в Атами, хотя была середина января, цвела вишня. Такую вишню называют зимней, – с конца года она уже начинает покрываться цветами, но Синго казалось, что он попал в весну другого мира.

Цветы розовой сливы Синго принял за цветы персика. Белые цветы сливы виделись ему цветами абрикоса.

Не заходя в свой номер, Синго, привлеченный отражением вишни в пруду, подошел к самой воде и, поднявшись на перекинутый через пруд мостик, стал любоваться цветами.

Потом перешел на противоположный берег посмотреть розовую сливу, похожую на зонтик.

Из-под сливы выскочило несколько белых уток. И в желтых клювах этих уток, и в их мокрых желтых лапках Синго почудилась весна.

Завтра фирма устраивает здесь прием, и Синго приехал, чтобы подготовить его. Договориться об этом с гостиницей – других дел у него не было.

Сев на веранде в кресло, он стал смотреть на цветущий сад.

Белая азалия тоже цвела.

Но с перевала Дзиккоку поползли тяжелые грозовые тучи, и Синго вошел в номер.

На столе лежало двое часов – карманные и ручные. Ручные спешили на две минуты.

Очень редко двое часов ходят минута в минуту. Иногда это раздражает.

– Если тебя это раздражает, носи какие-нибудь одни, – сказала ему Ясуко, но такая уж у него многолетняя привычка.

Перед ужином полил дождь, началась буря.

Электричество отключили, и Синго рано лег спать.

Проснувшись, он услышал лай собаки в саду. Вой ветра напоминал рев бушующего моря.

На лбу выступил пот. В комнате стоял спертый воздух, было жарко и душно, как бывает у моря в весеннюю бурю.

Синго тяжело дышал, он испугался, что у него снова пойдет горлом кровь. В шестьдесят лет с ним это уже однажды случилось, но с тех пор не повторялось ни разу.

– Это не легкие, меня тошнит из-за желудка, – прошептал Синго.

В ушах застряло что-то противное, потом оно переместилось к вискам и наконец дошло до лба. Синго стал массировать затылок и лоб.

Рев моря – это вой бури далеко в горах, и, точно разрывая его, нарастал, приближался резкий свист ветра, смешанного с дождем.

Сквозь вой ветра слышался еще один звук, далекий и низкий.

Это грохот поезда, проходившего через туннель Танна. Так определил Синго. И он был прав. Вырвавшись из туннеля, паровоз загудел.

Но когда Синго услышал гудок, его вдруг охватил страх, и он окончательно проснулся.

Гудок был слишком долгий. Чтобы пройти туннель длиной в семь тысяч восемьсот метров, поезду требовалось минут семь-восемь, следовательно, Синго услышал гудок, когда поезд входил в туннель с той стороны. Но мог ли он в гостинице, находившейся в километре от выхода из туннеля у Атами, слышать гудок с той минуты, когда поезд вошел в туннель с противоположной стороны, у Каннами?

Во всяком случае, этот звук вызывал у Синго удивительно яркий образ грохочущего в туннеле поезда. Он отчетливо представлял себе этот поезд все время, пока тот мчался в туннеле. И когда он вышел из него, Синго облегченно вздохнул.

Нет, все-таки это странно. Синго решил утром расспросить служащих гостиницы, а может быть, даже справиться на железнодорожной станции, позвонив туда по телефону.

Он долго не засыпал.

– Синго-сан, Синго-сан, – услышал он, еще не проснувшись, и никак не мог сообразить, сон это или явь.

Так звала его только покойная сестра Ясуко. Синго еще в полусне с удовольствием потянулся.

– Синго-сан. Синго-сан. Синго-сан.

Голос раздавался за окном, выходящим в сад.

Синго окончательно проснулся. За окном журчала речушка. Кричали дети.

Синго встал и раздвинул ставни.

Было ясное утро. Зимнее солнце струило теплые лучи, словно омытые весенним дождем.

По дороге, вившейся вдоль речушки, шли, направляясь в школу, дети, человек семь-восемь.

Синго слышалось, что его зовут, а это, наверно, просто кричали дети.

Но все же Синго высунулся из окна и стал внимательно приглядываться к зарослям низкорослого бамбука на берегу речушки.

Утренняя вода

1

Когда в первый день нового года Сюити сказал: отец совсем поседел, Синго ответил: ничего не поделаешь, в нашем возрасте каждый день прибавляются седые волосы; да что там, каждый день прямо на глазах седеешь, и ответил он так потому, что вспомнил о Китамото.

Университетским товарищам Синго сейчас за шестьдесят, и многих из них в годы войны и после поражения постигла горькая участь. Когда в пятьдесят лет, находясь на вершине, летишь вниз – это страшно; упадешь – снова подняться трудно. Кроме того, пятьдесят – возраст, когда уже есть сыновья, которые могут погибнуть на фронте.

Китамото тоже потерял троих сыновей. А когда фирма, где он служил, стала выполнять военные заказы, его специальность оказалась никому не нужна.

– Свихнулся, наверно, покуда сидел перед зеркалом и выдергивал на голове седые волосы.

Это рассказывал о Китамото старый приятель Синго, как-то зайдя к нему в фирму...

– Ему уже не нужно было ходить на службу, он стал совершенно свободным человеком и от этого немного свихнулся – начал выдергивать седые волосы. Сначала в семье на это не обращали внимания. Чепуха, мол, нечего беспокоиться... Но Китамото ежедневно усаживался перед зеркалом. На том месте, где он только вчера выдернул волосы, на следующий день снова появлялись седые. Седых волос у него стало так много, что вырвать все было невозможно. С

каждым днем Китамото все дольше просиживал перед зеркалом. Если он бывал кому-нибудь нужен, его всегда можно было найти у зеркала, – он выдирал волосы. Не успеет отойти от зеркала, сразу же снова возвращается к нему. И выдирает и выдирает седые волосы.

– Но ведь так можно вообще остаться без волос, – засмеялся Синго.

– В этом нет ничего смешного. В конце концов на голове у него действительно не осталось ни волоска.

Синго расхохотался.

– То, что я тебе рассказываю, – сушая правда. – Приятель и Синго невольно посмотрели друг другу на головы. – Чем больше седых волос Китамото выдергивал, тем быстрее седела его голова. Не успевал он выдернуть седой волосок, как рядом появлялось несколько других, до этого совершенно черных. И, выдергивая седые волосы, он видел в зеркале, как его голова белеет все больше и больше. Зрелище неопишное. И вдобавок волосы заметно редели. Подавив смех, Синго спросил:

– И жена, ни слова не говоря, позволяла ему выдирать волосы?

Но приятель невозмутимо продолжал:

– Постепенно волос почти совсем не осталось. А те, что уцелели, были седые.

– Больно, наверно, ему было?

– Когда выдирал? Он очень боялся выдернуть черный волосок, поэтому выдирал аккуратно, каждый волосок отдельно, и, наверно, больно ему не было. Но от постоянного выдиранья волос кожа на голове в конце концов воспалилась, и даже простое прикосновение к ней вызывало нестерпимую боль, – это сказал мне один врач. Кровь, правда, не выступала, но голова вся покраснела, словно ее ошпарили. В конце концов его поместили в психиатрическую лечебницу. Оставшиеся на голове редкие волоски Китамото выдергивал уже в больнице. Жуткая история. Какая-то потрясающая глупость. Страх перед старостью. Стремление вернуть себе молодость. Оттого ли он выдергивал седые волосы, что свихнулся, или свихнулся оттого, что слишком уж увлекся выдираньем седых волос, – кто знает?

– Зато он помолодел, наверно.

– Действительно помолодел. Представь себе, произошло чудо. Через какое-то время его голая голова густо покрылась черными волосами.

– Удивительная история, – засмеялся Синго.

– Это истинная правда, поверь мне. – Приятель не смеялся.

– Над сумасшедшим годы не властны. Мы тоже если сойдем с ума, то, по всей вероятности, превратимся в юнцов.

Приятель взглянул на голову Синго.

– Нет, я в этом отношении безнадежен, а у тебя еще есть надежда.

Приятель был почти лыс.

– Может, и мне начать выдергивать? – пробормотал Синго.

– Попробуй. Но у тебя не хватит духа выдернуть все до последнего волоска.

– Не хватит, ты прав. Да и седые волосы меня мало волнуют. Мне вряд ли захотелось бы снова стать черноволосым ценой безумия.

– Это потому, что у тебя прочное положение. Ты спокойно плывешь среди людских горестей и страданий.

– Плоское рассуждение. Все равно что посоветовать Китамото покраситься, вместо того чтобы выдергивать седые волосы, – так, мол, проще, – сказал Синго.

– Покраситься – это обман. И если бы мы пошли на обман, с нами никогда не произошло бы такого же чуда, как с Китамото.

– Но ведь Китамото умер. Хотя и произошло чудо, о котором ты рассказывал, – волосы снова стали черными, и он помолодел...

– Ты ходил на похороны?

– Я не знал, что он умер. Услышал об этом уже после войны, когда все снова стало входить в привычную колею. Да и если бы знал, вряд ли поехал бы в Токио, – ведь тогда были самые страшные налеты.

– Противоестественное явление – долго продолжаться оно не могло. Выдергивая седые волосы, Китамото, безусловно, пытался противиться ходу времени, противиться угасанию, но срок, отпущенный человеку, – нечто совсем иное. Сделав свои волосы снова черными, продлить жизнь невозможно. Может быть, даже наоборот. Может быть, появление черных волос после седых как раз и приводит к тому, что духовные силы идут на убыль и продолжительность жизни сокращается. Нет, смертельная затея Китамото не для нас, – заключил приятель, покачав головой.

Его лысое темя пересекали зачесанные набок редкие волоски, напоминавшие прутьики бамбуковой шторы.

– С кем из наших ни встретишься, все уже седые. Во время войны у меня еще была проседа, а после войны стал белый как лунь, – сказал Синго.

Синго поверил далеко не всему, что услышал от приятеля. Он воспринял его рассказ как сплетню, да еще и не очень правдоподобную.

Но что Китамото умер, было правдой, – он и от других слышал об этом.

Оставшись один после ухода приятеля и вспоминая его рассказ, Синго испытал странное чувство. Если правда, что Китамото умер, то, может быть, правда, что перед смертью у него снова стали расти черные волосы вместо седых. Если правда, что у него снова стали расти черные волосы, то, может быть, правда, что он перед этим сошел с ума. Если правда, что он сошел с ума, то, может быть, правда, что он выдрал из головы все волосы без остатка. Если правда, что он выдрал из головы все волосы без остатка, то, может быть, правда, что, пока он смотрел в зеркало, волосы у него на голове седали. Значит, рассказ приятеля – сущая правда. Синго был потрясен.

«Забыл спросить у него, каким был Китамото, когда умер. Какие были у него волосы – черные или седые?»

Сказав это, Синго рассмеялся. Но и говорил он и смеялся про себя. Так что, кроме него, никто этого не слышал.

Но даже если рассказ приятеля – сущая правда и в нем нет никаких преувеличений, тон по отношению к Китамото был издевательским. Старик рассказывает об умершем старике лицемерно, жестоко. У Синго остался неприятный осадок от его рассказа.

Среди школьных товарищей Синго необычной смертью умерли двое – Китамото и Мидзута. Мидзута скоропостижно скончался, поехав с молодой женщиной на горячие воды. В конце прошлого года Синго уговорили купить оставшиеся после Мидзута маски Но, а в память о Китамото он взял в фирму Хидэко Танидзаки.

Мидзута умер после войны, и Синго смог пойти на его похороны. О смерти же Китамото, умершего в разгар налетов, он узнал значительно позже, и лишь когда с рекомендательным письмом дочери Китамото в фирму пришла Хидэко Танидзаки, он впервые услышал, что семья Китамото до сих пор живет в префектуре Гифу, куда она эвакуировалась во время войны.

Хидэко сказала, что она школьная подруга дочери Китамото. Для Синго было большой неожиданностью, что дочь Китамото просит устроить на службу свою подругу. Он этой дочери ни разу не видел. Хидэко сказала, что и она после войны ни разу не встречалась с дочерью Китамото. И Синго подумал, что обе они легкомысленны до предела. Если дочь Китамото посоветовалась с матерью и та вспомнила о Синго, то могла бы сама написать, а не поручать дочери.

Поэтому Синго не чувствовал себя обязанным взять на службу девушку, которую ему рекомендуют.

Когда он увидел Хидэко, она сначала показалась ему малопривлекательной, какой-то легковесной.

И все же Синго взял Хидэко и сделал ее своей секретаршей. Она служила уже три года.

Три года пролетели, как один день, но сколько событий связано с Хидэко, вспоминал потом Синго. За эти три года Хидэко и на танцы ходила с Сюити, и в доме его любовницы стала бывать. Она даже показала Синго дорогу, когда он решил пойти посмотреть дом этой женщины.

Все это наконец стало Хидэко невыносимо, да и сама фирма ей опротивела.

Синго никогда не говорил с Хидэко о Китамото. И она, вероятно, не знала, что отец ее школьной подруги умер, сойдя с ума. Видимо, они с дочерью Китамото не были настолько близки, чтобы ходить друг к другу домой.

Синго считал Хидэко близким человеком, и когда она собралась уходить, понял, какая она добрая, порядочная девушка. Ее доброту и порядочность он воспринимал как чистоту, поскольку она была не замужем.

2

– Отец? Ой, как вы рано.

Кикуко выплеснула из ладоней воду, которую набрала, чтобы умыться, и стала наливать в умывальник воды для Синго.

В умывальник закапала кровь. Она расплылась в воде.

Синго сразу же вспомнил, как у него шла горлом кровь, и подумал, что эта чище, чем была у него, – ему показалось, что у Кикуко тоже пошла кровь горлом, но у нее кровь текла из носу.

Кикуко прижала к носу полотенце.

– Запрокинь голову, запрокинь голову. – Синго прикоснулся к спине Кикуко. Кикуко, словно отстраняясь от его руки, подалась вперед. Синго крепко взял ее за плечи и откинул назад, потом положил ей руку на лоб и запрокинул голову.

– Ой, отец, уже все в порядке. Простите меня. Кикуко говорила это, а кровь струйкой текла от ладони к локтю.

– Не вертись, тихонько присядь, а теперь откинься.

С помощью Синго Кикуко села на корточки и оперлась о стену.

– Откинься, я тебе говорю, – повторил Синго. Кикуко закрыла глаза и притихла. Лицо ее, бледное, словно она потеряла сознание, выглядело по-детски невинным, от всего отрешенным. Синго заметил легкий шрам на лбу, прикрытый волосами.

– Все в порядке? Если кровь остановилась, иди в спальню и ложись.

– Ничего. Уже все в порядке. – Кикуко вытерла нос полотенцем. – Запачкала весь умывальник, сейчас помою.

– Не нужно, оставь.

Синго поспешно вылил из умывальника воду. Ему показалось, что вода у самого дна приобрела чуть заметный красноватый оттенок.

Не пользуясь умывальником, он набрал в ладони воды из колонки и сполоснул лицо.

Синго подумал, что надо разбудить жену и попросить ее помочь Кикуко.

Но в то же время он подумал, что Кикуко не захочет показывать свекрови свою слабость.

У Кикуко фонтаном брызнула кровь из носу, нет, это фонтаном брызнули страдания Кикуко, подумал Синго.

Когда он, стоя перед зеркалом, причесывался, появилась Кикуко.

– Кикуко.

– Да, – обернулась она и, не останавливаясь, прошла в кухню. Кикуко несла полный совок горящих, углей. Синго показалось, что с угля сыплются искры. Огонь, разожженный газом, она положит в жаровню в столовой.

– Ой! – Синго даже вскрикнул, так он поразился. Он совсем забыл, что приехала его дочь, Фусако.

В столовой был полумрак, потому что в соседней комнате спали Фусако и двое ее детей и ставни на веранде не открывали.

Можно не будить старуху жену, чтобы она помогла Кикуко, – лучше разбудить Фусако.

Все это верно, но ведь, когда он подумал, не разбудить ли жену, он даже не вспомнил о существовании Фусако, и это было странно.

Синго подсел к жаровне, и Кикуко налила ему горячего чая.

- Голова, наверно, кружится?
- Немножко.
- Еще совсем рано, ты бы лучше полежала сегодня утром.
- Нет, если я потихоньку буду ходить, ничего. Пойду принесу газету, на воздухе мне станет лучше. Говорят же: когда у женщины идет кровь носом – беспокоиться нечего, – сказала Кикуко в своей обычной мягкой манере. – Такое холодное утро, зачем вы, отец, поднялись чуть свет?
- Действительно, зачем? Я проснулся еще до того, как в храме зазвонил колокол. Он звонит всегда в шесть часов, и зимой и летом.
- Синго встал раньше Сюити, но поехал в фирму после него. Так обычно бывало зимой. Когда пришло время обеда, он пригласил Сюити в европейский ресторан неподалеку.
- Ты, наверно, знаешь, что на лбу у Кикуко есть шрам, – сказал Синго.
- Знаю, конечно.
- Видимо, шрам от щипцов, которые накладывал врач, – роды были тяжелые. Вряд ли это след страданий, испытанных ею при рождении, но теперь, когда Кикуко плохо, он сразу же бросается в глаза.
- Ты говоришь о сегодняшнем утре?
- Да.
- Может, это потому, что у нее пошла кровь из носу? Она побледнела, и шрам стал заметнее.
- «Неужели Кикуко уже успела рассказать Сюити, что у нее пошла кровь из носу?» – разочарованно подумал Синго.
- Прощлую ночь Кикуко совсем не спала, да? Сюити нахмурился. Немного помолчав, он сказал:
- Не стоило бы тебе, отец, проявлять столько внимания к человеку, пришедшему к нам со стороны.
- Кого ты называешь «человеком, пришедшим к нам со стороны»? Свою собственную жену?
- Хорошо, скажу иначе: не стоило бы проявлять столько внимания к жене сына.
- Что ты имеешь в виду? Сюити не ответил.

3

- Синго вошел в приемную, там сидела, дожидаясь его, Хидэко, а рядом стояла какая-то незнакомая женщина.
- Хидэко сразу же встала.
- Давно не была у вас. Уже совсем потеплело. – Ее слова вполне могли сойти за приветствие.
- Порядочно. Уже месяца два.
- Хидэко немного располнела, на лице лежал густой слой пудры. Синго вспомнил, что, когда он однажды ходил с ней на танцы, ее грудь, казалось ему, могла вполне поместиться в ладони.
- Это Икэда-сан. Я вам как-то говорила... – представила женщину Хидэко, сощутив свои хорошенькие глазки, словно собираясь заплакать. Она всегда это делала в ответственные минуты – такая уж у нее дурная привычка.
- Очень приятно. Огата.
- Синго не мог заставить себя сказать, что он благодарен ей за ее заботу о Сюити.
- Икэда-сан не хотела с вами встречаться, говорила, что у нее нет необходимости встречаться, что это ей неприятно, – я почти насильно притащила ее сюда.
- Вот как? – И снова, обращаясь к Хидэко: – Здесь удобно? Можно пойти в другое место.
- Хидэко вопросительно взглянула на Икэда.
- Мне и здесь хорошо, – сказала Икэда неприветливо.

Синго даже растерялся, но виду не подал.

Хидэко как будто действительно говорила, что познакомит Синго с женщиной, которая живет вместе с любовницей Сюити. Но тогда Синго пропустил ее слова мимо ушей.

Через два месяца после ухода из фирмы Хидэко все-таки выполнила свое обещание. Для Синго это было большой неожиданностью.

Может быть, Сюити и женщина, с которой он встречается, решили наконец расстаться? Синго хотел подождать, пока разговор не начнет Икэда или Хидэко.

– Хидэко так настойчиво уговаривала меня, что я поняла – сопротивляться бесполезно, вот я и оказалась у вас. – Тон у Икэда был скорее недружелюбный. – Кроме того, я и сама решила, что пойти к вам стоит. Я ведь уже давно уговариваю Кинуко-сан расстаться с вашим сыном – я и подумала, что было бы хорошо, встретившись с вами, заручиться вашим содействием, чтобы разлучить их.

– Я согласен.

– Хидэко говорила мне, что многим обязана вам и сочувствует жене Сюити-сан.

– Жена у него действительно хорошая, – вставила Хидэко.

– Хидэко-сан то же самое говорила и Кинуко-сан, но ведь сейчас очень мало найдется женщин, которые откажутся от мужчины из-за того, что у него хорошая жена. «Я возвращу чужого мужа, а мне за это пусть вернут моего, погибшего на войне, – так говорит обычно Кинуко-сан. – Если бы мне вернули его живым, – говорит она, – каким бы непостоянным он ни был, скольких бы себе женщин ни заводил, я все равно бы его любила. Как ты считаешь, Икэда-сан?» – спрашивает она у меня. А что мне ответить? Так думают все, у кого на фронте погиб муж, и я тоже так думаю. «Разве мало мы натерпелись оттого, что наших мужей послали воевать? – спрашивает Кинуко-сан. – А каково было нам, когда они погибли?»

Сюити приходит ко мне, это верно, но ведь жена не должна беспокоиться за его жизнь – он вернется к себе домой целый и невредимый. Разве я не права?» Синго горько усмехнулся.

– Какой бы хорошей ни была его жена, муж-то а фронте у нее не погиб, – продолжала Икэда.

– Странная логика.

– Верно, но она говорила это, когда была пьяна, и плакала... Они с Сюити-сан напились, и Кинуко все твердила: скажи ей – тебе не пришлось ждать с фронта мужа. Ты ждешь мужа, который все равно вернется к тебе. Скажи ей это, непременно скажи. Я тоже была с ними. Вам не кажется, что в любви вдовы, потерявшей на войне мужа, есть что-то непристойное?

– А в чем это выражается?

– Мужчине, тому же Сюити-сан, тоже не годится так напиваться. В эти минуты он очень груб с Кинуко-сан – заставляет ее петь. А Кинуко терпеть не может пения, и петь приходится мне, а голос у меня слабенький. Ведь если Сюити-сан не уgomонить – стыдно будет перед соседями... Когда меня первый раз заставили петь, я почувствовала себя оскорбленной, мне было очень обидно, но я подумала, что делает он это не по пьяной, а по фронтовой привычке. Наверно, на фронте Сюити-сан именно так забавлялся с женщинами. И тогда буйные выходки Сюити-сан представились мне поведением моего погибшего на войне мужа, когда он на фронте забавлялся с женщинами. И сразу в груди у меня что-то оборвалось, голову наполнил туман, и я, вообразив себя женщиной, с которой забавляется мой муж, начала плакать и петь самые что ни на есть вульгарные песни. Потом я рассказала об этом Кинуко. Я думаю, сказала я, что это относится только к моему мужу, а может быть, и не к нему одному. С тех пор всякий раз, когда Сюити-сан заставляет меня петь, Кинуко плачет...

Вся эта история показалась Синго болезненно-странной. Он помрачнел.

– Для вас обеих было бы лучше поскорее закончить эту историю.

– Конечно. Когда Сюити-сан уходит, Кинуко часто говорит мне серьезно: Икэда-сан, если это будет продолжаться, мы погибнем. Так что для нее было бы очень хорошо расстаться с Сюити-сан. Но ей кажется, что если они расстанутся, то она уж наверняка погибнет, и она боится остаться без него. Женщина...

– Ничего страшного не произойдет, – сказала сидевшая в стороне Хидэко.

– Конечно. Она ведь такая мастерица. Хидэко-сан тоже это знает.

– Да.

– Вот и то, что на мне, сшила ведь Кинуко-сан, – сказала Икэда и поднялась, как бы демонстрируя свой туалет. – Она, пожалуй, вторая после старшей закройщицы. Ее очень ценят в салоне. Стоило ей только попросить за Хидэко-сан, и ее сразу же взяли на работу.

– Ты, значит, тоже работаешь в салоне? Синго удивленно посмотрел на Хидэко.

– Да, – кивнула Хидэко, слегка покраснев. Синго не мог представить себе, чем руководствовалась Хидэко, которая по рекомендации любовницы Сюити устроилась в салон, а сегодня привела к нему Икэда.

– Кинуко-сан, я думаю, не особенно обременительна для Сюити-сан в смысле материальном, – сказала Икэда.

– Я тоже так думаю. В материальном – пожалуй, но... – начал было Синго раздраженно и тут же умолк.

– Когда я вижу, как Сюити-сан издевается над Кинуко-сан, я ей всегда говорю, что она должна расстаться с ним.

Икэда сидела, опустив голову и сложив руки на коленях.

– Сюити-сан тоже возвращается домой с тяжелым сердцем. Солдат с раной в сердце. – Она подняла голову. – Не могли бы вы поселить их с женой отдельно? Если бы они остались вдвоем, то, возможно, он расстался бы с Кинуко-сан. Я уже давно размышляю об этом. Какие только мысли не приходили мне в голову...

– Хорошо. Я подумаю.

Синго кивнул. Он ответил холодно, словно отмел предложение Икэда, хотя в глубине души был согласен с ней.

4

Синго не мог позволить себе довериться такой женщине, как Икэда, и поэтому ничего больше не сказал ей. Он только выслушал ее.

Синго не пришлось держаться с ней подобострастно, но зачем, если не для откровенного разговора, она пришла к нему? Ведь она действительно была откровенна. Может быть, чтобы оправдать Кинуко? Нет, пожалуй, не только ради этого. Наверно, я должен даже быть благодарен и Хидэко и Икэда, думал он.

Во всяком случае, никаких подозрений об истинной причине их прихода у него не возникло.

Но все же самолюбие Синго было задето, и по дороге домой он завернул в небольшой ресторан, где обычно их фирма устраивала приемы. Он уже собрался было войти в зал, но в это время одна из гейш что то прошептала ему на ухо.

– Что? Наклонись ближе, ничего не слышу, – сказал он раздраженно, схватив гейшу за плечо. Он тут же убрал руку, но гейша вскрикнула, поглаживая плечо:

– Ой, больно.

Синго сделал недовольное лицо, и гейша, прижавшись к нему плечом, увела его на веранду.

– Сюда, пожалуйста.

Он пришел домой около одиннадцати. Сюити еще не вернулся.

– Добрый вечер.

В комнате напротив столовой Фусако кормила грудью младшую девочку, – опершись на локоть, она подняла голову.

– Здравствуй. – Синго заглянул в комнату. – Сатоко спит?

– Да, только что уснула. Еще несколько минут назад она спрашивала меня: мама, что больше, десять тысяч иен или миллион иен, что больше, а? И хохотала. Сказала, чтобы я спросила у дедушки, когда он вернется, и сразу уснула.

– Хм. Довоенные десять тысяч иен и послевоенный миллион иен, – засмеялся Синго. – Кикико, дай мне стаканчик воды.

– Сейчас. Воды? А кушать не будете?

Кикико удивила просьба Синго. Она встала и пошла за водой.

– Только из колодца. Хлорированная мне не нравится.

– Хорошо.

– До войны я еще не была замужем, Сатоко еще не было, – сказала Фусако, уже лежа в постели.

– Что до войны, что после войны – лучше бы не выходить замуж.

Услышав скрип колодезного насоса, Ясуко сказала:

– Как только начинает работать насос, от этого скрипучего звука мне становится холодно. Зимой, когда Кикико рано утром идет к колодцу накачать воды тебе для чая, я еще в постели слышу этот скрип и сразу чувствую – холодно на улице.

– Я все думаю, не поселить ли нам отдельно Сюити с женой, – тихо сказал Синго.

– Поселить отдельно?

– Это было бы лучше, наверно.

– Может быть. Особенно если Фусако надолго останется у нас...

– Мама, я уйду. Если вы из-за меня хотите поселить их отдельно.

Фусако встала с постели и подошла к ним.

– Лучше я поселюсь отдельно. Вот и все.

– Наш разговор не имеет к тебе никакого отношения, – раздраженно сказал Синго.

– Нет, имеет. Да еще какое. Мне Аихара говорил: отец тебя никогда не любил, поэтому у тебя такой противный характер. Мне так обидно было это слушать, прямо ком к горлу подступал.

– Успокойся, пожалуйста. Тебе уже тридцать.

– Нет уж, покоя мне не будет, и я не могу успокоиться.

Фусако прикрыла свою налитую грудь. Синго устал от всего этого и поднялся.

– Бабка, давай ложиться спать.

Вошла Кикико со стаканом воды. В другой руке она держала – огромный лист. Синго залпом выпил воду.

– А это что такое? – спросил он у Кикико.

– Лист мушмулы, еще совсем молодой. Луна светит тускло, вижу – около колодца что-то колышется, поблескивает; что это такое, подумала, смотрю – молодые листья мушмулы, большие уже стали.

– Ты совсем еще как школьница, – ехидно сказала Фусако.

Ночной голос

1

Синго разбудил крик, похожий, как ему показалось, на мужской.

Он не мог понять, вой ли это собаки или голос человека. Непонятный звук он воспринял сначала просто как крик.

Он подумал, не предсмертный ли это вой Тэру. Может быть, ее отравили? У Синго отчаянно застучало в висках.

– Ой! – Сдавило грудь. Спазмой сжало сердце. Тут уж он окончательно проснулся. Это был не вой собаки, а крик человека. Язык заплетается, как будто человеку сдавили горло. Синго дрожал, точно от холода. На кого-то напали...

– Послушай! Ну послушай же! – снова донесся крик.

Сдавленный, отчаянный крик. Почти нечленораздельный.

– Послушай. Ну послушай же.

Его убивают, а он говорит «послушай», оправдываясь или моля о чем-то.

Стук в калитку, словно кто-то ударил по ней. Синго весь сжался и сделал движение, чтобы подняться.

– Кикко-о! Кикко-о!

Голос Сюити, он зовет Кикуко. Язык так заплетается, что «ку» Сюити не в состоянии произнести. Мертвецки пьян.

Обессилев, Синго снова положил голову на подушку. Сердцебиение все еще не утихло. Потирая грудь, Синго старался восстановить дыхание.

– Кикко-о. Кикко-о.

Видимо, Сюити не рукой стукнул по калитке, а упал на нее всей тяжестью.

Синго вздохнул – придется открыть.

Но вдруг он подумал, что будет нехорошо, если он пойдет открывать.

Ведь Сюити с любовью и отчаянием зовет именно Кикуко. Такого голоса Синго никогда у него не слышал. Он похож на вопль ребенка, который зовет мать, когда ему нестерпимо страшно, нестерпимо больно или когда его жизни угрожает смертельная опасность. Сюити, увязший в пучине греха, зовет Кикуко. Он раскрывает ей свое страдающее сердце, заискивает перед ней. Он думает, что Кикуко не слышит, и продолжает звать ее пьяным, ласковым голосом. Он чуть ли не поклоняется ей.

– Кикко-о. Кикко-о.

Синго передается отчаяние Сюити. Сам он ни разу в жизни не звал жену с таким отчаянием и любовью. Может быть, потому, что ему не пришлось испытать такого отчаяния, какое охватывало Сюити, когда тот воевал на чужой земле.

Синго прислушался – хорошо бы, Кикуко проснулась. И все-таки ему было немного стыдно, что невестка услышит жалкий голос его сына. Если Кикуко не встанет, разбуду Ясуко, решил он, но лучше бы встала Кикуко.

Синго отодвинул ногой горячую грелку на край постели. Кладут грелку, когда весна уже наступила, вот и стучит в висках.

Класть грелку в его постель было обязанностью Кикуко.

– Кикуко, грелочку бы, – говорил иногда Синго. Когда Кикуко клала в постель грелку, постель дольше сохраняла тепло. И грелка всегда была крепко завинчена.

Ясуко никогда не любила грелок, была ли она больна или здорова, не любит даже сейчас, достигнув уже преклонного возраста. Ноги у нее всегда теплые. Лет до пятидесяти он согревался возле жены, но в последние годы они спят врозь.

Ясуко никогда не кладет ноги на грелку Синго.

– Кикко-о, Кикко-о, – снова донеслось от калитки.

Синго зажег ночник и посмотрел на часы. Почти половина третьего.

Последняя электричка из Токио приходит в Камакура в час ночи, – наверно, Сюити заглянул еще в бар у вокзала.

Прислушиваясь к его крику, Синго подумал, что связи сына с токийской любовницей, видимо, приходит конец.

Но вот Кикуко встала и через черный ход вышла во двор.

Синго с облегчением погасил свет.

– Ты прости его, – пробормотал он про себя, словно бы обращаясь к Кикуко.

Сюити шел, наверно, повиснув на Кикуко.

– Больно, больно, отпусти, – сказала Кикуко. – Ты схватил меня рукой за волосы.

– Правда?

В кухне, споткнувшись, они оба упали.

– Перестань. Тише... Клади на колени... Будешь так напиваться, ноги опухнут.

– Ноги опухнут? Ври больше.

Кикуко, наверно, положила ноги Сюити себе на колени и пыталась стянуть ботинки.

Она простила. Синго еще не совсем успокоился, но в такие минуты, когда Кикуко вот так прощала своего мужа, он всегда радовался.

Кикуко, видимо, с самого начала слышала крики Сюити.

И все-таки Синго чувствовал, как она добра: положив на колени ноги пьяного Сюити, вернувшегося от любовницы, она стаскивает с него ботинки.

Уложив Сюити спать, Кикуко пошла запереть черный ход и калитку.

Храп Сюити доносился даже до Синго.

Сюити встретила жена, уложила его в постель, и вот он уже спит, а каково Кикуко, с которой Сюити напился до беспамятства? Разве не в ее доме он пьет и буянит, разве не ее доводит до слез?

Больше того, может быть, именно благодаря тому, что Сюити встретился с Кикуко, его жена, хотя часто плохо выглядит, раздалась в бедрах.

2

Громкий храп Сюити вскоре прекратился, но Синго уже не мог заснуть. Он подумал: неужели отвратительная привычка храпеть передалась от Ясуко сыну?

А если нет, то сегодня он храпит просто оттого, что сильно пьян.

Правда, в последнее время Синго не слышит, чтобы жена храпела.

Видно, пока холодно, она спит крепко.

На следующий день после бессонной ночи память у Синго ухудшается, а иногда он становится еще и сентиментальным.

Вот и сейчас он с какой-то сентиментальностью слушал крики Сюити, зовущего Кикуко. Разве у Сюити не просто заплетался язык? Разве не пытался он прикрыть свое непристойное поведение тем, что пьян?

Любовь и отчаяние в голосе Сюити, невнятно звавшего жену, Синго уловил скорее всего потому, что именно этого он и ждал от сына.

Так или иначе, за тот крик Синго все простил Сюити. И подумал, что Кикуко тоже не сможет не простить его. Эта мысль была продиктована и отцовским эгоизмом.

Казалось, трудно относиться к Кикуко лучше, чем Синго, и все равно в глубине души он всегда на стороне родного сына.

Сюити ведет себя безобразно. Напился у любовницы, в Токио, приехал домой и валяется под забором.

Сюити еще повезло, что не Синго вышел открыть калитку, – он бы не промолчал, и Сюити сразу бы протрезвел. С Кикуко проще. Повис на ней, и она безропотно втащила его в дом.

Кикуко – жертва Сюити – сама же и даровала ему прощение.

Еще не раз придется Кикуко, которой только что исполнилось двадцать лет, прощать своего мужа, если они проживут с Сюити столько же времени, сколько прожили Синго с Ясуко. Способна ли Кикуко прощать без конца?

Но ведь то, что называют семейной жизнью, – это мрачная трясина, неизменно поглощающая зло, чинимое друг другу супругами. И любовь Кикуко к Сюити, и любовь Синго к Кикуко тоже без остатка поглотит трясина семейной жизни Сюити и Кикуко.

Вполне разумно, считал Синго, что в послевоенном законодательстве единицу семьи составляют не родители и дети, как было раньше, а муж и жена.

– Да, трясина семейной жизни, – пробормотал он. – Надо Сюити с Кикуко поселить отдельно.

Привычка повторять шепотом самые сокровенные мысли пришла к Синго со старостью.

– Трясина семейной жизни, – прошептал он. Это означало, что муж и жена только вдвоем должны терпеть зло, которое чинят друг другу, и топить его в трясине.

Ведь сознательность жены в том и состоит, чтобы безропотно принимать любое зло, которое творит муж. Скоро весна. Синго почесал бровь.

Даже когда просыпаешься ночью, уже не так неприятно, как зимой.

Еще до того, как Синго услышал крик Сюити, он проснулся от странного сна. Тогда,

сразу, он еще помнил его. Но, всполошившись из-за Сюити, почти совсем забыл.

Возможно, сон исчез из его памяти от сердцебиения.

Из всего сна он запомнил лишь, как девочке лет четырнадцать – пятнадцать делали аборт и слова: «Итак, девочка такая-то навеки становится святой».

Синго во сне читал рассказ. Он кончался именно этими словами.

Синго читал рассказ и одновременно видел его сюжет во сне, как спектакль или фильм. Во сне Синго был не действующим лицом, а зрителем.

В четырнадцать – пятнадцать лет сделать аборт и стать святой – удивительная вещь, но этому предшествовала длинная история. Синго читал во сне рассказ о чистой любви мальчика и девочки. Когда он окончил чтение и проснулся, растроганность осталась.

Кажется, девочка даже не знала, что она беременна, и не помышляла ни о каком аборте, а только тосковала по мальчику, с которым ее разлучили, – примерно такова была эта история. Неестественная и неприглядная.

Забытый сон потом не воссоздашь. Сном были и чувства, испытанные от чтения рассказа.

Во сне у девочки скорее всего было имя, он скорее всего видел и ее лицо, но в памяти осталось лишь тусклое воспоминание о том, какого роста, вернее, сколь миниатюрна была девочка.

Кажется, одета она была в европейское платье.

Синго попытался убедить себя, что у девочки было лицо старшей сестры Ясуко, но, вероятно, он ошибался.

Сон приснился ему, несомненно, из-за заметки во вчерашнем вечернем выпуске газеты.

Под крупным заголовком «Девочка родила двойню. Весенние события в Аомори» было напечатано: «Благодаря обследованию, проведенному отделом общественного здравоохранения префектуры Аомори, мы познакомились с потрясающими фактами: среди женщин, у которых в соответствии с законом об евгенике была прервана беременность, пятнадцатилетних – пять, четырнадцатилетних – три, тринадцатилетних – одна, в возрасте учениц средней школы второй ступени (шестнадцать – восемнадцать лет) – четыреста, из них учениц средней школы второй ступени – двадцать процентов. Беременных среди учениц средней школы в городе Хиросаки – одна, в городе Аомори – одна, в уезде Минамицугару – четыре, в уезде Китацугару – одна. Из-за неосведомленности в половых вопросах две десятые процента, несмотря на вмешательство профессиональных врачей, погибло, а два с половиной процента находятся в тяжелом состоянии, и мы можем лишь испытывать величайшую тревогу за жизнь малолетних матерей, которые погибают от рук тех, кто не имеет ничего общего с профессиональными врачами».

Всего было описано четыре случая родов. Четырнадцатилетняя ученица средней школы в уезде Китацугару в феврале прошлого года родила двойню. Мать и дети здоровы. Юная мать продолжает учиться в школе. Родители даже не знали о беременности дочери.

Семнадцатилетняя ученица средней школы второй ступени договорилась со своим одноклассником, что они поженятся, и летом прошлого года забеременела. Родители обоих, поскольку дети еще школьники, заставили прервать беременность. Но и девушка и юноша заявляют: «Для нас это не игра. Мы все равно скоро поженемся».

Газетная заметка потрясла Синго. Вот почему он и увидел во сне, как девочке делают аборт.

Но сон Синго рассказывал не о постыдном, дурном поведении девочки и мальчика, а об их чистой любви, о «девочке, ставшей навеки святой». Перед сном он обо всем этом давно забыл.

Потрясение Синго превратилось в удивительный сон. Почему?

Может быть, своим сном Синго спасал и сделавшую аборт девочку, спасал и самого себя. Во всяком случае, во сне было добросердечие.

Но его ли собственное добросердечие проснулось во сне? – заглянул в себя Синго.

Не остатки ли молодости, еще не совсем утраченные им, стариком, принесли ему сон о

чистой любви мальчика и девочки, – думал с надеждой Синго.

Эта надежда и была причиной того, что, проснувшись, он почувствовал в криках Сюити любовь и отчаяние, которые он слушал, полный добросердечия.

3

На следующее утро Синго, еще лежа в постели, слышал, как Кикуко расталкивает Сюити.

В последнее время Синго просыпается чуть свет и не знает, что делать, – Ясуко, которая любит поспать, начнет ворчать: «До седых волос дожил, а все не спится, противно», – да и вставать раньше невестки ему не к лицу, он это понимает, и Синго прокрадывается в переднюю, открывает дверь, достает газету и, снова забравшись в постель, не спеша читает.

Он слышит, как Сюити идет к умывальнику.

Собрался, наверно, почистить зубы, но только взял в рот зубную щетку, как ему стало плохо, – наверно, вырвало.

Кикуко мелкими шажками пробежала на кухню. Синго встал. На веранде он столкнулся с Кикуко, которая возвращалась из кухни. – О, вы уже встали, отец.

Кикуко резко остановилась, словно наткнувшись на неожиданное препятствие, – щеки у нее вспыхнули. Из стакана, который она держала в руке, что-то выплеснулось. Наверно, она несла из кухни холодное сакэ, – Сюити опохмелиться.

Бледное, без всякой косметики, лицо Кикуко покраснело, в полусонных глазах вспыхнуло смятение, на наивно приоткрытых бледных губах, обнажив красивые зубы, мелькнула смущенная улыбка, – какая она милостивая, подумал Синго.

Неужели в Кикуко осталось еще так много детского? Синго вспомнил ночной сон.

Собственно, если вдуматься, нет ничего странного в том, что дети, о которых писала газета, женятся и рожают детей. В старое время ранних браков было сколько угодно.

Сам Синго в возрасте этих детей был по уши влюблен в старшую сестру Ясуко.

Увидав, что Синго пошел в столовую, Кикуко поспешила открыть там ставни.

В комнату ворвалось уже совсем весеннее солнце.

Кикуко, словно бы испугавшись обилия света, подняла руки к голове и стала поправлять сбившиеся во сне волосы.

Листья на гинго в храме еще не распустились, но в утренних лучах солнца уже чувствовался запах набухших почек.

Кикуко быстро переоделась и принесла чашку зеленого чая.

– Простите, отец, немножко задержалась.

Встав с постели, Синго всегда пьет горячий чай. Определить, сколько нужно заварки, очень трудно. Чай, который приготовляет Кикуко; самый вкусный.

Интересно, смогла бы его разведенная дочь делать это лучше, чем Кикуко, – думал Синго.

– Пьяному теперь дают опохмелиться. В старое время, чтобы протрезветь, пили просто зеленый чай. Так что ты не суетись, Кикуко, – пошутил Синго.

– Ой, отец. Вы уже все знаете?

– Проснулся от крика. Сначала подумал, что это Тэру воет.

– Что вы говорите.

Кикуко сидела потупившись, казалось, у нее нет сил подняться.

– Я проснулась еще раньше, чем Кикуко, – сказала из другой комнаты Фусако. – Ужасный был крик, даже страшно стало, но Тэру не лаяла, и я поняла, что это Сюити.

Фусако вошла в столовую, как была – в ночном кимоно, кормя грудью дочь.

Лицо невзрачное, зато грудь белая, красивая.

– Почему ты в таком виде? Неряха, – сказал Синго.

– Аихара ужасный неряха, вот и я стала неряхой. Если выходишь замуж за неряху, непременно сама превратишься в неряху. Ничего не поделаешь.

Отнимая Кунико от правой груди и давая ей левую, Фусако Сказала мрачно:
– Если тебе противно, что твоя дочь стала неряхой, то раньше, чем выдавать ее замуж, нужно было проверить, не неряха ли будущий ее муж.
– Мужчина и женщина – не одно и то же.
– Все одинаковые. Посмотри на Сюити. Фусако направилась к умывальнику.
Кикуко протянула руки. Фусако грубо бросила ей ребенка, девочка заплакала.
Фусако, не обращая на нее внимания, вышла из комнаты.
Умывшись, вошла Ясуко.
– Давай. – Она взяла девочку. – А что остается делать отцу этого ребенка? С тех пор как Фусако под Новый год приехала к нам, прошло уже больше двух месяцев. Ты говоришь, Фусако неряха, а ты, отец ее, разве не неряха? Такой же неряха. И она надумала, под самый Новый год – лучшего времени не могла найти, – вдруг обнаружила, что жить с ним не может. И опять-таки из ее слов ничего не поймешь. Да и Аихара-сан тоже хорош, – мог бы приехать. – Ясуко говорила, глядя на ребенка. – Девушку, что была у тебя секретаршей, Танидзаки, Сюити как-то назвал полувдовой. Так вот, Фусако можно, пожалуй, назвать полуразведенной.
– Что значит «полувдова»?
– Замуж не успела выйти, но любимого человека потеряла на фронте.
– Но ведь во время войны Танидзаки была еще совсем ребенком.
– Ей было, наверно, лет шестнадцать – семнадцать. Уже вполне мог кто-то быть для нее незабываемым человеком.
Для Синго слова Ясуко «незабываемый человек» были неожиданностью.
Сюити ушел из дому, не позавтракав. Видно, чувствовал себя плохо, да к тому же опаздывал.
Синго задержался дома, дожидаясь утренней почты. Среди писем, которые Кикуко положила перед ним, лежало одно на ее имя.
– Кикуко! – Синго передал ей письмо.
Не посмотрев, кому письмо, она принесла его вместе с остальными и отдала Синго. Письма Кикуко приходили очень редко, она и сейчас не ждала письма.
Кикуко тут же стала читать.
– От подруги. Сделала аборт, но после этого почувствовала себя плохо и сейчас лежит в университетской клинике в Хонго, – сказала она.
– Что ты говоришь?
Синго снял очки и посмотрел на Кикуко.
– Наверно, сделала тайно, у какой-нибудь акушерки? Это очень опасно.
Газетная статья, сон, утреннее письмо – какое совпадение, подумал Синго.
Ему очень захотелось рассказать Кикуко о своем сне.
Синго молча смотрел на Кикуко, словно заряжался ее молодостью; расскажу, решил он, но тут же испугался – вдруг Кикуко тоже беременна и тоже собирается сделать аборт, тогда рассказ о сне может вызвать у нее ненужные мысли.

4

Когда электричка шла по долине Китакамакура, Кикуко удивленно воскликнула: – Как буйно цветет слива!
В долине, сразу за окнами электрички, росло множество слив. Синго, хотел он того или нет, каждый день смотрел на них.
Самый расцвет кончился, и на солнцепеке белые цветы чуть пожухли.
– У нас в саду тоже цветет, – сказал Синго. Но там всего два-три дерева, а вот такое обилие цветущих слив Кикуко видит в этом году впервые, подумал он.
Кикуко редко приходили письма, и так же редко она куда-нибудь выезжала. Она выходила из дому лишь за покупками.
Кикуко решила навестить подругу в университетской клинике, и Синго поехал вместе с

ней.

Дом женщины, с которой встречался Сюити, как раз напротив университета. Это немного тревожило Синго.

В электричке он так и не решился спросить Кикику, не беременна ли она.

Спросить было не так трудно, просто он, видимо, упустил удобную минуту.

Сколько уж лет он не спрашивает у Ясуко о женских делах. С наступлением климакса Ясуко перестала говорить ему об этом. И не потому, что с тех пор она всегда была здорова, а потому, видно, что пришла пора ее увядания.

Синго уже давно забыл, что у них с Ясуко были когда-то такие разговоры.

И сейчас он вспомнил о ней, собираясь спросить у Кикику о беременности.

Если бы Ясуко знала, что они поехали в родильное отделение клиники, она бы, наверно, сказала, что Кикику тоже следует показаться врачу.

Ясуко много раз заговаривала с ней о ребенке, И Синго видел, как это было неприятно Кикику.

Сюити она, конечно, откровенно обо всем рассказывает. Мужчина, с которым женщина откровенна, для нее все. Женщина сразу же перестает быть откровенна с мужем, стоит ей завести себе мужчину. Синго как-то услышал об этом от одного старого приятеля и, как он помнит, очень тогда заинтересовался.

Даже дочь не бывает до конца откровенна с родителями.

До сих пор Синго – и Кикику тоже – избегали говорить о том, что у Сюити есть женщина.

Если Кикику беременна, то скорее всего потому, что ее созреванию способствовала любовница Сюити.

Вся эта история ужасно неприятна, но Синго не забывал, что речь идет о человеке, и ему казалось жестоким спрашивать у Кикику о ребенке.

– Дед Амамия приходил вчера. Вам мама не говорила? – неожиданно сказала Кикику.

– Нет, не говорила.

– Амамия забирает их в Токио, и он приходил прощаться. Просил отдать Тэру. Принес два больших пакета печенья.

– Собаке?

– Да. Мама так и сказала: принес собаке, но один можно оставить и для людей. Торговые дела Амамия-сан идут хорошо, и он снова начинает строиться, – старик так радовался.

– Что ты говоришь! Не часто случается, чтобы торговец, который вынужден был распродать все, вплоть до собственного дома, снова встал на ноги и даже начал строиться. С тех пор как он уехал, уже десять лет прошло, пролетели, как один миг. Изю дня в день езжу на этой электричке – надоело. Иногда встречаюсь с приятелями в ресторане – это тоже повторяется уже лет десять, тоска, да и уставать стал. Пришло, видно, время предстать перед ним.

Синго показалось, что Кикику не поняла, что значит «предстать перед ним».

– Предстать пред очами властителя ада Эмма. Мы сможем сказать, что в крохах, доставшихся нам, мы безгрешны. Ведь речь идет именно о крохах жизни. И не слишком ли это сурово – карать человека за жизнь, от которой ему достались лишь крохи?

– Как так?

– А вот как. Разве хоть кто-нибудь полноценно прожил жизнь, отпущенную человеку? Вряд ли. Возьмем, например, гардеробщика из ресторана, где я, как сказал, иногда бываю. Он знает одно – принимать у посетителя! обувь да выдавать посетителям обувь, и так каждый день. Какой-нибудь старик скажет, не подумав: лучше и не надо. Но это ведь крохи жизни. А попробуйте спросить у официантки, – ужасная судьба у этого деда-гардеробщика, ответит она. Сидит верхом на жаровне у себя в подвале, со всех сторон окружен ящиками с обувью и непрерывно чистит ботинки. Подвал у самого входа, зимой – холод, летом – жара. А дома, наверно, твердит своей старухе, как бы им хорошо жилось в богадельне.

– Вот и мама так. Она часто повторяет, что молодые всегда хотят умереть. Несерьезный это разговор.

– Она не зря так говорит – ясно ведь, что она переживет меня. Кстати, кого из молодых она имела в виду?

– Кого?... – запнулась Кикико. – В сегодняшнем письме подруги тоже...

– Которое пришло утром?

– Да. Она не замужем.

– Хм.

Синго замолчал, Кикико тоже не хотелось продолжать этот разговор.

Электричка только что отошла от Тоцука. До Ходогая было еще далеко.

– Кикико, – сказал Синго. – Я уже давно об этом думаю. Тебе не хочется жить с Сюити отдельно от нас?

Кикико смотрела на Синго и ждала, что он скажет еще, а потом спросила жалобным голосом:

– Почему, отец? Потому что вернулась Фусако-сан?

– Нет, с Фусако это никак не связано. Фусако полуразведенная, и ты, Кикико, поэтому, наверно, жалеешь ее, но даже если она совсем уйдет от Аихара, долго у нас она не проживет. Будет жить отдельно, и то, что я сказал, касается только тебя и Сюити. Вам не лучше бы жить отдельно?

– Нет. Вы так добры ко мне, отец, я хочу жить с вами. Мне будет одиноко без вас.

– Мне это очень приятно.

– Вы так меня балуете. Я ведь самая младшая в семье, меня и дома баловали, отец очень любил меня, и я привыкла за всем идти к отцу.

– Я прекрасно знаю, что отец любил тебя. Ты даже не представляешь себе, как мне приятно, что ты всегда обращаешься ко мне. Мне было бы грустно жить без тебя. Ты, я думаю, знаешь все о Сюити, но до сих пор не хотел заговаривать с тобой об этом. Видишь, какой я отец. Может быть, если вы будете жить одни, у вас все наладится?

– Нет. Хоть вы мне ничего не говорили, вы всегда беспокоились обо мне – я это прекрасно знаю. Я хочу быть рядом с вами. – В огромных глазах Кикико застыли слезы. – Я боюсь жить отдельно. Постоянно сидеть одной дома и ждать, ждать без конца. Как это невыносимо, как грустно, как это страшно!

– Но зато будешь ждать одна. Ну ладно, электричка не место для такого разговора. Все-таки подумай хорошенько.

Кикико дрожала, словно ей уже сейчас было страшно.

Сойдя на токийском вокзале, Синго на такси повез Кикико в Хонго.

Потому ли, что и родной отец очень любил ее, или потому, что она была сейчас сильно взволнована, но Кикико это как будто не показалось странным.

Когда они приехали на ту самую улицу, где жила любовница Сюити, Синго, хотя он и не заметил ничего подозрительного, из осторожности попросил шофера въехать прямо во двор университетской клиники.

Весенние колокола

1

В Камакура, в пору цветения вишни, праздновалось семисотлетие буддийской столицы, и целый день звонили храмовые колокола.

Но временами Синго почему-то не слышит их. Кикико, работает она или разговаривает, все равно слышит, а Синго, если не прислушивается, не слышит.

– Слышите? – сказала Кикико. – Снова звонят. Слышите?

– Не разберу. – Синго наклонил голову. – А ты, бабка?

– Слышу, конечно. Неужели ты не слышишь? – Ясуко не хотелось разговаривать.

Положив на колени стопку газет дней за пять, она медленно листала их.

– Звонят. Звонят, – сказал Синго.
Стоило ему хоть раз уловить звон, потом он уже легко различал его.
– Услышал наконец и радуешься. – Ясуко сняла очки и посмотрела на Синго. – А монахи в храмах из сил выбиваются – день-деньской бьют в колокола.
– Это бьют в колокола верующие, которые приходят в храм, – десять иен за удар. А совсем не монахи, – сказала Кикуко.
– Ну и выдумщица же ты.
– Нет, правда, эти колокола называют колоколами моления об усопших... У храмов, говорят, есть даже план, сколько человек должно ударить в колокола – не то сто тысяч, не то миллион.
– План?
Синго показалось это странным.
– Колокола в храмах звонят очень уж уныло, не люблю я их.
– Ну что вы? Почему же уныло?
Синго подумал, как покойно сидеть вот так, в апрельское воскресенье в столовой и любоваться цветущей вишней.
– Семисотлетие. Семисотлетие чего? Одни говорят – семисотлетие Большого Будды¹⁰ другие – семисотлетие святого Нитирэна¹¹, – сказала Ясуко.
Синго не мог ответить.
– А ты, Кикуко, не знаешь?
– Не знаю.
– Странно. А еще называется, живем в Камакура.
– Мама, в газетах, которые у вас, нет ничего интересного?
– Кое-что есть. – Ясуко протянула Кикуко газеты. Они были аккуратно сложены стопкой. Одну газету она оставила себе. – Как раз в этой газете прочла. Когда я прочла, как двое стариков покинули дом, просто сердце сжалось, эта история не выходит у меня из головы. Ты, наверно, тоже читала.
– Да.
– «Заместитель президента японской ассоциации гребного спорта, которого называли отцом любителей гребли...» – начала было Ясуко читать статью, а потом стала пересказывать ее своими словами: – Он был, кроме того, директором компании, которая строит лодки и яхты. Ему было шестьдесят девять лет, жене – шестьдесят восемь.
– Почему же у тебя сжалось сердце?
– Там перепечатаны прощальные письма приемному сыну, его жене и внукам.
И Ясуко снова стала читать газету:
– «Представляя себе, сколь убоги люди, влачащие жалкое существование забытых всеми, мы не хотим дожить до такого дня. Нам понятно душевное состояние виконта Такаги¹². Думается, что самое лучшее – уйти из жизни, пока все еще любят и уважают тебя. И мы, окруженные искренней любовью домашних, сердечным участием многочисленных друзей и сверстников, решили все же, что нам следует уйти». Это приемному сыну и его жене. А внукам: «День независимости Японии приближается, но будущее ее покрыто мраком. Если молодежь и студенты, напуганные ужасами войны, хотят мира, они должны последовательно держаться идеи непротivления, принадлежащей Ганди. Мы слишком стары, и у нас уже не

¹⁰ Большой Будда – огромная статуя Будды Амида из храма Котокуин в Камакура. Отлита в 1256 г.

¹¹ Нитирэн – основатель буддийской секты Нитирэн.

¹² Виконт Сэйтоку Такаги в 1948 г. Ушел из дому. Позднее его труп был найден в горах Такао. Его смерть считается в Японии классическим примером того, как аристократия в послевоенной Японии не хотела мириться с падением своего влияния.

хватает сил идти правильным путем, в который мы верим, и вести вас по этому пути. Бессмысленно ждать, пока мы достигнем возраста, когда станем для вас обузой, дожить до этого – значит перечеркнуть всю свою жизнь. Мы хотим одного – чтобы вы, наши внуки, сохранили о нас теплое воспоминание как о любящих бабушке и дедушке. Мы еще не знаем, куда направимся. У нас лишь одно желание – уснуть спокойно».

Ясуко умолкла.

Синго сидел к ней боком и смотрел в сад, на цветущую вишню.

Ясуко продолжала читать газету:

– «Ушли из дома в Токио и, навестив сестру в Осака, пропали без вести. Сестре, живущей в Осака, уже восемьдесят лет».

– А где прощальное письмо жены?

– Что?

Ясуко с рассеянным видом подняла голову.

– Жена не оставила письма?

– Жена? Эта бабка?

– Конечно. Они ведь вдвоем решили умереть, значит, и жена тоже должна была оставить письмо. Представь себе, я и ты решили вместе покончить с собой и ты хочешь что-то сказать на прощание, разве ты не оставишь письма?

– Нет, мне это ни к чему, – не задумываясь, ответила Ясуко. – Мужчина и женщина пишут отдельные письма, если они еще молоды и решили вместе покончить с собой. Когда с грустью убеждаются, что им не суждено быть вместе... Если же это делают муж и жена, достаточно и того, что напишет муж от имени обоих. Ну что я смогу добавить к тому, что ты бы сказал на прощание?

– Ты так считаешь?

– Вот если я решу умереть сама, тогда другое дело.

– Еще бы, когда умирает один, возникает масса сложностей и неприятностей.

– Ну что ты, все это чепуха. В нашем-то возрасте.

– Ты говоришь так беспечно, как будто совсем не думаешь о смерти, да и вообще умирать не собираешься, – засмеялся Синго. – А ты, Кикико?

– Что бы сделала я?

Кикико произнесла это неуверенно, тихим голосом.

– Если бы вы с Сюити решили вместе покончить с собой, тебе не захотелось бы оставить прощальное письмо?

Синго тотчас же пожалел о сказанном. Напрасно я это говорю, подумал он.

– Не знаю. Что я сделаю, если это действительно случится, не знаю. – Кикико засунула большой палец правой руки за оби. Потом посмотрела на Синго. – Но мне кажется, отец, я бы оставила письмо вам.

Глаза Кикико затуманились, как у ребенка, в них стояли слезы.

Ясуко, та никогда не думает о смерти, а Кикико, наверно, задумывается, почувствовал Синго.

Кикико наклонила голову и, уже готовая разрыдаться, вскочила и убежала.

Ясуко посмотрела ей вслед.

– Странно. Чего это она вдруг? Истеричной стала. Это же обыкновенная истерика.

Синго расстегнул рубашку и положил руку на грудь.

– Сердцебиение? – сказала Ясуко.

– Нет, грудь зудит. Затвердела и зудит.

– Как у пятнадцатилетней девочки. Синго массировал левый сосок.

Муж и жена решают вместе покончить жизнь самоубийством, а прощальное письмо пишет один муж – жена почему-то не пишет. То ли жена просто сваливает все на плечи мужа, то ли считает себя одним целым с ним?

Слушая, как Ясуко читает газету, Синго задавал себе этот вопрос, пытался ответить на него.

Может, от долгой совместной жизни они превращаются в одно целое или старуха жена полностью теряет индивидуальность и ей просто нечего добавить к тому, что написал муж? Может, хотя у жены и нет особых причин умирать, она, послушно, следуя за мужем, совершает вместе с ним самоубийство, и, присоединяясь к его прощальному письму, освобождает себя таким образом и от сожалений, и от раскаяний, и от сомнений? Поразительно.

Вот и его старуха жена тоже говорит: если мы вместе покончим с собой, то мне незачем оставлять письмо, ты один напишешь – этого вполне достаточно.

Женщина – безропотная попутчица мужчины в смерти, правда, изредка мужчина и женщина меняются местами, но в большинстве случаев жена беспрекословно подчиняется мужу, и одна из таких женщин, теперь уже состарившаяся, сидит рядом с ним, – эта мысль поразила Синго.

Семейная жизнь Кикико и Сюити не только коротка, но и стоит на грани краха.

И спрашивать у Кикико, не оставит ли она предсмертного письма, если вместе с Сюити покончит с собой, было бестактно и жестоко, вопрос Синго причинил Кикико боль.

Теперь и Синго понял, у какой страшной пропасти стоит Кикико.

– Ты чересчур балуешь Кикико – вот она и расплакалась от твоего вопроса, – сказала Ясуко. – Ты любишь одну только Кикико, а когда нужно решить что-то важное, тебя не допросишься. Фусако твоя дочь – разве с ней случилось не то же самое?

Синго смотрел в сад на вишню, сплошь усыпанную цветами. У самого ствола этого огромного дерева густо разрослась аралия.

Синго терпеть не мог аралии и собирался спилить ее до того, как зацветет вишня, но вот еще только март, еще лежит глубокий снег, а на вишне он уже увидел цветы.

Года три назад он однажды спиливал аралию, но от этого она только гуще разрослась. Он тогда подумал, что надо бы выкорчевать ее, но потом решил – ладно, не буду возиться.

Слова Ясуко почему-то вызвали у Синго еще большее отвращение к мясистым ярко-зеленым листьям аралии. Если бы не эти заросли, был бы виден толстый, могучий ствол вишни и ее нижние ветви, не встречая помехи, свободно раскинулись бы во все стороны густым навесом. Правда, они раскинулись и несмотря на аралию.

Цветов было столько, что, думалось, больше просто не бывает.

Облитые вечерним солнцем, цветы плавали в небе. Они не были ни особенно яркими, ни особенно большими, – казалось, они сотканы из воздуха. Сейчас, в разгар цветения, не верилось, что все они скоро осыплются.

Но все же по одному, по два лепестки падали, и внизу кое-где они уже лежали островками.

– Когда читаешь статью о самоубийстве или о смерти человека молодого, думаешь только: ну что ж, еще один, а если речь идет о старике, всегда бывает очень тяжело, – сказала Ясуко. – Самое лучшее уйти из жизни, пока все еще любят и уважают тебя. – Казалось, Ясуко во второй, в третий раз перечитывает статью о тех пожилых супругах. – Недавно один шестидесятилетний старик привез из Тотиги в Токио семнадцатилетнего сына, страдавшего детским параличом, чтобы поместить его в клинику, причем в одну из лучших, но перед этим решил показать ему город, и вот старик целый день носил сына за спиной, и мысль о разлуке с сыном стала ему так невыносима, что он задушил его носовым платком. По-моему, об этом тоже писали в газетах.

– Что ты говоришь? Не читал, – ответил Синго и вдруг с грустью вспомнил статью о беременных девочках из префектуры Аомори и свой сон.

Как все-таки он отличается от старухи жены.

2

– Кикико-сан, – позвала Фусако. – Машина все время рвет нитку. Может, сломалась? Посмотри, пожалуйста. Зингеровская, значит, должна быть хорошая – или это я такая неловкая? Может быть, нервничаю – поэтому? Пожалуй, все-таки испортилась. Она ведь у нас

еще с тех пор, как я была студенткой, – старая.

Кикуко вошла в комнату.

– Знаете что, давайте я вам прострочу.

– Ну что ж. Сатоко прямо прилипла, ни на минуту не отстает – раздражает ужасно. Все время боюсь прошить ей палец. Хотя я и понимаю, что ей не дотянуться до иголки, но оттого, что она все время лезет сюда руками, а я должна внимательно следить, чтобы строчка была ровной, у меня прямо в глазах рябит от этой пестрой материи и от ее мелькающих рук.

– Может, вы устали?

– Да нет, просто все время нервничаю. Если уж говорить, кто устал, так это ты, Кикуко-сан. Здесь у нас не устают только дед и бабка. Как стал дедом, за шестьдесят перевалило – совсем поглупел, грудь у него, видите ли, зудит.

Когда Кикуко ездила в университетскую клинику навестить подругу, на обратном пути она купила материи для девочек.

Вот почему, занимаясь шитьем, Фусако была расположена к Кикуко.

Но когда Кикуко села вместо Фусако за машину, Сатоко посмотрела на нее сердито.

– Тетя купила тебе в подарок материю, почему же ты не хочешь, чтобы она и сшила? – Фусако сказала извиняющимся тоном: – Прости ее, пожалуйста. Девочка вся в Аихара.

Кикуко обняла Сатоко за плечи.

– Сходи-ка с дедушкой и мамой к Большому Будде. Увидишь там много много детей, они будут танцевать.

Фусако позвала Синго, и они втроем вышли из дому. Когда они шли по улице Хасэ, Синго бросилась в глаза карликовая камелия у входа в табачную лавку. Он купил сигареты и похвалил деревце. На нем цвело пять-шесть махровых цветов.

– Белые махровые цветы в крапинку – не так уж красиво, но, к сожалению, лишь горную камелию удастся вырастить карликовой, – сказал хозяин табачной лавки и пригласил Синго в сад за домом. Там оказалась грядка с овощами, вдоль которой, прямо на земле, в ряд, стояли горшки с карликовыми деревьями. Это тоже были горные камелии, старые, с мощными стволами.

– Нельзя допускать, чтобы деревья истощались, поэтому я обобрал с них цветы, – сказал хозяин.

– Значит, они уже цветут? – спросил Синго.

– На них распускается масса цветов, но я оставляю не больше двух-трех на деревце. На той камелии, что у входа в лавку, их было штук двадцать – тридцать.

Хозяин стал рассказывать об уходе за карликовыми деревьями. Потом перешел к историям о любителях, которые их выращивают. Слушая его, Синго вспомнил, что на торговой улице во многих витринах выставлены карликовые деревца.

– Большое спасибо. Было очень интересно. – Синго направился к выходу.

– У меня, к сожалению, нет экземпляра, подходящего для вас, я это понимаю, но все же и горные камелии, которые вы видели во дворе, не так уж плохи... Возьмите одно деревце – это очень хорошее средство от лени – появляются обязанности, надо сохранять его форму, не допускать, чтобы оно засохло, – уговаривал хозяин табачной лавки.

Синго на ходу закурил только что купленную сигарету.

– На коробке изображен Большой Будда. Наверно, сигареты выпустили специально для Камакура. – Он показал пачку Фусако.

– И мне покажи, – потянулась к нему Сатоко.

– Помнишь, прошлой осенью, уйдя из дому, ты поехала в Синею.

– Я не уходила из дому, – возразила Фусако.

– Так вот, ты не видела в нашем деревенском доме карликового деревца?

– Не видела.

– Ну конечно. Ведь все это было лет сорок назад. Дедушка, отец твоей матери, был большим любителем карликовых деревьев. А мать совсем не имела к этому склонности, душевной тонкости, что ли, ей не хватало, и поэтому отец доверил уход за ними старшей

дочери. Она была удивительная красавица, даже не верилось, что они сестры. У меня и сейчас еще стоит перед глазами, как зимним утром, когда подставка под деревцем засыпана снегом, она с непокрытой головой, в легком девичьем кимоно сметает снег. Это было так прекрасно. В Синею холодно, и изо рта у нее шел пар.

Ему тогда казалось, что и пар из ее рта благоухает девичьей чистотой.

Синго увлекся воспоминаниями, которые не имели никакого отношения к Фусако, принадлежавшей совсем к другому поколению.

– А эти горные камелии – что-то не похоже, чтобы их кропотливо выращивали лет тридцать – сорок.

Карликовые деревья должны быть очень старыми. Много проходит лет, прежде чем ствол дерева в горшке становится похож на переплетающиеся мощные мышцы.

Интересно, в чьи руки попал после смерти сестры Ясуко карликовый клен, алевший у алтаря? Может, просто засох?

3

Когда они втроем подошли к храму, процессия детей уже двигалась по выложенной камнем дорожке перед Большим Буддой. Было заметно, что они пришли издалека, у некоторых были усталые, осунувшиеся лица.

За живой стеной людей ничего не было видно, и Фусако взяла Сатоко на руки. Сатоко как замороженная смотрела на яркие, как цветы, кимоно, в которые были одеты дети.

Синго слышал, что в здешнем храме есть надгробие Акико Есано¹³, на котором выбито ее пятистишие. Они пошли в глубь парка и увидели на одном из надгробных камней увеличенный во много раз автограф Акико.

– Действительно, это ее стихотворение «Сакья-Муни...» – сказал Синго.

Но оказалось, что Фусако не знает этого знаменитого пятистишия, которое в свое время было у всех на устах; Синго поразился. В стихотворении Акико были слова: «Славен Камакура своим Буддой, как прекрасен Сакья-Муни...»

– Большой Будда не Сакья-Муни. На самом деле это Будда Амида. В своем стихотворении Акико допустила обычную ошибку – Большого Будду и Сакья-Муни всегда путают.

Рядом с надгробием был разбит шатер. И там можно было получить чашку жидкого чая. У Фусако был талончик на участие в чайной церемонии, который дала ей Кикуко.

Увидев цвет чая, Синго решил, что его, пожалуй, можно дать и Сатоко, но та уже сама проворно схватила чашку. Это была совсем дешевая чашка, какой не увидишь на настоящей чайной церемонии, но Синго все же придержал ее:

– Горько, наверно.

– Горько?

Не успев пригубить, Сатоко сморщилась.

Группа девочек-танцовщиц скрылась в шатре. Примерно половина из них расселась на складных стульчиках у входа, другие толпились рядом. Лица детей были густо набелены, и все они были одеты в яркие кимоно с длинными рукавами.

За ними буйно цвели молодые вишни. Но они казались бесцветными рядом с яркими, сочными красками кимоно девочек. Лучи солнца играли в зелени высоких деревьев в противоположной стороне сада.

– Воды, мама, воды, – сказала Сатоко, глядя на девочек-танцовщиц.

– Воды нет. Дома попьешь, – уговаривала ее Фусако.

Синго вдруг тоже захотелось пить.

В один из мартовских дней Синго видел из окна электрички, когда ехал в Токио, как

¹³ Акако Есано (1878—1942) – выдающаяся японская поэтесса

девочка примерно одних лет с Сатоко пила воду из фонтанчика на станции Синагама. Она до отказа отвернула кран, струя воды взметнулась вверх, и девочка в восторге засмеялась. У нее было прекрасное смеющееся лицо. Мать немного привернула кран. Девочка с таким удовольствием пила воду, что Синго сразу ощутил – весна действительно пришла. Этот случай вспомнился ему сейчас.

Синго подумал, что это неспроста – и Сатоко и он захотели пить, как раз когда смотрели на девочек-танцовщиц.

– Кимоно хочу. Купи кимоно, купи, – захныкала Сатоко.

Фусако поднялась.

Среди девочек-танцовщиц одна была примерно ровесница Сатоко – если и старше, то совсем ненамного. У нее были подрисованные толстые короткие брови. Приятная девочка. Углы широко раскрытых, похожих на колокольчики глаз были слегка подведены красной краской.

Фусако тащила за руку Сатоко, которая неотрывно смотрела на девочку, и, когда та вышла из шатра, потянула в ее сторону.

– Кимоно хочу, кимоно, – повторяла Сатоко без конца.

– Кимоно тебе подарят на детский праздник. Дедушка подарит, – сказала Фусако с намеком. – Ведь и эта девочка сегодня первый раз в жизни надела кимоно. Раньше и у нее были одни осимэ. Осимэ – просто куски от старого летнего кимоно, в которые ее укутывали.

В чайном павильоне, куда они зашли отдохнуть, Синго принесли воды. Сатоко с жадностью выпила два стакана.

Когда они вышли за ограду храма и направились домой, мимо Сатоко, держась за руку матери, торопливо прошла та самая девочка в нарядном кимоно. Хорошо бы, Сатоко не увидела ее, подумал Синго и обнял внучку за плечи, но было уже поздно.

– Кимоно. – Сатоко попыталась схватить девочку за рукав.

– Отстань. – Девочка бросилась от нее в сторону, но неловко наступила на длинный рукав, свисавший почти до земли, и упала на мостовую.

– Ой! – закричал Синго, закрывая руками лицо. Сбили. Синго слышал лишь собственный крик, но закричало, видимо, много людей.

Автомобиль со скрежетом затормозил. Из замершей толпы бросилось вперед несколько человек.

Девочка сама вскочила, прижалась к матери и вдруг заплакала навзрыд.

– Как повезло, как повезло. Какое счастье, что тормоза хорошие. Прекрасная машина, – сказал кто-то.

– Будь это какая-нибудь развалюха, не остаться бы ей в живых.

Сатоко закатила глаза, словно с ней случился припадок. У нее было ужасное лицо.

Фусако испуганно расспрашивала мать, не ушиблась ли девочка, не порвала ли кимоно.

Мать никак не могла опомниться от потрясения.

Девочка больше не плакала, по набеленному личику размазались слезы, но глаза блестели, словно промытые.

По дороге домой Синго молчал, разговаривать ему не хотелось.

Из дома послышался плач ребенка, и навстречу им, напевая колыбельную песню, вышла Кикико с девочкой на руках.

– Простите. Расплакалась она у меня. Не могла справиться, – сказала Кикико, обращаясь к Фусако.

Из-за плача сестры или, может быть, оттого, что дома ее напряжение спало, Сатоко тоже расплакалась.

Фусако, не обращая на нее внимания, взяла у Кикико ребенка и обнажила грудь.

– Ой, у меня даже на груди капельки холодного пота.

Синго посмотрел на стену перед собой, где висела каллиграфическая картина Рёкапа¹⁴

¹⁴ Рёкан (1757—1831) – знаменитый поэт и каллиграф.

«Небесная буря». Для подлинного Рёкана она обошлась Синго слишком дешево – видимо, подделка. Знающие люди объяснили ему, и теперь Синго уже и сам понимал, что это не подлинник.

– Мы видели надгробие Акико, – сказал он Кикуко. – Рукой Акико написано «Сакья-Муни...».

– Правда?

4

После ужина Синго вышел из дому и прошелся по мануфактурным магазинам и магазинам подержанного платья.

Но ничего подходящего для Сатоко не нашел. Его беспокоила Сатоко. Он даже испугался за нее.

Девочка еще совсем маленькая, но стоило ей увидеть у другой яркую вещь, и она уже загорелась таким неистовым желанием получить ее.

Может быть, у Сатоко зависть или жадность развиты сильнее, чем у других детей? Или, возможно, она слишком рано повзрослела? Нет, скорее всего она просто истерична, решил Синго.

Что б они сейчас делали, если бы эту девочку в нарядном кимоно для танцев насмерть задавила машина? Перед глазами Синго отчетливо стоял прекрасный рисунок ее кимоно. Такие нарядные кимоно даже в витринах никогда не выставляют.

Синго возвращался с пустыми руками, и это очень огорчало его.

Неужели Ясуко допускает, чтобы у девочки были до сих пор только осимэ из старых кимоно? В словах Фусако было немало яда. Правда, она могла и приврать. Неужели ребенку никогда не покупали даже простеньких детских кимоно? А может быть, Фусако намекала, чтобы я купил Сатоко европейское платье?

– Забыл, – сказал Синго вслух.

Он не помнил, кажется, это Ясуко ему говорила, что если бы они оба больше заботились о Фусако, то, возможно, и от некрасивой дочери родилась бы хорошенькая внучка. Теперь уже ничего не исправишь, – Синго почувствовал тяжелые угрызения совести.

До рожденья б знать, кого родишь, до рожденья б знать, кого родишь, – не было б родителей, достойных сострадания, не было б родителей – не было б детей, разрывающих наши сердца...

В памяти Синго вдруг всплыла эта фраза из пьесы театра. Но, просто всплыла, а не то что его стали вдруг мучить запоздалые сожаления.

Старый Будда ушел из мира, новый Будда в нем еще не появился. Во сне он вдруг возродится в старом слуге – кем он будет наяву? Обретя человеческий облик, возродиться в котором так трудно...¹⁵

Злость и неистовство, охватившие Сатоко, когда она пыталась схватить за кимоно девочку-танцовщицу, должно быть, унаследованы от Фусако. А возможно, и от Аихара. Если все же от Фусако, то чья, интересно, кровь передалась ей, отца или матери?

Если бы Синго женился на старшей сестре Ясуко, у них, наверно, не родилась бы такая дочь, как Фусако, не родилась бы, наверно, и такая внучка, как Сатоко.

Странно все-таки – до сих пор Синго любит человека, умершего давным-давно.

Сейчас ему шестьдесят три, а ведь та, которая умерла, когда ей было чуть больше двадцати, была Старше его.

Когда Синго вернулся домой, Фусако уже лежала в постели, обняв младшую дочь. Он увидел их потому, что фусума, отделявшие их комнату от столовой, были приоткрыты.

¹⁵ Фраза из пьесы театра Но.

– Спят.
Это сказала Ясуко, заметив, что Синго заглянул в комнату.
– «Сердце так колотится – вот-вот из груди выскочит, нужно хоть немножко успокоиться», – сказала мне Фусако, приняла снотворное и сразу же уснула.
Синго кивнул.
– Может, прикрыть?
– Сейчас, – встала Кикуко.
Сатоко лежала не шевелясь, плотно прижавшись к спине Фусако. Но глаза у нее были открыты. Станный все-таки ребенок. Лежит молча и не спит.
Синго не сказал, что ходил покупать Сатоко кимоно.
Видимо, и Фусако не рассказала матери, что натворила Сатоко.
Синго ушел в другую комнату. Кикуко принесла угли.
– Присаживайся.
– Сию минуту. – Кикуко вышла и вернулась с подносом, на котором стоял кувшин с водой. Для одного кувшина поднос, возможно, был бы не нужен, но рядом лежали еще цветы.
Синго взял их.
– Что это за цветы? Колокольчики? – Нет, черные лилии...
– Черные лилии?
– Да, мне их принесла подруга, она обучает чайной церемонии. – Кикуко достала из стенового шкафа за спиной Синго небольшую цветочную вазу.
– Неужели это и есть черные лилии? – не переставал удивляться Синго.
– Подруга рассказала, что, когда в государственном музее в годовщину Рикю¹⁶ устраивалась недавно чайная церемония, там стояли черные и белые лилии – это было очень красиво. Они стояли в старинной бронзовой вазе с узким горлышком...
– Хм.
Синго смотрел на черные лилии. Их было две, и на каждом стебле по два цветка.
– Этой весной не меньше одиннадцати или даже тринадцати раз шел снег.
– Да, часто шел.
– Ранней весной, когда отмечалась годовщина Рикю, еще лежал глубокий снег. И в такую пору черные лилии, – просто удивительно. В горах, наверно, нарвали.
– Цветом они немного похожи на черную камелию.
– Угу.
Кикуко налила в вазу воды.
– В эту годовщину Рикю были выставлены его предсмертные стихи и меч, которым он сделал себе харакири.
– Что ты говоришь? Значит, твоя подруга обучает чайной церемонии?
– Да. В конце войны у нее погиб муж... Она еще при нем часто устраивала чайные церемонии, и теперь это ей пригодилось.
– Какой же школы она придерживается?
– Школы муся-но кодзи.
Синго, незнакомый с чайной церемонией, ничего не понял.
Кикуко замерла в ожидании, чтобы поставить цветы в вазу, как только Синго выпустит их из рук.
– Они, видимо, так и растут, низко опустив головки, это не оттого, что начали вянуть.
– Да. Я ведь их сразу же поставила в воду.
– У колокольчиков головки, по-моему, низко опущены.
– Что?
– Мне кажется, эти цветы мельче, чем колокольчики, а?
– Пожалуй, мельче.

¹⁶ Сэн Рикю (1522—1591)-знаменитый мастер чайной церемонии.

– Сначала они кажутся совсем черными, но на самом деле они не черные, а темно-фиолетовые с густым бордовым оттенком. Ладно, завтра днем рассмотрю их получше.

– На солнце они кажутся красновато-сиреневыми. Цветы, хотя и совсем распустились, не достигали и трех сантиметров. У них было по шесть лепестков, пестик трехпалый, тычинок – пять. Листья, обращенные в четыре стороны, равномерно покрывали весь стебель несколькими ярусами. Они были маленькие, в три, три с половиной сантиметра длиной. Синго понюхал цветок.

– Пахнет неопрятной женщиной, – сказал он, не подумав.

Он не имел в виду ничего плохого, но Кикико покраснела и опустила голову.

– Запах меня разочаровал, – поправился Синго. – Понюхай сама.

– Мне бы не хотелось изучать цветы так тщательно, как это делаете вы, отец.

Кикико стала подбирать цветы.

– Для чайной церемонии четыре цветка, правда, слишком много, но все-таки, может быть, поставить их все?

– Да, поставь.

Кикико положила черные лилии на пол.

– В шкафу, где стояла эта ваза, должны быть маски, достань, пожалуйста.

– Сейчас.

Синго только что пришла на ум фраза из пьесы театра Но, и это напомнило ему о масках. Он взял маску Дзидо.

– Это добрый дух – вечный ребенок. Когда я купил ее... я тебе рассказывал?

– Нет.

– Так вот, когда я купил ее, я попросил Танидзаки, помнишь, мою секретаршу из фирмы, приложить маску к лицу. Это было так мило, я прямо поразился.

Кикико приложила к лицу маску Дзидо.

– Шнурки сзади завязать?

Из глубины глаз маски на Синго, он это чувствовал, смотрели зрачки Кикико.

– Маска оживает только в движении.

У Синго снова забило сердце от чистого, но запретного чувства, которое он однажды уже испытал, когда, вернувшись домой с покупкой, едва не поцеловал маску в ее пунцовые губы, такие приятные.

Жизнь в неизвестности не страшна, лишь бы сохранились цветы сердца...

Кажется, эти слова тоже из той пьесы театра Но.

Синго не мог оторвать глаз от очаровательной маски ребенка на лице Кикико, которая поворачивала голову то в одну, то в другую сторону.

У Кикико было маленькое личико, и ее подбородок почти целиком скрывала маска, и вдруг с чуть видневшегося кончика подбородка скатилась на шею слеза. Потом стало две струйки, потом три, и они все текли и текли.

– Кикико, – воскликнул Синго. – Сегодня, встретив подругу, ты, наверно, подумала, что если разойдешься с Сюити, то станешь тоже обучать чайной церемонии, да?

Кикико-Дзидо кивнула.

– Но даже если мы разойдемся, я все равно буду приходить к вам и устраивать для вас чайную церемонию, – твердо сказала она из-под маски.

Вдруг послышался плач Сатоко.

Во дворе громко залаяла Тэру.

Плохо все, подумал Синго, он почувствовал, что Кикико прислушивается к тому, что делается у ворот: не вернулся ли Сюити, который, видимо, и по воскресеньям ходит к своей любовнице.

Дом птиц

Колокол в соседнем храме и зимой и летом звонит ровно в шесть часов утра, и Синго и зимой и летом встает чуть свет, стоит ему услышать звон колокола.

Встает чуть свет – это не значит, что он обязательно поднимается с постели. Просто он просыпается чуть свет.

Но шесть часов утра – это совсем не одно и то же зимой и летом. Храмовой колокол круглый год звонит в шесть часов, и поэтому Синго кажется, что это одни и те же шесть часов, но ведь летом в это время уже всходит солнце.

Хотя у изголовья Синго всегда лежат большие карманные часы, он редко смотрит на них, – для этого нужно зажечь свет и надеть очки. Без очков ему трудно отличить длинную стрелку от короткой.

Кроме того, не бывает такого, чтобы Синго просыпал. Наоборот, он встает слишком рано.

Зимние шесть часов – это еще очень рано, но Синго не смог улежать в постели, поднялся и пошел за газетой.

С тех пор как не стало прислуги, раньше всех встает Кикуко и начинает работать по дому.

– Вы, отец? В такую рань... Синго с мутили слова Кикуко.

– Да нет, я снова лягу.

– Ложитесь. Еще и чай не вскипел.

Синго приятно, что Кикуко давно поднялась. Уже сколько лет Синго испытывает грусть, проснувшись зимним утром в кромешной тьме.

Но приходит весна, и пробуждение Синго теплеет.

Сегодня, когда стоит уже вторая половина мая, вслед за утренним колоколом Синго слышал крик коршуна.

– А-а, опять он, – прошептал Синго и, подняв голову, прислушался.

Сделав большой круг над домом, коршун улетел, похоже, в сторону моря. Синго встал.

Чистя зубы, он все время поглядывал в небо, но коршуна не увидел.

И все же Синго казалось, что в небе над домом еще не успел растаять по-детски тонкий крик коршуна.

– Кикуко, по-моему, кричал наш коршун, – сказал Синго, обернувшись к кухне.

Кикуко перекладывала дымящийся рис в деревянный бочонок.

– Заработалась и не слышала.

– Значит, опять к нам прилетел.

– Возможно.

– Он и в прошлом году часто кричал. В каком же это было месяце? По-моему, тоже в мае, а? Памяти совсем нет.

Синго смотрел на Кикуко, и поэтому она сняла с головы ленту.

Видимо, она спит, подвязав волосы лептой.

Кикуко, не закрывая бочонка с рисом, торопливо готовила Синго чай.

– Если существует наш коршун, значит, должны существовать и наши овсянки.

– Хм. Есть и наши вороны.

– Вороны?... Синго засмеялся.

Действительно, если коршун может быть «нашим коршуном», вороны тоже могут быть «нашими воронами».

– Считается, что дом и сад принадлежат только людям, но они принадлежат и самым разным птицам тоже, – сказал Синго.

– Так можно договориться до блох и москитов.

– Не говори чепухи. Блохи и москиты не могут быть хозяевами дома. Они не зимуют в доме.

– Но блохи бывают и зимой. Значит, скорее всего они зимуют в доме.

Не знаю, сколько лет живут блохи, но прошлогодних блох не бывает. Кикуко, глянув на

Синго, рассмеялась.

– Скоро и наша змея уже вылезет.

– Полоз, которого ты испугалась в прошлом году?

– Да.

– Еще бы, вот это – настоящий хозяин нашего дома.

Летом прошлого года Кикуко, вернувшись домой с покупками, увидела у черного хода полоза и закричала от страха.

На ее крик прибежала Тэру и бешено залаяла. Собака, наклонив голову, бросалась к полозу – вот-вот вцепится в него, – отскакивала метра на полтора, потом снова подлетала, точно собираясь напасть.

Полоз, чуть приподняв голову, высунул красный язык и, даже не взглянув в сторону Тэру, медленно пополз и скрылся под порог черного хода.

Пословам Кикуко, он был раза в два длиннее двери – значит, больше двух метров. И толще руки.

Кикуко говорила взволнованно, Ясуко же была совершенно спокойна.

– Это хозяин нашего дома. Он поселился у нас задолго до того, как ты пришла к нам.

– А вдруг Тэру загрызла бы его, что тогда?

– Он победил бы Тэру. Обвился бы вокруг нее... Тэру поняла это, вот почему она только облаяла его – и все.

Какое-то время Кикуко трусила и не пользовалась черным ходом. Ходила только через веранду.

Все-таки было жутковато при мысли, что где-то под полом или под крышей живет огромная змея.

Но, может быть, полоз обитал на горе за домом. Он показывался редко.

Эта гора не входила во владения Синго. Он даже не знал, кому она принадлежит.

Гора вплотную подступала к дому, круто вздымаясь вверх, и для зверья, которое там обитало, сад дома Синго был естественным продолжением горы.

Цветы и листья с кустов и деревьев, росших на горе, густо сыпались прямо в сад.

– Коршун вернулся, – пробормотал Синго и тут же – оживленно: – Кикуко, коршун, кажется, вернулся.

– В самом деле. По-моему, это его крик. Кикуко поглядела на потолок. Некоторое время слышался крик коршуна.

– А раньше он улетал к морю?

– Да, крик его как будто донесся с той стороны.

– Полетел, наверно, к морю, добыл пищу и теперь возвращается, – сказала Кикуко, и Синго подумал, что, видимо, она права.

– Выбирает место, где бы устроиться с пойманной рыбой.

– Тэру наверняка отберет.

– Нет, он взберется высоко, ей не достать.

То же было в прошлом году и в позапрошлом – каждый раз, когда Синго, просыпаясь, слышал крик коршуна, он испытывал к нему чувство, похожее на любовь.

И не один Синго – слова «наш коршун» употребляла вся семья.

Синго не знал точно, сколько было коршунов, один или два. И еще, слышал ли он из года в год крик одного и того же коршуна? Не произошла ли смена поколений? Может быть, коршуны-родители давно умерли и теперь кричат их дети? Впервые об этом Синго подумал сегодня утром.

Синго и его семье было бы приятнее не знать, что старый коршун умер в прошлом году, а в этом году кричит новый, и, в полудреме слушая его, думать, что это все тот же «наш коршун».

Удивительно, что коршун выбрал именно гору за домом Синго и поселился на ней, хотя в Камакура сколько угодно точно таких же небольших гор.

Тебя трудно повстречать, но мне удалось тебя встретить, тебя трудно услышать, но мне

удалось тебя услышать, говорится в одной пьесе театра Но. Может быть, это относится и к коршуну?

И хотя коршун жил вместе с Синго и его семьей, он лишь что-то кричал им голосом, полным ласки.

2

Кикуко и Синго вставали раньше всех в доме и по утрам беседовали; если же Синго хотелось поговорить с глазу на глаз с Сюити, он мог сделать это только в электричке.

Переехали мост через реку Рокуногава, – значит, вот-вот покажется лес Икэгами, подумал Синго. У него вошло в привычку смотреть по утрам из окна вагона на лес Икэгами.

Сколько лет, проезжая мимо, он смотрел на этот ее, но лишь совсем недавно обнаружил там двустволюю сосну.

Она одна возвышалась надо всем лесом. Ее стволы, точно пытаясь обняться, склонили друг к другу свои вершины. А ветви так сблизилась, что, кажется, же обнимаются.

Надо всем лесом господствует эта единственная двустволая сосна, и, казалось бы, она всегда должна была бросаться в глаза, но почему-то до сих пор Синго не замечал ее. А стоило ему однажды заметить, и теперь она уже всегда бросалась в глаза.

Сегодня утром проливной дождь, и двустволая сосна едва видна.

– Сюити, – окликнул Синго. – Что с Кикуко?

– Ничего страшного. Сюити читал еженедельник.

В Камакура на вокзале он купил два журнала и один дал отцу. Синго держал его в руках, не читая.

– Что же все-таки с ней? – тихо повторил Синго.

– Жалуется, что голова болит.

– Странно. Мне мать говорила, что вчера Кикуко ездила в Токио, а когда вернулась вечером, сразу же легла в постель, – такого еще не бывало. Мать подумала, уж не случилось ли чего с ней там, в Токио, ужинать не стала. А когда ты вернулся в девять часов и вошел к ней в комнату, начала плакать, тихонько, чтобы мы не услышали, разве этого не было?

– Через день-другой, думаю, встанет. Ничего страшного.

– Странно. От головной боли так не плачут. По-моему, сегодня на рассвете она опять плакала.

– Да.

– Кикуко было очень неприятно, когда Фусако принесла ей в комнату поесть. Все время прятала от нее лицо... Фусако даже обиделась. Я и решил спросить у тебя, что случилось.

– Зачем нужны все эти разговоры, как будто в нашем доме следят за каждым шагом Кикуко... – Сюити сидел, не поднимая головы. – Может же она когда-нибудь заболеть, с ней ведь это не так уж часто случается.

Синго рассердился.

– Как же называется ее болезнь?

– Аборт.

Сюити сказал это резко-как выплюнул.

Синго вздрогнул. И посмотрел на противоположную скамью. Там сидели два американских солдата, и Синго завел разговор в уверенности, что они не понимают японски.

Он спросил хрипло:

– Врач делал?

– Да.

– Вчера? – пробормотал упавшим голосом Синго. Сюити отложил журнал.

– Да.

– И в тот же день она вернулась домой?

– Угу.

– Ты ее заставил это сделать?
– Сама сказала, что сделает, а у меня не спрашивала.
– Кикуко сама? Врешь.
– Нет, правда.
– Почему? Почему у Кикуко появилась такая мысль?
Сюити промолчал.
– Ты один во всем виноват.
– Может, и так. Я ничего не мог поделать, она заупрямилась – теперь, мол, ни за что не оставлю.
– Если бы ты захотел удержать ее, то удержал бы.
– Теперь мне это не удалось бы.
– Что означает «теперь»?
– Ты сам прекрасно знаешь. В общем, она говорит, что при тех отношениях, в каких мы сейчас находимся, она не хочет ребенка.
– Она догадывается, что у тебя есть женщина?
– Видимо, да.
– Что это за «видимо, да»? – От злости у Синго сперло дыхание. – Для Кикуко это почти самоубийство. Тебе не кажется? Это действительно почти самоубийство, а не простое возмущение твоим поведением.
Грозный вид отца испугал Сюити, он даже отшатнулся.
– Ты убил душу Кикуко. Теперь все погибло.
– Душа у Кикуко оказалась слишком уж упрямой.
– Разве она не женщина? Разве она не твоя жена? Если бы ты хорошо относился к ней, был с ней нежен, она с радостью родила бы ребенка. И никак несвязывала бы это с твоей любовницей.
– Да, но она же связала.
– Кикуко прекрасно знает, что мать с нетерпением ждет внука. Ведь она даже стыдилась, что долго не может родить. Избавиться от ребенка, которого она так хотела, – Кикуко сделала это только потому, что ты убил ее душу.
– Ты заблуждаешься. Просто Кикуко чересчур целомудренна.
– Целомудренна?
– Ей, видите ли, стало противно, что придется рожать от меня...
– Что?
– Кому нужны эти интимные подробности?
«Неужели Сюити вселил в Кикуко такое презрение, такое отвращение, к себе?» – подумал Синго.
– Я не могу этому поверить. Даже если Кикуко И говорила тебе такое, даже если она вела себя так с тобой, все равно невозможно поверить, что в этом ее сущность. Муж говорит с такой издевкой о целомудрии жены – разве это не первое доказательство, что его любовь мелка? Кто принимает всерьез капризы любимой женщины? – Синго начал терять присутствие духа. – Что скажет Ясуко, когда узнает, что ей недождаться внука?
– Пусть мать утешится мыслью, что у Кикуко еще могут быть дети.
– О чем ты говоришь? Ты ручаешься, что она еще родит?
– Могу и поручиться.
– Твои слова доказывают лишь, что ты не боишься неба. Доказывают, что ты не любишь Кикуко.
– Ты усложняешь. А ведь все так просто.
– Все так просто? Подумай, что ты говоришь. вспомни, как плакала Кикуко.
– Да нет, я не могу сказать, что не хочу ребенка, но сейчас мы в плохом положении, у нас не все гладко, и ребенок все равно не получился бы таким, как нам хотелось бы.
– Я не знаю, что ты имеешь в виду, говоря, что вы «в плохом положении», но, по-моему, положение Кикуко вовсе не плохо. Если кто в плохом положении, так это ты. У Кикуко совсем

не такой характер, чтобы сложа руки ждать, пока она окажется в плохом положении. Ведь ты ничего не сделал, чтобы Кикуко не приходилось ревновать тебя. Из-за этого ты и потерял ребенка. И знай, ребенком дело не ограничится.

Сюити испуганно посмотрел на Синго.

– Попробуй еще хоть раз, придя пьяным от своей любовницы, положить на колени Кикуко свои грязные ботинки и заставить ее снимать их, – сказал Синго.

3

В тот день Синго поехал по делам фирмы в банк, а потом пошел пообедать с приятелем, который там работал. Они беседовали до половины третьего. Из ресторана Синго позвонил в фирму и, не заходя туда, вернулся домой.

Кикуко с Кунико на руках сидела на веранде.

Кикуко стала поспешно подниматься, она не ожидала, что Синго придет так рано.

– Не нужно. Сиди. Я вижу, ты уже не в постели, поправились? – Синго тоже вышел на веранду.

– Поправились. Решила вот переодеть девочку. – А Фусако?

– Взяла с собой Сатоко-тян и пошла на почту.

– Зачем ей понадобилось идти на почту? И еще ребенка на тебя бросила.

– Подожди. Сначала дадим переодеться дедушке, – сказала Кикуко девочке.

– Ничего, ничего. Переодень сначала ее. Кикуко подняла к Синго смеющееся лицо. Из-под приоткрытых губ показался ряд небольших ровных зубов.

– Ну вот, сейчас мы переоденем Кунико.

Кикуко надела на нее яркое шелковое кимоно и повязала его узким пояском.

– Отец, в Токио тоже уже кончился дождь?

– Дождь? Когда я садился в электричку на токийском вокзале, он еще шел, а когда приехал сюда, погода уже была прекрасная. В каком месте по дороге прояснилось, я не заметил.

– В Камакура тоже еще совсем недавно шел дождь, и, как только он прекратился, Фусако-сан отправилась на почту.

– А гора еще вся мокрая.

Девочку уложили на веранде, она подняла голые ножки и ухватилась за них – ногами она управляла легче, чем руками.

– Да, да, ну вот, давай-ка посмотрим на гору. – Кикуко подстелила ей пеленку.

Низко пролетел американский военный самолет. Услышав шум, девочка повернулась в сторону горы. Самолета не было видно, но его огромная тень отпечаталась на склоне горы и уплыла. Наверно, и девочка увидела эту тень.

Синго вдруг поразило, как заблестели глаза ребенка от наивного удивления.

– Она не представляет себе, что такое воздушный налет. Как много уже родилось детей, не знающих войны.

Синго взглянул на Кунико. Блеск в ее глазах исчез.

– Вот если бы удалось запечатлеть на фотографии теперешнее выражение глаз Кунико. И чтобы в них отражалась тень самолета на горе. А на другом снимке...

Ребенок погибает, его атаковал самолет.

Синго хотел сказать это, но, вспомнив, что только вчера Кикуко сделала аборт, умолк.

И все же как многое в мире детей, которых можно запечатлеть на таких двух фотографиях.

Неожиданно Кикуко, подхватив под мышки девочку и придерживая ее снизу рукой с зажатой пеленкой, поспешила в ванную.

Синго вернулся в столовую, размышляя о том, что тревога за Кикуко заставила его вернуться домой раньше обычного.

– Как ты рано. – В комнату вошла Ясуко.

– Где ты была?

– Мыла голову. Когда прошел дождь и снова выглянуло солнце, у меня вдруг зачесалась голова. Старая голова – вот и чешется. Не знаю, у меня голова не чешется.

– Наверно, тебе поставили голову лучшего качества, – засмеялась Ясуко. – Я слышала, что ты пришел, но выходить с мокрой головой не стала – побоялась, что ты рассердишься.

– Стоит ли старухе заниматься мытьем головы? Остричься наголо, а из волос сделать кисточку для взбивания чая.

– И то правда. Но кисточки для взбивания чая – так это тогда и называлось – носили на голове не только старухи. В эпоху Эдо и мужчины и женщины коротко стригли волосы и увязывали их сзади пучком, похожим на кисточку для взбивания чая. Я видела в театре Кабуки.

– Не пучком увязать, а наголо остричь, вот что я тебе предлагаю.

– Можно и так. Волос у нас с тобой еще много. Синго понизил голос:

– Кикико уже совсем поднялась?

– Да, поднимается потихоньку... Уж очень она еще бледная и слабая.

– С ребенком возится. Лучше, наверно, не делать ей этого.

– Фусако Попросила присмотреть за девочкой и положила ее в постель Кикико. Девочка тогда крепко спала.

– А почему тебе было не взять ее?

– Когда Кунико заплакала, я как раз мыла голову.

Ясуко встала и принесла Синго домашнее кимоно.

– Ты так рано вернулся, я уж подумала, не заболел ли.

Кикико, кажется, вышла из ванной и направилась в свою комнату. Синго позвал ее:

– Кикико. Кикико.

– Да.

– Давай сюда Кунико. – Хорошо, сейчас.

Она вошла в комнату, ведя за руку девочку. Кикико успела привести себя в порядок и переодеться.

Кунико ухватила за плечо Ясуко. Ясуко, чистившая брюки Синго, протянула руку и обняла девочку за ножки.

Кикико унесла одежду Синго.

Повесив ее в шкаф, который стоял в соседней комнате, она тихо прикрыла дверцы. Увидев свое отражение в зеркале, вделанном в дверцу с внутренней стороны, Кикико испугалась. Она колебалась, не зная, вернуться ли ей в столовую или лечь в постель.

– Кикико, тебе, пожалуй, лучше лечь, – сказал Синго.

– Хорошо.

От оклика Синго Кикико вздрогнула. И, не заглянув в столовую, пошла в свою комнату.

– Тебе не кажется, что Кикико ведет себя как-то странно? – нахмурилась Ясуко.

Синго не ответил.

– Я просто ума не приложу, что с ней происходит. Встала, еле ходит, я все время боюсь, что она упадет.

– Угу.

– И все-таки надо как-то разобраться с делами Сюити.

Синго кивнул.

– Может, ты поговоришь откровенно с Кикико? Я возьму Кунико и пойду с ней встречать Фусако, заодно и на ужин куплю чего-нибудь. Фусако есть Фусако.

Ясуко взяла девочку на руки и поднялась.

– Зачем Фусако понадобилось идти на почту? – сказал Синго, и Ясуко обернулась.

– Я и сама об этом подумала. Может, чтобы отправить письмо Аихара? Уже полгода, как они расстались... Да, скоро уже полгода, как она вернулась к нам. Это случилось под Новый год.

– Опустить письмо могла бы и в ближайший почтовый ящик.

– Она, наверно, думает, что если опустить письмо на почте, оно дойдет быстрее и верней. Стоит ей вспомнить своего Аихара, она теряет рассудок – тут уж ничего не поделаешь.

Синго горько улыбнулся. Он почувствовал, что Ясуко все еще на что-то надеется.

Видимо, в женщине, которой удалось до старости сохранить семью, оптимизм укореняется глубоко.

Синго поднял газету четырех-пятидневной давности, которую до этого читала Ясуко, и стал просматривать.

Там была поразительная статья: «Лотос, который цвел две тысячи лет назад».

Весной прошлого года в лодке-долбленке периода Яёи¹⁷ найденной при раскопках на берегу реки Кэмигава у города Тиба, обнаружено три семени лотоса. Установлено, что семенам более двух тысяч лет. Профессор ботаники, специалист по лотосам, посеял эти семена и в апреле нынешнего года высадил в трех местах полученную рассаду: в прудах опытной сельскохозяйственной станции Тиба, в парке Тиба и в доме одного винодела на улице Хатамати в Тиба. Видимо, этот винодел помогал вести раскопки. Он налил в котелок воды, поместил туда рассаду и поставил его в сад. Лотос винодела расцвел первым. Профессор ботаники, которому сообщили об этом, примчался в дом винодела и стал гладить прекрасные цветы, без конца повторяя: «Расцвел, расцвел». Обо всем этом писала газета. Писала, что цветок состоит из двадцати четырех лепестков.

Под статьей была помещена фотография, на которой сидящий профессор в очках поддерживает руками распустившийся цветок лотоса. Из подписи под фотографией Синго узнал, что профессору шестьдесят девять лет.

Полюбовавшись цветущим лотосом, Синго с газетой в руках пошел в комнату Кикико.

Они-занимали ее вдвоем с Сюити. На письменном столе – приданом Кикико – лежала шляпа Сюити. Рядом со шляпой – стопка почтовой бумаги: видимо, Кикико собиралась писать письмо. Ящик стола прикрыт свисающей вышитой салфеткой.

Пахло духами.

– Ну как дела? Лежи спокойно и не вставай. – Синго сел к столу.

Кикико во все глаза смотрела на Синго. Ей было не по себе оттого, что Синго не разрешил ей встать, а лежать при нем было неудобно. Щеки у нее чуть порозовели. Но лоб оставался белым, и на нем красиво выделялись густые брови.

– Семена лотоса двухтысячелетней давности дали всходы, и лотосы расцвели, видела в газете?

– Да, видела.

– Значит, видела? – пробормотал Синго и после Небольшой паузы: – Будь ты с нами откровенна, хуже от этого не было бы – наоборот. Ты в тот же день вернулась домой, тебе это не повредило?

Кикико потрясли слова Синго.

– Еще в прошлом месяце ты говорила о ребенке... Я уже тогда все понял.

Кикико, лежа на подушке, покачала головой. – Тогда я еще ничего не знала. Если б знала, постыдилась бы говорить о ребенке.

– Вот как? Сюити сказал мне, что ты слишком целомудренна... – Увидев, что на глаза Кикико навернулись слезы, Синго не стал продолжать. – Врачу ты больше не должна показываться?

– Завтра зайду.

Назавтра, когда Синго вернулся домой, Ясуко уже с нетерпением ждала его.

– Кикико уехала к родителям. Ее уложили в постель... Часа в два позвонил Сакава-сан, к телефону подошла Фусако. Он сказал, что к ним приехала Кикико, чувствует себя не совсем хорошо, и ее уложили в постель. Дня через два-три поправится, говорит, и тогдае привезут обратно.

¹⁷ Яёи – один из древнейших периодов истории Японии (III-II вв. до н. э. – II-III вв. н. э.).

– Вот как.
– Попросил Фусако передать Сюити, что он может завтра приехать навестить ее. С ней там все время мать. Может, поэтому она и решила отлежаться у родителей.
– Ничего подобного.
– В чем же тогда дело?
Синго снял пиджак и, подняв голову, чтобы развязать, галстук, сказал:
– Сделала аборт.
– Что? – Ясуко была ошеломлена. – Как же это, тайком от нас... Кикико? Ужасная пошла молодежь.
– До чего же ты невнимательна, мама. – В столовую с Кунико на руках вошла Фусако. – Я, например, знала, что она это сделает.
– Откуда ты знала? – неожиданно для себя стал допрашивать ее Синго.
– Этого я не могу сказать. В общем, она решила на покое прийти в себя, окрепнуть. Синго не нашелся что ответить.

Городской парк

1

– Что за человек отец! – Фусако небрежно составляла на поднос посуду после ужина. – С родной дочерью разводит больше церемоний, чем с невесткой, человеком посторонним. Правда, мама?
– Фусако, – одернула ее Ясуко.
– Разве я не права? Если он считает, что шпинат переварен, так и надо было сказать, что переварен. Да и не разварился шпинат в месиво, а почти весь цел. Лучше бы ему есть шпинат, сваренный в горячем источнике.
– Как это в горячем источнике?
– Разве не варят в горячем источнике яйца, а на пару – пирожки с фасолью? Я же сама привозила тебе яйца, сваренные в воде из родонового источника. Белок у них крутой, а желток – жидкий... Я ведь тебе уже рассказывала, что в Киото, в одной дешевой закуской, их очень хорошо готовят.
– В дешевой закуской?
– Да, в Киото есть такая. Бедняки ее прекрасно знают. Там и шпинат готовят хорошо. Ясуко засмеялась.
– Так вот, если бы отец ел шпинат, сваренный по часам и при определенной температуре в воде из родонового источника, он был бы всегда бодр и здоров, даже если возле него не будет Кикико-сан, – совершенно серьезно сказала Фусако.
– Мне этот разговор неприятен. Очень уж ехидно ты обо всем судишь.
Фусако, напрягшись, с трудом подняла тяжелый поднос.
– Неужели еда становится невкусной только оттого, что с нами не изволят находиться красавец сын и красавица невестка?
Синго поднял голову и переглянулся с Ясуко.
– Перестань болтать.
– Вот так всегда. Ни слова при нем не скажи, не поплачь.
– Когда плачет ребенок, ничего не поделаешь, – пробормотал Синго, почти не раскрывая рта.
– Я не о ребенке говорю. О себе, – Фусако, пошатываясь от тяжести подноса, направилась в кухню. – Если плачет ребенок, это естественно.
Загрохотала сваленная в мойку посуда.
Ясуко встрепенулась.
Послышались сдавленные рыдания Фусако. Сатоко, взглянув исподлобья на Ясуко,

убежала на кухню.

Какой у нее тяжелый взгляд, подумал Синго. Ясуко тоже поднялась, взяла ползавшую рядом Кунико и посадила ее на колени Синго. – Присмотри за ней. И ушла на кухню.

Синго обнял Кунико – она была приятная, мягонькая, и он крепко прижал ее к себе. Взял за ножки. Обе ступни, маленькие и пухлые, целиком уместились в его ладони.

– Щекотно?

Кажется, девочка не понимала, что такое «щекотно».

Синго в этом не уверен, но ему помнится, что Фусако, еще совсем крошкой, когда ее клали голенькую, чтобы переодеть, и он слегка щекотал ее под мышками, морщила носик и махала ручками.

Синго старался не вспоминать о том, что Фусако и в детстве была некрасивой. Стоило ему вспомнить это, и перед его глазами возникало прекрасное лицо старшей сестры Ясуко.

Его надежда, что ребенок, прежде чем станет взрослым, еще много раз изменится, не оправдывалась, и с годами надежда притупилась.

Внучка, Сатоко, лицом как будто получше матери, так что не исключено, что уж Кунико вырастет совсем хорошенькой.

Может быть, облик сестры Ясуко воплотится в его внучках? От таких мыслей Синго стал сам себе противен.

Но как ни противен стал сам себе Синго, он размышлял: а вдруг старшая Сестра Ясуко воплотилась бы в неродившейся внучке, в ребенке, от которого избавилась Кикуко, вдруг ее девочка оказалась бы красавицей, какой еще не видел свет? Эта мысль сразила его.

Синго отпустил руку, сжимавшую детские ножки, Кунико сползла с его колен и заковыляла на кухню.

Она шла, выставив вперед согнутые руки, ноги у неё заплетались, и стоило Синго крикнуть ей «осторожно», как девочка тут же упала.

Она упала вперед, перевалилась на бок и немного погодя расплакалась.

Ясуко с Кунико на руках, а следом за ней и Сатоко, вцепившаяся в подол матери, вернулись в столовую.

– Отец теперь все время погружен в свои мысли. Правда, мама? – Фусако вытирала посуду. – Когда он вернулся домой и стал переодеваться, то и нижнее и верхнее кимоно запахло справа налево, подпоясался и даже не заметил, как он странно выглядит. Вид у него был действительно странный. Такого с ним, пожалуй, еще не случилось. Что с ним произошло? Не пойму.

– Нет, однажды уже было, – невозмутимо ответил Синго. – Кикуко тогда еще сказала, что на Рюкю запахиваются кто как хочет – и справа налево, и слева направо.

– На Рюкю? Что ты говоришь? Как же это можно? Фусако даже в лице изменилась.

– Чтобы тебя ублажить, Кикуко на любые уловки пойдет, а ты и доволен. На Рюкю! Надо же придумать такое.

Синго постарался предотвратить новую вспышку.

– «Дзюбан», как называют нижнее кимоно, – это заимствование из португальского языка. А как в Португалии запахивают его – слева направо или справа налево, я, например, не знаю.

– Это тоже ученость Кикуко-сан? В разговор вмешалась Ясуко:

– Летнее кимоно отец часто даже наизнанку надевает.

– Одно дело по рассеянности надеть наизнанку, другое – так глубоко задуматься, что запахнуться справа налево.

– Скажи Кунико, чтобы она сама надела кимоно. Она тоже не будет знать, как его правильно запахнуть – слева направо или справа налево.

– Отцу еще, по-моему, рано впадать в детство, – не унималась Фусако. – В общем, мама, все это довольно печально. Прошло лишь несколько дней, как любимая невестка вернулась к своим родителям, а отец уже запахивает кимоно справа налево. А его родная дочь, между прочим, вот уже полгода, как живет без мужа.

Действительно, с того дождливого предновогоднего дня, когда вернулась. Фусако,

прошло полгода. А зять, Аихара, молчит, и Синго с тех пор ни разу с ним не виделся.

– Да, полгода, – поддакнула Ясуко. – То, что случилось у Фусако, и то, что случилось у Кикуко, казалось бы, никак между собой не связано, и все же...

– Почему же никак не связано? Я думаю, и то и другое связано с отцом.

– Естественно, ведь речь идет о его детях, и ему бы, конечно, хотелось разрешить ваши трудности.

Фусако, опустив голову, промолчала.

– Фусако, если тебе хочется что-то сказать, говори все начистоту. Будь откровенна до конца. Тем более что Кикуко сейчас здесь нет.

– Я не собираюсь тебе выговаривать, может, я и неправа, но мне бы хотелось, чтоб ты ел без неудовольствия, хотя еду приготовила и не Кикуко-сан. – Фусако снова заплакала. – Посудите сами. Отец ест снедовольным лицом, не произнося ни звука. Мне послеэтого просто жить не хочется.

– Фусако, почему ты нам ничего не рассказываешь? Несколько дней назад ты ходила на почту. Отправляла письмо Аихара?

Фусако испуганно покачала головой.

– Больше тебе некому отправлять письма. И я подумала, что Аихара.

Ясуко говорила с несвойственной ей резкостью.

– Неужели деньги посылала? – сказала она, и Синго понял, что Ясуко тайком от него дает Фусако деньги на карманные расходы.

– Где сейчас Аихара? – Синго, ожидая ответа, повернулся к Фусако. – Дома его, кажется, нет. Примерно раз в месяц я посылаю к нему служащего из фирмы, чтобы выяснить, что у него там делается. Собственно, даже не столько для этого, сколько для того, чтобы передать его матери немного денег на жизнь. Ведь если бы ты, Фусако, жила там, то, естественно, заботилась бы о ней.

– Разумеется.

Ясуко резко спросила:

– Посылаешь служащего из фирмы?

– Не нужно лишних расспросов и разговоров. Человек верный, так что все в порядке. Если б Аихара был дома, я бы сам сходил к нему и поговорил. Придется встретиться со старухой, которая еле ноги волочит, – другого выхода нет.

– А что сейчас делает Аихара?

– Тайно торгует наркотиками, в общем, что-то вроде этого. Темная личность. Сначала пьянствовал беспробудно, а теперь еще и сам в наркомана превратился.

Ясуко испуганно посмотрела на Синго.

Ей стало страшно не столько за Аихара, сколько за мужа, который до сегодняшнего дня тщательно все это скрывал.

Синго продолжал:

– Однако и его мать, хоть и еле волочит ноги, тоже, кажется, не живет дома. Там какие-то посторонние люди. В общем, Фусако, у тебя больше нет дома.

– Где же в таком случае все ее вещи?

– Мама, и шкаф, и бельевая корзина пустые, – сказала Фусако.

– Да? Ты ведь приехала с одним-единственным фурсосики. Неужели все пошло прахом? Невероятно... – вздохнула Ясуко.

Синго подумал, что Фусако знает, где сейчас Аихара, и все еще надеется вернуться к нему.

Как же это случилось, что никто не мог удержать Аихара от падения – ни Фусако, ни Синго, ни сам Аихара? Синго посмотрел на темнеющий сад.

2

В десять часов, когда Синго приехал в фирму, его ждала записка от Хидэко Танидзаки:

«Заходила, чтобы встретиться с Вами и поговорить о молодой хозяйке. Зайду попозже».

Хидэко написала «молодая хозяйка», имея в виду, конечно, Кикуко.

Синго спросил у Нацуко Ивамура, секретарши, сменившей Хидэко:

– В котором часу приходила Танидзаки?

– Да-а я уже была здесь и как раз вытирала ваш стол – около восьми, наверно.

– Ждала?

– Да-а недолго.

Синго была неприятна привычка Нацуко без конца повторять свое тупое, тяжелое «да-а». Видимо, у нее в деревне так говорят.

– С Сюити она встречалась?

– Нет, думаю, ушла, не встретившись.

– Значит, так. Около восьми... – подумал вслух Синго.

Хидэко забежала к нему, наверно, перед работой и снова сможет зайти только в обеденный перерыв.

Еще раз посмотрев на мелкие иероглифы, которыми Хидэко исписала краешек большого листа бумаги, Синго выглянул в окно.

Даже для мая небо было слишком уж ясным.

Такое же небо Синго видел из электрички по дороге в Токио. Все пассажиры, смотревшие на небо, открыли окна.

Птицы над рекой Рокуногава сверкали серебром, на лету почти касаясь искрящейся воды. Не случайным казался и красный автобус – он ехал по мосту на север.

– Небесный тайфун. Небесный тайфун... – Синго задумчиво повторял эту строку из Рёкана, глядя на лес над озером.

– Ой! – Синго прильнул к окну.

Та сосна растет, видимо, не в лесу Икэгами. Гораздо ближе.

Двустволовая сосна, господствовавшая над лесом Икэгами, сегодня утром казалась ближе самого леса.

Точно определить расстояние до леса не удавалось, возможно, из-за того, что стояли пасмурные весенние дни.

Синго не отходил от окна, пытаясь сделать это сейчас.

Он ежедневно смотрел на сосну из окна вагона, и однажды ему даже захотелось подойти к ней и установить наконец, где же она растет на самом деле.

«Ежедневно смотрел», но ведь двустволую сосну он увидел-то совсем недавно. В течение многих лет он проезжал мимо, рассеянно скользя взглядом по лесу Икэгами, в котором стоит храм Хоммондзи, и не видел ничего, кроме сплошного леса.

И вот только сегодня Синго обнаружил, что сосна растет совсем не в этом лесу. Обнаружил благодаря тому, что утренний воздух в мае удивительно прозрачен.

Так он сделал новое открытие относительно двустволой сосны со склоненными друг к другу вершинами и обнявшимися ветвями.

Вчера, когда после ужина Синго рассказал, как он посылал человека к Аихара и пытался хоть немного помочь его старухе матери, Фусако вдруг вскочила на ноги и застыла, притихшая и покорная.

Синго стало жаль Фусако, и он подумал, что кое-что он все же узнал в ее доме, но то, что он узнал, было так же неясно, как неясно, где растет двустволовая сосна.

Сосна в Икэгами, – несколько дней назад, глядя на нее из окна вагона, Синго заставил Сюити признаться в том, что Кикуко сделала аборт.

Сосна перестала быть просто сосной, она стала связана с абортом Кикуко. И теперь всякий раз, когда он, отправляясь на работу и возвращаясь домой, будет смотреть на эту сосну, она будет напоминать ему о Кикуко.

Так было и сегодня.

В то утро, когда Сюити сделал ему свое признание, двустволовая сосна была еле различима в потоках дождя и казалась слитой с лесом Икэгами. Но сегодня сосна отделилась от леса и,

ассоциируюсь с абортом, приобрела, казалось, какой-то грязноватый оттенок. Может быть, оттого, что погода была слишком уж хорошая.

– Даже в погожий день человеку может быть плохо, – мрачно пробормотал Синго и, отведя взгляд от неба, видневшегося в окне его кабинета, принялся за работу.

Днем позвонила Хидэко. Сегодня она очень занята, – срочно шьет летний костюм, – и поэтому не может прийти.

– Значит, ты уже завалена работой?

– Да.

Хидэко немного помолчала.

– Ты звонишь из салона?

– Да. Кинуко-сан здесь нет, – прямо сказала она, назвав имя любовницы Сюити. – Я ждала, когда она уйдет.

– Хм.

– Алло. Я приду к вам завтра утром.

– Утром? Опять в восемь?

– Нет. Завтра я вас обязательно дождусь.

– Такое срочное дело?

– Да. Срочное дело, которое на первый взгляд может показаться и не таким уж срочным.

Но, по-моему, очень срочное. Хочу поскорее все рассказать вам. Я ужасно волнуюсь.

– Ты очень волнуешься? Это связано с Сюити?

– Расскажу при встрече.

Доверять особенно «волнению» Хидэко нельзя, но Синго обеспокоила ее готовность второй раз прийти к нему, чтобы о чем-то рассказать.

Беспокойство Синго все росло, и в три часа он позвонил Кикуко.

Пока прислуга звала ее, в трубке слышалась приятная музыка.

С тех пор как Кикуко уехала к родителям, он не заговаривал о ней с Сюити. Избегал этого и Сюити.

Навестить Кикуко в доме ее родителей Синго тоже не решался.

У Кикуко совсем не такой характер, чтобы рассказывать родным о Кинуко или об аборте, думал Синго. Но кто знает.

Сквозь приятную музыку в трубке послышался радостный возглас Кикуко:

– ...Отец! Отец, простите, что заставила вас ждать.

– Ничего. – Синго сразу успокоился. – Как ты себя чувствуешь?

– Сейчас уже хорошо. Простите, что я так поступила.

– Ничего.

Синго не знал, что бы еще сказать.

– Отец! – снова радостно воскликнула Кикуко. – Я хочу видеть вас. Можно, я приду к вам прямо сейчас?

– Прямо сейчас? А ты можешь?

– Могу. Я хочу поскорее с вами встретиться, тогда и домой мне будет не так стыдно вернуться. Ладно?

– Хорошо. Буду ждать тебя в фирме. Музыка продолжалась.

– Алло. – Синго не хотелось класть трубку. – Какая хорошая музыка.

– Ой, забыла выключить... Это – танец сильфид, Шопена. Когда буду возвращаться домой, возьму й собой эту пластинку.

– Так ты скоро приедешь?

– Скоро. Но встречаться с вами в фирме мне бы не очень хотелось. Я все думаю, где бы нам лучше увидеться.

Наконец Кикуко назначила ему свидание в городском парке Синдзюку.

Синго сначала поморщился, но потом рассмеялся. Видимо, Кикуко решила, что ей пришла в голову блестящая мысль.

– Вы там будто заново родитесь, отец, – в парке такая чудесная зелень.

- Как-то раз я побывал в этом парке – ходил на выставку собак.
- Я бы тоже с радостью пошла с вами посмотреть на собак, – засмеялась Кикико. В трубке все еще звучал танец сильфид.

3

Как Синго и договорился с Кикико, он вошел в городской парк через ворота Окидомон. Около входа висело объявление: плата за прокат детской коляски – тридцать иен в час; плата за прокат циновки – двадцать иен в день.

По дорожке шли американцы, муж с женой, он нес девочку, она вела на поводке немецкого пойнтера.

В парке были и другие посетители, но, кроме этой молодой американской пары, не было никого, кто бы так спокойно прогуливался по дорожке.

Синго пошел вслед за ними.

Слева от дорожки – густые заросли гималайского кедра, похожего на лиственницу. Когда Синго был однажды в этом парке на благотворительном приеме, устроенном обществом любителей животных, он уже видел мощные гималайские кедры, но сейчас он никак не мог припомнить, в каком месте они росли.

У деревьев справа от дорожки висела табличка: не то «туя», не то «декоративная сосна» – иероглифы были какие-то смазанные».

Синго решил, что он пришел первым, и медленно направился по дорожке, упиравшейся в пруд. На скамейке у самого берега спиной к дереву гинго сидела Кикико.

Она обернулась и, встав, поклонилась ему.

– Ты пришла раньше, чем мы договорились. До половины пятого еще целых пятнадцать минут, – посмотрел на часы Синго.

– Когда вы мне позвонили, я так обрадовалась, что сразу же выбежала из дому. Я просто передать не могу, как обрадовалась, – быстро заговорила Кикико.

– Вот видишь, тебе пришлось ждать. Ты не слишком легко одета?

– Пожалуй. Этот свитер – он сохранился еще с тех пор, как я была студенткой, – смутилась Кикико. – Дома у родителей совсем ничего не осталось из моей одежды. Если бы сестра не одолжила свое кимоно, то я, наверно, и прийти бы не смогла, сегодня прохладно.

Кикико – самая младшая из восьми сестер и братьев, все сестры вышли замуж и живут отдельно, – значит, говоря о сестре, она, наверно, имела в виду жену брата.

Темно-зеленый свитер был с короткими рукавами, и Синго впервые в этом году увидел обнаженные руки Кикико.

Оттого, что Кикико убежала к родителям, она держалась несколько скованно, и Синго стало жаль ее.

Не зная, как начать разговор, Синго сказал приветливо:

– Ты вернешься к нам в Камакура?

– Да. – Кикико кивнула. – Я бы хотела вернуться.

Она повела плечами и посмотрела на Синго. Синго не заметил, как она повела плечами, его поразил аромат, исходивший от Кикико.

– Сюити навещал тебя?

– Да. Но если бы вы мне не позвонили...

То ей трудно было бы вернуться, – наверно, это она имеет в виду?

Кикико запнулась и нырнула в заросли гинго.

До грузности сочная зелень, казалось, обрушивается на ее тонкую шею.

На маленьком островке посреди пруда – это был чисто японский пейзаж – забавлялся с проституткой американский солдат. На скамейке у пруда сидела молодая парочка.

Следуя за Кикико, Синго вышел к лужайке, справа от пруда.

– Какая большая, – удивился он.

– Вы здесь будто заново родитесь, отец. – Кикико видимо, гордилась, что привела сюда

Синго.

Но Синго, остановившись у мушмулы, которая росла у самой тропинки, не решался ступить на сочную траву лужайки.

– Какая прекрасная мушмула. Ее никто не тревожит, и она свободно раскинула даже нижние свои ветки.

Синго был восхищен тем, как свободно и естественно росло дерево.

– Чудесная форма. Когда я однажды, – давно это было, – пришел сюда посмотреть на собак, меня просто потрясли огромные гималайские кедры с широко раскинутыми ветвями. Интересно, в какой части сада это было.

– Ближе к Синдзюку.

– Совершенно верно, я, кажется, действительно входил со стороны Синдзюку.

– Вы мне уже говорили по телефону, что ходили сюда смотреть на собак, да?

– Да. Собак было не так уж много, это был благотворительный прием в парке, устроенный обществом охраны животных. Японцев пришло мало, зато иностранцев – очень много. Служащие оккупационных войск, дипломаты – целыми семьями. Было лето. Индийские девушки в красных и светло-голубых шелках были удивительно красивы. На каждом шагу киоски с американскими и индийскими товарами. В то время такая редкость.

Это было всего несколько лет назад, но Синго не мог вспомнить точно, в каком году.

Разговаривая, Синго внимательно осматривал мушмулу.

– Надо будет выкорчевать аралию, которая глушит нашу вишню. Когда вернешься домой, непременно напомни мне, ладно?

– Непременно.

– Я люблю нашу вишню за то, что у нее не подрезаны ветки.

– Конечно, чем больше веток, тем больше цветов... Помните, в прошлом месяце, как раз когда зацвела вишня, мы с вами слушали храмовые колокола – было семисотлетие буддийской столицы.

– Неужели ты помнишь?

– Я никогда, никогда в жизни этого не забуду. И еще мы слушали крик коршуна.

Кикуко вплотную подошла к Синго, и, пригнувшись под ветвями могучей дзелквы, они вышли на огромный газон.

У Синго забилось сердце, когда он увидел бескрайний, уходивший вдаль зеленый ковер.

– Какое раздолье. Даже представить себе невозможно, что мы в Японии, да еще в самом центре Токио. – Синго смотрел на огромный зеленый газон, расстилавшийся в сторону Синдзюку.

– Видимо, позаботились о висте, она необычайно глубока.

– А что такое виста?

– Это перспектива. Посмотрите, какими мягкими изгибами уходит вдаль зелень и петляющая среди нее дорожка.

Кикуко рассказала, что однажды после уроков они пришли сюда всем классом, и учитель им все объяснил. Он сказал, что этот огромный газон, на котором беспорядочно росли вековые деревья, распланирован на английский манер.

На газоне видны были сплошь молодые парочки. Одни лежали, другие сидели, некоторые прогуливались. Кое-где виднелись группы студенток по пять-шесть человек и дети. Рай для влюбленных, подумал пораженный Синго и почувствовал, что ему делать здесь нечего.

Может быть, молодежь ведет себя так свободно потому, что находится в свободном парке, который уже не принадлежит императорскому дому.

Хотя Синго и вышел на газон вместе с Кикуко и теперь они проходили мимо парочек, назначивших здесь свидание, никто не обратил на них ни малейшего внимания. Синго старательно обходил их.

Интересно, о чем думает сейчас Кикуко. Старый свекор пришел с невесткой в парк, – казалось бы, ничего особенного, но для Синго это было непривычно.

Когда Кикико по телефону договаривалась с ним о встрече в парке Синдзюку, Синго не придавал этому никакого значения, но сейчас предложение Кикико казалось ему странным.

На газоне несколько Огромных деревьев возвышалось над всеми остальными, и Синго, привлеченный их мощью, направился к одному из них.

Приближаясь к могучему дереву и неотрывно глядя на него, Синго почувствовал, как оно вливает в него сочность и мощь своей зелени, как природа смывает уныние с него и с Кикико. «Вы там будто заново родитесь, отец», – как она права, подумал Синго.

Это было тюльпанное дерево. Подойдя ближе, Синго увидел, что перед ним целых три дерева, хотя издали они казались одним. Цветы их похожи на лилии. Похожи они и на тюльпаны, отчего дерево и называют тюльпанным, – так было написано на табличке. Родина – Северная Америка, растет быстро, возраст – около пятидесяти лет.

– Неужели только пятьдесят? Значит, моложе меня, – удивленно смотрел на дерево Синго.

Покрытые большими листьями ветви раскинулись так широко, что свободно могли укрыть двух человек.

Синго опустился на скамейку, но ему не сиделось. Кикико даже удивилась, что Синго так быстро встал.

– Пойдем к тем цветам, – сказал Синго. Вдалеке, на другой стороне газона, ярким пятном выделялись белые цветы, – возможно, это была клумба, – достигавшие высоты склоненных веток тюльпанного дерева. Когда они пересекли газон, Синго сказал:

– В этом парке устраивали торжественную встречу генералам – героям русско-японской войны. Мне тогда не было и двадцати. И я еще жил в деревне.

По обеим сторонам клумбы в ряд стояли деревья, Синго сел на скамейку между ними. Кикико осталась стоять.

– Я вернусь завтра утром. Попросите маму, чтобы не ругала меня... – С этими словами Кикико села рядом с Синго.

– Если хочешь мне что-нибудь сказать до того, как вернешься домой...

– Вам, отец? Мне о многом хотелось бы поговорить с вами.

4

На следующее утро Синго проснулся в хорошем настроении, но ему пришлось уйти из дому до того, как вернулась Кикико.

– Она просила, чтобы ты не ругала ее, – сказал он Ясуко.

– Не ругала? Да я сама должна перед ней извиниться. – У Ясуко просветлело лицо.

Синго сказал лишь, что разговаривал с Кикико по телефону.

– Кикико всегда прислушивается к твоему мнению.

Ясуко вышла в переднюю проводить Синго.

– Ну ладно. Всего хорошего.

Не успел Синго приехать в фирму, как пришла Хидэко.

– О-о, да ты похорошела. И даже цветы принесла? – приветливо встретил ее Синго.

– В салон я все равно уже опоздала, и у меня было много времени, поэтому я шла по улице не спеша. А цветочница оказалась мне такой симпатичной.

Хидэко с серьезным лицом подошла к Синго и написала пальцем на столе: «Без свидетелей».

– Что?

Синго даже растерялся.

– Выйди, пожалуйста, ненадолго, – сказал он Нацуко.

Пока Нацуко выходила из комнаты, Хидэко нашла цветочную вазу и поставила в нее три розы. Платье, видимо, форменное для девушек из салона, немного полнило Хидэко.

– Простите, что вчера не дождалась вас. – Губы у Хидэко были странно напряжены. – Два дня подряд вас беспокою, и...

- Ну что ты. Садись.
- Благодарю. – Хидэко села и потупилась.
- Сегодня ты из-за меня опоздаешь?
- Да. Ничего не поделаешь.

Хидэко подняла голову и посмотрела на Синго – она прерывисто дышала, вот-вот расплчется.

– Можно рассказывать? Я ужасно возмущена и поэтому, наверно, так волнуюсь.

– Ну?

– Это касается молодой хозяйки. – Хидэко запнулась. – Она, видимо, прервала беременность.

Синго промолчал.

Откуда это известно Хидэко? Сюити вряд ли разболтал. Но ведь любовница Сюити работает в одном салоне с Хидэко. Синго забеспокоился.

– То, что она прервала беременность, это еще полбеды... – Хидэко снова запнулась.

– Кто тебе об этом сказал?

– Деньги на врача Сюити-сан взял у Кинуко-сан. У Синго сжалось сердце.

– Мне это показалось кощунством. Такой поступок очень оскорбителен для женщины. Сюити-сан совсем бесчувственный. И мне стало так жалко молодую хозяйку, так жалко. Сюити-сан, наверно, дает деньги Кинуко-сан и поэтому считает их как бы своими, но все равно это очень непорядочно. Сюити-сан просто ни с кем не считается. Ведь такие деньги он мог бы достать где угодно. Разве это хорошо – ни с кем не считаться?

Хидэко с трудом сдерживала дрожь.

– Кинуко-сан тоже хороша – безропотно отдала ему деньги. Я ее совсем не понимаю. Я злюсь на нее, все это мне ужасно противно, я даже хочу уйти из салона, чтобы не видеть ее. Вот почему я и пришла поговорить с вами. Я понимаю, что не должна была надоедать вам своими пустыми разговорами, но...

– Наоборот, я благодарен тебе.

– Вы ко мне так хорошо относились, когда я у вас работала, и молодая хозяйка, хоть я ее видела мельком, очень понравилась мне, вот я и решила все рассказать вам.

Глаза Хидэко, полные слез, блестели.

– Сделайте так, чтобы они расстались.

– Хм.

Она имела в виду, разумеется, Кинуко, но Синго в ее словах слышалось другое: сделайте так, чтобы Сюити и Кинуко расстались.

Так он был потрясен и растерян.

Синго поразило бездушие, нравственное падение Сюити, ему казалось, что и он, Синго, погружается в су же трясины. Его охватил страх.

Хидэко сказала все, что хотела, и собралась уходить.

– Подожди, – стал вяло удерживать ее Синго.

– Я к вам еще забегу. А сегодня лучше уйду, мне так стыдно, так хочется плакать.

Синго почувствовал, какая Хидэко добрая и чистая девушка.

Раньше он возмущался черствостью Хидэко, поступившей по рекомендации Кинуко в салон, где та работала, но насколько Сюити, да и он сам, черствее Хидэко.

Синго растерянно смотрел на пунцовые розы, оставленные Хидэко.

Кинуко слишком целомудренна, чтобы родить ребенка от Сюити, у которого есть женщина, но не оказалось ли целомудрие Кинуко растоптанным?

Синго невольно закрыл глаза, представив себе, что сейчас, в эту самую минуту, Кинуко, ничего не подозревая, возвращается в их камакурский дом.

След от раны

В воскресенье утром Синго стал спиливать аралию, разросшуюся у ствола вишни.

Если не подкопать корни, аралию все равно не выкорчевать, думал Синго и бормотал про себя:

– Ничего, как только появятся новые побеги, сразу же срежу.

Он уже не раз спиливал аралию, а она разрасталась все гуще. Но Синго никогда не любил корчевания. Да и сил на это у него уже не хватало.

Спиливать побеги аралии не составляло никакого труда, но их было так много, что Синго даже вспотел.

– Давай я тебе помогу, – подошел к нему Сюити.

– Не надо, – сухо сказал Синго. Сюити продолжал стоять.

– Меня послала Кикико. Отец, сказала она, спиливает аралию, пойдй помоги ему.

– Вот как. Ничего, мне осталось немного...

Синго сел на кучу спиленных веток и посмотрел в сторону дома – на веранде, прильнув к стеклянной двери, стояла Кикико. На ней было яркое оби.

Сюити взял с колен отца пилу.

– Срезать все подряд?

– Да.

Синго смотрел, как ловко работает Сюити. На землю легли последние побеги аралии. – Эти тоже спиливать? – обернулся Сюити.

– Нет, нет. Подожди. – Синго поднялся. Рядом росло несколько молодых вишенок. Видимо, они идут от корня главного ствола, – значит, это просто ветки, а не самостоятельные деревца, подумал он.

У подножия толстого ствола тоже росли короткие ветки, покрытые листьями. Синго отошел на несколько шагов.

– Пожалуй, вот эти ветки, которые не от ствола, а из земли растут, лучше бы срезать, – сказал он.

– Ты думаешь?

Сюити все не решался спилить деревца вишни. Мнение Синго не казалось ему разумным. В сад вышла Кикико. Сюити показал пилой на молодые деревца вишни.

– Отец никак не решит, что с ними делать – спиливать или нет, – засмеялся он.

– По-моему, лучше спилить, – не задумываясь, ответила Кикико.

Синго обернулся к Кикико.

– Никак не могу разобрать – ветки это или нет.

– Такого не бывает, чтобы ветки росли из земли.

– Как же называются ветки, которые идут от корня? – засмеялся Синго.

Синго начал молча спиливать молодые вишенки.

– А вот ветки на вишне, я думаю, нужно оставить, пусть растут свободно и привольно. Аралию я срезал именно потому, что она мешала им, – сказал Синго. – Да, нужно оставить небольшие ветки у подножия ствола.

Кикико посмотрела на Синго.

– На этих нежных веточках, похожих на палочки для еды или на зубочистки, цвели такие прелестные цветы.

– Просто не верится. Неужели даже цветы на них были? Я и не заметил.

– Были. На каждой веточке по два-три цветка и даже на совсем крохотных, с зубочистку, – по цветку.

– Интересно.

– Веточки, конечно, вырастут, но пока эти нежные веточки станут такими же мощными, как нижние ветви на той мушмуле в парке Синдзюку, я стану старухой.

– Ну что-ты. Вишня растет быстро, – сказал Синго и посмотрел в глаза Кикико.

Синго не рассказал ни жене, ни Сюити, что ходил с Кикико в парк Синдзюку.

Неужели Кикико, не успев вернуться домой, сразу же разоткровенничалась с мужем? Нет, она не разоткровенничалась, а скорее всего, не придавая этому никакого значения, просто рассказала ему обо всем.

Сюити, видимо, трудно было произнести: «Значит, вы с Кикико встречались в парке Синдзюку», – и, наверно, сказать об этом первым должен был Синго. Но оба промолчали. Что-то мешало обоим. Может быть, то, что Сюити, зная обо всем от Кикико, сделал вид, что ему ничего не известно.

Во всяком случае, Кикико не подавала знака, чтобы он молчал.

Синго смотрел на крохотные ветки на стволе вишни. Он рисовал в своем воображении, как эти слабенькие, непонятно откуда появившиеся, едва наметившиеся молодые побеги раскинутся мощно и широко – не хуже, чем нижние ветви деревьев в парке Синдзюку. Это, конечно, изумительное зрелище, когда дерево привольно, чуть ли не до земли, раскидывает ветви, обильно усыпанные цветами, но на вишне таких веток он не видел ни разу в жизни. Он не припоминает даже, чтобы он видел когда-нибудь огромные вишневые деревья, на стволе которых ветви растут от самой земли.

– Куда отнести спиленные ветки? – спросил Сюита.

– Сложи где-нибудь в дальнем углу.

Сюити сгреб их в охапку и понес – за ним, подобрав несколько веток, пошла Кикико.

– Не надо, Кикико... Тебе нельзя, – заботливо сказал Сюити.

Кикико кивнула и, положив обратно ветки аралии, осталась на месте.

Синго вошел в дом.

– Зачем Кикико пошла в сад, что она там делает? – Ясуко, чинившая старую сетку от moskitov, чтобы укрывать ею младшую девочку во время дневного сна, сняла очки. – В воскресенье они оба в саду – такого еще не бывало. С тех пор как Кикико вернулась, они, по моему, в хороших отношениях. Удивительно.

– Все-таки Кикико невеселая, – пробормотал Синго.

– Нет, нельзя сказать, что она все время грустит, – сказала Ясуко решительно. – Кикико ведь очень улыбчива, у нее уже давно не было таких веселых глаз. Когда я вижу улыбающееся лицо Кикико, теперь, правда, похудевшее, я...

– Хм.

– Может, и Сюити станет теперь возвращаться домой пораньше и по воскресеньям не будет никуда уходить; как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Синго сидел молча.

В комнату вошли Сюити и Кикико.

– Отец, Сатоко сорвала молодые побеги вишни, которые ты так оберегал. – С этими словами Сюити протянул Синго крохотные веточки. – Я думал, Сатоко интересно и она тоже ломает аралию, а она, оказывается, срывала побеги вишни.

– Вот так-то. Ветки, сорванные ребенком, – сказал Синго.

Кикико стояла, наполовину спрятавшись за спиной Сюити.

2

Когда Кикико вернулась домой, Синго получил от нее в подарок электрическую бритву. Ясуко – пояс для кимоно, Фусако – детские кимоно для Сатоко и Кунико.

– Сюити она что-нибудь подарила? – спросил Синго у Ясуко.

– Складной зонт. И еще, кажется, купила ему американскую гребенку. С зеркальцем на футляре... Дарить гребенку – плохая примета, но Кикико, видимо, не знает этого.

– Американскую можно.

– Кикико и себе купила такую же. Только другого цвета и поменьше. Фусако увидела и начала: «Какая хорошенькая», – и Кикико сразу же подарила ей. Кикико возвратилась домой после ссоры, и ей, наверно, хотелось, чтобы у нее и Сюити были одинаковые гребенки. Фусако не должна была выпрашивать. У Кикико ведь только одна была, какая Фусако неделикатная. –

Ясуко была недовольна дочерью. – Кимоно для Сатоко и Кунико – из прекрасного шелка, нарядные, праздничные. Правда, самой Фусако подарка не было, но ведь ее дети получили, значит, и она получила. И еще забирает гребенку, – конечно, Кикуко подумала, что поступила плохо, ничего не купив Фусако. Да и вообще, после того, что произошло, Кикуко вполне могла возвратиться без подарков.

– Конечно.

Синго был согласен с Ясуко, и еще им владело уныние, причины которого Ясуко были неведомы.

Чтобы купить подарки, Кикуко пришлось ввести в расход своих родителей. Чтобы сделать жене аборт, Сюити пришлось взять деньги у Кинуко. Значит, можно предположить, что и Сюити и Кикуко сидят без денег. Кикуко обратилась к Сюити лишь затем, чтобы он оплатил врача, а деньги на подарки попросила у родителей – это несомненно.

Теперь Синго пожалел, что уже давно перестал давать Кикуко деньги на карманные расходы. Не то чтобы он и раньше не думал об этом, просто ему было неприятно тайком давать ей деньги, словно бы за то, что она хорошо к нему относится, хотя с Сюити у них такие отношения, что впору развестись. Но, с другой стороны, видеть, в каком положении находится Кикуко, и ничем ей не помочь – не значит ли это поступить так же, как Фусако, отобравшая у нее гребенку?

Кикуко, оказавшаяся без денег из-за того, что ее муж ведет разгульную жизнь, вынуждена была просить деньги у отца. Но если бы Синго был более чуток, Кикуко не выпал бы на долю еще и такой позор – сделать аборт на деньги любовницы мужа.

– Мне было бы приятнее, если бы она не привозила никаких подарков, – размышляла вслух Ясуко. – Все вместе стоило ей довольно дорого. Как ты думаешь, сколько?

– Действительно, сколько? Синго попытался подсчитать в уме:

– Сколько стоит бритва – понятия не имею. Я такой хорошей еще ни разу не видел.

– Ну да, разумеется, – кивнула Ясуко. – Даже если б ты просто выиграл ее в лотерее, и то она показалась бы тебе великолепной. А тем более ты получил ее от Кикуко. Она что – шумит, крутится?

– Никакие колесики не крутятся.

– Как не крутятся? Крутятся, конечно. Если бы не крутились, она бы не брила.

– Нет, сколько ни рассматривал, колесики не крутятся.

– Что ты говоришь? – Ясуко ухмыльнулась.

– Для тебя она бесценна хотя бы потому, что ты радуешься ей, как ребенок. Каждое утро уу-уу, жжи-жжи. Выглаживаешь подбородок, когда завтрак уже давно готов, – и сам доволен, и Кикуко не нарадуется, глядя на тебя. Это, конечно, очень приятно, но...

– Так уж и быть, дам тебе тоже разок побриться, – засмеялся Синго. Ясуко укоризненно покачала головой.

В день, когда Кикуко вернулась домой, Синго пришел из фирмы вместе с Сюити, и в тот вечер в столовой подарок Кикуко – электрическая бритва – пользовался всеобщим вниманием.

Бритва и остальные подарки разрядили напряженную атмосферу, заменили, так сказать, первое приветствие; когда Кикуко, уехавшая вдруг, без предупреждения, к своим родителям, вернулась в семью Сюити, по вине которого она сделала аборт.

Даже Фусако обрадовалась – надела на девочек кимоно, похвалила вышивку вокруг ворота и рукавов, а Синго, прочитав инструкцию, сразу же стал бриться.

Вся семья внимательно следила за тем, что делает Синго: ну как, мол?

Синго, зажав в одной руке бритву и вода ею по подбородку, а из другой не выпуская инструкцию, сказал:

– Написано, что и женщины могут легко подбривать себе волосы на затылке.

И посмотрел на Кикуко.

У Кикуко очень красиво росли волосы над ушами и лбом. Синго раньше не обращал на это внимания. А ведь линия волос была и правда удивительно изящна.

Нежная кожа и густые блестящие волосы создавали ощущение чистоты.

Обычно бледное лицо Кикико чуть порозовело, радостно заблестели глаза.

– Отец получил прекрасную игрушку, – сказала Ясуко.

– Какая же это игрушка? Продукт цивилизации. Точный прибор. На нем даже выбит номер, указано, кто изготовил, проверил, собрал, стоит фамилия ответственного.

Синго в прекрасном расположении духа водил бритвой по волосу и против волоса.

– Раздражения никакого, бреет чисто, ни мыла, ни воды не нужно, – сказала Кикико.

– Конечно. У старого человека лезвие обычной бритвы то и дело задевает морщины. Так что и тебе электрическая бритва не помешает. – Синго протянул ее Ясуко.

Ясуко, противясь, отпрянула назад.

– Зачем, у меня же нет бороды.

Синго внимательно рассматривал колесики бритвы, потом надел очки и еще раз тщательно осмотрел их.

– Нет, колесики не крутятся – как же все-таки она бреет? Мотор крутится, а колесики стоят на месте.

– Покажи-ка.

Синго передал бритву Ясуко.

– И правда. Колесики в самом деле стоят на месте. Хотя и в пылесосе тоже ничего не крутится. Но пыль-то он все равно втягивает.

– Непонятно еще, куда деваются срезанные волосы, – сказал Синго, и Кикико, потупившись, рассмеялась.

– Такую бритву тебе подарили! За это мог бы купить пылесос. Или стиральную машину. Для Кикико это было бы большим подспорьем.

– Пожалуй, – ответил Синго.

– У нас в доме нет ни одного из этих продуктов цивилизации. Возьми тот же холодильник, сколько лет все обещаешь, – куплю, куплю, а мы до сих пор без него. Или, например, тостер! готов тост – раз, и выскакивает, и тостер сам выключается, разве не удобно?

– Бабкина идея домашней электрификации.

– Сделал бы хоть для Кикико, ты ведь любишь ее, а чтобы слово сдержать – где там.

Синго наконец выключил бритву. В футляре лежало две щеточки, одна вроде маленькой зубочистки, другая крохотный ершик, как для мытья бутылок. Синго испробовал обе. Щеточкой, похожей на ершик, он прочистил прорези колесиков и, посмотрев случайно вниз, увидел на коленях седые волосы, высыпавшиеся из бритвы. Раньше он не заметил их – потому, видимо, что они седые.

Синго тщательно стряхнул волоски с колен.

3

Синго сразу же купил пылесос.

Его иногда даже забавляло, как по утрам, еще до завтрака, сливаются завывание пылесоса и жужжание электрической бритвы.

Эти звуки принесли в дом что-то новое.

Пылесос поразил воображение Сатоко, и она неотступно следовала за Кикико, когда та убирала дом.

Может быть, благодаря электрической бритве Синго увидел сон о бороде.

Во сне он был не действующим лицом, а зрителем. Но поскольку это был сон, четко отделить действующее лицо от зрителя было невозможно. К тому же события происходили в Америке, где он ни разу в жизни не был. Синго подумал потом, что Америка появилась во сне, наверно, из-за американской гребенки, которую Кикико купила в подарок Сюити.

В его сне Америка оказалась разделенной на штаты, где живут, например, одни англичане или где живут одни испанцы. И, следовательно, цвет бороды зависит от штата. Проснувшись, Синго уже не помнил, как различались по цвету и форме бороды, но во сне он точно определял бороды, характерные для каждого штата, то есть для каждой расы. В одном

из штатов, – название он забыл, когда проснулся, – появился человек, в бороде которого сочетались особенности бород всех рас всех штатов. Причем в бороде этого человека не просто смешались волосы разных рас, нет, она состояла из разных видов бород – кусок французской, кусок индейской... Таким образом, борода этого человека состояла из прядей, принадлежавших всем расам всех штатов Америки.

Американское правительство объявило бороду этого человека национальной реликвией. И поскольку его борода была объявлена национальной реликвией, он не имел права не только стричь ее самовольно, но даже просто расчесывать.

Таков был сон. Синго отчетливо видел разношерстную бороду этого человека и воспринимал ее как свою собственную. Гордость и в то же время растерянность бородача передались Синго.

Сюжета почти никакого не было – просто сон, в котором Синго видел бородача.

Борода была, разумеется, длинная. Каждое утро Синго дочиста выбривался, возможно, поэтому ему и приснился сон о бесконечно длинной бороде, и все-таки было странно, почему вдруг эту бороду объявили национальной реликвией.

Любопытный сон, радовался Синго, утром обязательно расскажу – и опять уснул под шум дождя, но вскоре проснулся: ему снова приснился сон, ужасный сон.

Синго гладил чью-то висящую, заостряющуюся книзу грудь. Грудь была мягкая, бесчувственная. Она не напряглась – значит, женщина никак не отзывалась на прикосновения Синго. Это было неприятно.

Синго гладил грудь женщины, но не знал, кто она. И не только не знал, но и не задумывался, что это за женщина. Сначала у нее не было ни лица, ни тела – только две груди, колыхавшиеся в пустоте. Но потом, когда он подумал, кто бы это мог быть, пустота превратилась в младшую сестру одного из товарищей Сюити. Однако это не вызвало у Синго ни стыда, ни возбуждения. Он, правда, не мог с уверенностью сказать, что это та самая девушка, облик был расплывчат. Грудь еще не рожавшей женщины, но Синго не был уверен, что она не знала мужчины. Он был потрясен, когда вдруг увидел следы ее невинности на своих пальцах. Что же теперь делать, подумал он и решил – не так уж все это страшно.

– Скажу, что она была спортсменкой, – прошептал Синго.

Словно испугавшись этих слов, сон рассыпался.

– Фу, как противно. – Синго вдруг вспомнил, что это были предсмертные слова Мори Огай¹⁸. Он прочитал их как-то в газете.

Очнувшись от отвратительного сна и сразу же вспомнив предсмертные слова Мори Огай, Синго связал их со словами, произнесенными им во сне, и понял – это была попытка самооправдания.

Во сне Синго не испытал ни любви, ни радости. Непристойный сон, непристойные воспоминания. Как это противно, ужасно противно. Тягостное пробуждение.

Во сне Синго не обесчестил девушку, но, возможно, собирался обесчестить. И даже если бы он, трепеща от вождления и страха, обесчестил ее, что бы изменилось? Проснувшись, он продолжал бы влачить свое жалкое существование.

Синго вспоминал непристойные сны, которые он видел в последние годы, – в них он всегда имел дело с вульгарными женщинами. Такой же была и девушка сегодня ночью. Может быть, он даже во сне боится нравственных мук за прелюбодеяние.

Синго вспомнил младшую сестру товарища Сюити. До того как в их дом пришла невесткой Кикику, Сюити несколько раз встречался с ней и собирался даже сделать ей предложение.

– Ой! – Синго точно громом поразило.

Не Кикику ли обратилась в эту девушку из сна? Не приняла ли Кикику облик младшей сестры товарища Сюити потому, что даже во сне Синго свято хранил нравственность? И не

¹⁸ Мори Огай (4862—1922) – известный японский писатель.

исключено, что и эту девушку, заменившую Кикуко, он заменил еще более вульгарной девицей, чтобы скрыть свою безнравственность, чтобы избежать мук совести.

Если бы можно было во всем потакать своим желаниям, если бы можно было построить жизнь так, как ему хотелось, то разве бы не стремился он к одному – вечно любить Кикуко, Кикуко-девушку, Кикуко, которая еще не стала женой Сюити?

И эта его сокровенная мечта, подавленная, изуродованная до неузнаваемости, появилась во сне как что-то жалкое и непристойное. Наверно, и во сне Синго не давал этой мечте вырваться наружу, обманывал себя. Он выбрал девушку, которой собирался сделать предложение Сюити до Кикуко, и к тому же видел ее как в тумане только потому, что до крайности боялся, чтобы женщиной из сна не оказалась Кикуко.

Позже, вспоминая о своем сне, Синго задавал себе вопрос: не потому ли так быстро потускнела женщина из сна, так быстро потускнела нить сна и он ничего не запомнил, не потому ли рука, гладившая грудь, не чувствовала никакой радости, что в то мгновение, когда он проснулся, одновременно проснулась и хитрость, погасившая сон?

– Это только сон. Борода, объявленная национальной реликвией, – сон. А в толкование снов я не верю. – Синго потер ладонью лицо.

Сон был тягостный, он сковал тело холодом, и Синго проснулся в липком поту.

После сна о бороде дождь, который до этого был едва слышен, порывами ветра обрушило на дом. Пробиваясь сквозь щели, вода залила даже циновки, устилавшие пол в комнатах. Судя по шуму, дождь переходил в бурю.

Синго вспомнил написанную тушью картину Кадзана Ватанабэ¹⁹, которую он видел несколько дней назад в доме своего приятеля. На ней был изображен ворон, сидящий на верхушке засохшего дерева, и называлась она «Мрачный ворон в рассветной мгле, майский дождь. Нобори».

Прочтя трехстишие, Синго, казалось, понял смысл картины и настроение Кадзана.

Ворон на верхушке высохшего дерева дожидается рассвета под дождем, на ветру. Бледной тушью художнику удалось передать сильный порывистый ветер, расшвыривающий потоки дождя. Синго забыл, как выглядело дерево, помнил только, что у него был толстый ствол и ветки обломаны. А вот облик ворона четко врезался ему в память. То ли оттого, что ворон только что спал, то ли оттого, что вымок на дожде, а скорее всего по обоим причинам он был весь взъерошенный. С длинным клювом. Сверху клюв иссиня-черный и казался еще толще, чем на самом деле. Глаза открыты, но ворон был совсем сонный, наверно, еще не окончательно проснулся. Пронзительные, пожалуй даже злые, глаза. Ворон казался огромным.

Синго знал только, что Кадзан был беден и покончил с собой, сделав харакири. Но Синго почувствовал вдруг настроение, охватившее некогда художника.

Приятель повесил картину, лишь сообразуясь с сезоном.

– Какой сильный, могучий ворон, – сказал ему Синго. – И неприятный.

– Почему же? Во время войны я часто видел этих птиц и каждый раз думал – какая мерзость. Мерзкий ворон. И все-таки в нем есть мощь и покой. Но знаешь, если делать харакири по той же причине, что и Кадзан, то сколько раз нам с тобой пришлось бы вспарывать себе живот. Таково уж наше время, – сказал приятель.

– Мы тоже ждали рассвета...

Синго был уверен, что и в эту дождливую ночь в гостиной его приятеля висит картина с вороном.

«Что, интересно, делают этой ночью наш коршун и наши вороны?» – думал Синго.

¹⁹ Кадзан Ватанабэ, настоящее имя Нобори (1793—1841)-ученый, политический деятель и художник. Обвиненный в нарушении закона о «закрытии страны», был посажен в тюрьму, где сделал себе харакири.

После второго сна Синго долго лежал с открытыми глазами, ожидая рассвета, но он не обладал ни характером, ни волей ворона Кадзана.

И все-таки как это печально, думал Синго, что непристойный сон, – не важно, кто была та женщина, Кикико или сестра товарища Сюити, – не заставил его сердце биться от вожделения.

Это было омерзительнее всякого прелюбодеяния. Какой-то старческий маразм.

Еще во время войны у Синго пропала потребность в близости с женщиной. Так продолжается до сих пор. И не потому, что он очень уж стар, – просто отвык. Война раздавила его, и он так до конца и не ожил. Война до предела сузила его представления о вещах, вогнала их в тесные рамки благоразумия.

Синго далее хотел спросить у кого-нибудь из приятелей, много ли еще таких стариков, их ровесников, но побоялся, что его немощь будет осмеяна.

Чем, собственно говоря, плохо любить Кикико хотя бы во сне? Неужели даже во сне этой любви нужно бояться, стыдиться? Неужели пристойнее любить Кикико наяву?

Так рассуждал сам с собой Синго.

Синго пришло на ум трехстишие Бусона: «Если старость забыла любовь – как это больно», – оно еще больше опустошило его.

Из-за того, что у Сюити появилась женщина, супружеские отношения между ним и Кикико приобрели новые грани. А после того, как Кикико сделала аборт, стали как-то теплее и мягче. В ночь, когда была та ужасная буря, Сюити нежнее, чем обычно, ласкал Кикико, а в ту ночь, когда Сюити пришел вдребезги пьяный, Кикико простила его легче, чем обычно.

В чем причина, в жалостливости Кикико или в ее глупости?

Способна ли сама Кикико осознать это? Или, может быть, Кикико, это чудо природы, бездумно и безропотно плывет по волнам жизни?

Решив не рожать, Кикико выразила Сюити протест; уехав к родителям, она еще раз выразила протест и в то же время обнаружила безмерную глубину своей тоски, но, вернувшись через несколько дней, она стала бесконечно нежна с Сюити, словно просила прощения за свой поступок, словно искала успокоения своим ранам.

Нельзя сказать, что Синго это было так уж приятно. Но он утешал себя: ничего, все к лучшему.

Синго стал даже думать, что, может быть, самое правильное – закрыть глаза на проблему Кикико и спокойно ждать, пока все разрешится само собой.

Хотя Сюити был сыном Синго, это не мешало Синго сомневаться: такая ли уж идеальная пара Сюити и Кикико, впрямь ли предназначены они друг другу судьбой, так ли уж крепко должна быть Кикико связана со своим мужем?

Стараясь не разбудить спавшую рядом Ясуко, Синго зажег ночник у изголовья, но разобрать на часах время не мог. Видимо, уже светает и вот-вот ударит шестичасовой колокол в храме.

Синго вспомнил колокол в парке Синдзюку.

Он возвещал, что парк закрывается.

– По-моему, это церковный колокол, – сказал Синго, обращаясь к Кикико. Ему показалось, что они идут в церковь по аллее парка в какой-то европейской стране. Представилось, что толпившиеся у выхода люди тоже направляются в церковь.

Синго поднялся, не выспавшись. Стараясь не смотреть на Кикико, Синго вышел из дому рано вместе с Сюити. Неожиданно Синго спросил:

– Ты убивал на войне людей?

– Странный вопрос. Те, кто попадал под пули моего пулемета, погибали, наверно. Но ведь, можно сказать, стрелял не я, а пулемет.

Сюити, поморщившись, отвернулся.

Прекратившийся было днем дождь лил потом всю ночь, и утром Токио был окутан туманом.

После приема в ресторане, устроенного фирмой, Синго усадили в последнюю машину, и

он оказался в довольно затруднительном положении провожатого гейш.

Две уже немолодые гейши уселись рядом с Синго, а три совсем юных примостились у них на коленях. Синго обнял девушку за талию и привлек к себе:

– Удобно?

– Не беспокойтесь. – Гейша невозмутимо сидела на коленях Синго. Она была года на четыре моложе Кикико.

Чтобы запомнить эту гейшу, запишу ее имя, когда сяду в электричку, подумал Синго, но потом что-то его отвлекло, и он забыл записать.

В дождь

1

В это утро первой читала газету Кикико. Почтовый ящик залило дождем, и Кикико, просушивая газету над газовой плитой, на которой варился рис, пролистывала ее.

Иногда Синго, просыпавшийся рано, сам вставал, шел за газетой и снова ложился в постель почитать, но, как правило, приносить из ящика утреннюю газету было обязанностью Кикико.

Обычно она просматривала ее, лишь проведив Синго и Сюити.

– Отец, отец, – тихо позвала Кикико.

– Что такое?

– Если вы уже проснулись, то...

– Что-нибудь случилось?

Что-то произошло, подумал Синго, услышав взволнованный голос Кикико, быстро поднялся и вышел к ней.

Кикико с газетой в руках стояла в коридоре.

– Что такое?

– В газете написано об Аихара-сан.

– Аихара забрали? В полицию?

– Нет.

Кикико, чуть подавшись вперед, подала ему газету.

– Ой, она еще сырая.

Синго неловко взял газету, – она была влажная и, выскользнув у него из рук, упала на пол.

Кикико быстро подняла ее, расправила и снова протянула Синго.

– Я и смотреть не хочу. Так что же случилось с Аихара?

– Пытался покончить с собой вместе с какой-то женщиной.

– Покончить с собой вместе с женщиной? Умер?

– Есть надежда спасти его, – во всяком случае, так здесь написано.

– Что ты говоришь! Постой-ка. – Синго отдал Кикико газету и направился к двери.

– Впрочем, Фусако. еще, наверно, спит. Она никуда из дому не выходила?

– Нет.

Ну конечно, вчера вечером Фусако была дома, а потом легла спать с детьми, да и не было у нее причины покончить с собой вместе с Аихара – в газете написано не о ней.

Синго пытался успокоиться, глядя, как дождь бьет в окно уборной. Капли дождя суетливо сбегали вниз по тонким длинным листьям деревьев, что росли на горе за домом.

– Ливень. Даже не похож на ласковый июньский дождь.

С этими словами Синго вошел в столовую и сел.

Он взял газету, но не успел раскрыть ее, как с носа стали сползать очки. Досадливо прищелкнув языком, Синго снял очки и начал яростно тереть нос и глаза. Какой-то он весь противно потный.

Пока он читал коротенькую заметку, очки все время сползали вниз.

Аихара и женщина решили вместе покончить с собой в гостинице на горячих водах Идзу при храме Рэндайди. Женщина сразу умерла. Ей двадцать пять – двадцать шесть лет, предположительно – официантка, личность не установлена. Мужчина, видимо, наркоман. Есть надежда спасти его. Поскольку мужчина постоянно употреблял наркотики и не оставил предсмертного письма, можно предположить, что он инсценировал самоубийство.

Синго подхватил очки, сползшие к самому кончику носа, и в сердцах чуть не швырнул их на пол.

То ли его взбесил поступок Аихара, то ли разозлили упрямо сползавшие очки – не разберешь.

С силой растирая лицо ладонью, он пошел умываться.

В газете местом жительства Аихара была названа Иокогама. Имя его жены, Фусако, не упоминалось.

В газетной заметке ничего не было сказано и о семье Синго.

Иокогама была указана, конечно, наобум, – видимо, настоящее местожительство Аихара не было установлено. Да и Фусако уже фактически не жена ему.

Синго сначала умылся и уж потом стал чистить зубы.

Только повышенная чувствительность Синго заставляла его терзаться, не находить себе покоя от мысли, что Фусако до сих пор считается женой Аихара.

– Вот и хорошо, время решило все, – пробормотал Синго.

Неужели время действительно само все решило, покуда он колебался, не зная, что предпринять?

Но неужели у Синго не было никаких средств помочь Аихара, пока он еще не пал так низко?

И еще совсем не известно, Фусако ли довела Аихара до гибели или Аихара довел Фусако до беды.

Если у одного из супругов такой характер, что он способен довести другого до беды и даже до гибели, значит, и у того такой же характер и он тоже способен довести другого до беды и даже до гибели.

Вернувшись в столовую и потягивая обжигающий чай, Синго сказал:

– Кикуко, ты, наверно, знаешь, что дней пять-шесть назад Аихара прислал по почте заявление о разводе?

– Да. И вы тогда еще рассердились...

– Совершенно верно, рассердился. И Фусако тоже сказала, что даже оскорбление должно иметь границы. Видимо, он все это предпринял перед смертью. Значит, готовился серьезно к самоубийству. И ни о каком притворстве не помышлял. А женщину он взял себе в спутницы.

Кикуко, сжавшись, молчала. На ней было шелковое полосатое кимоно.

– Пойди разбуди Сюити, – сказал Синго.

Глядя ей вслед, Синго подумал, – какой она кажется высокой – может быть, из-за полосатого кимоно?

– Неужели Аихара сделал это? – сказал Сюити, обращаясь к Синго, и взял у него из рук газету. – Заявление сестры о разводе уже отправлено?

– Пока еще нет.

– Что значит «пока»? – посмотрел на него Сюити. – Почему ты медлишь? Нужно сегодня же, как можно скорее, сделать это. Ведь если Аихара не спасут, ее заявление о разводе будет послано мертвецу.

– На чье имя записать детей? Аихара ничего о детях не говорит. А дети еще слишком малы и самостоятельно сделать выбор не могут.

Заявление о разводе, подписанное Фусако, лежало в портфеле Синго, и он уже несколько дней возил его из дому в фирму и обратно.

Синго время от времени посылал матери Аихара деньги. Этому же посыльному он собирался поручить отнести в районную управу заявление о разводе, но все откладывал со дня

на день.

– Дети уже у нас, пусть здесь и остаются, – бросил Сюити небрежно. – Наверно, и из полиции к нам придут?

– Это еще зачем?

– Чтобы найти людей, которые возьмут на себя заботы об Аихара, или еще зачем-нибудь.

– Может, и не придут. Для этого Аихара, наверно, и прислал заявление о разводе.

Резко отодвинув фусума, в комнату стремительно вошла Фусако в ночном кимоно.

Даже не заглянув в газету, она схватила ее, изорвала и бросила клочки на пол. Рвала она газету яростно и так резко швырнула обрывки, что они даже не разлетелись. Фусако стала неистово топтать ногами изорванную газету, а потом, обессилев, упала на пол.

– Кикуко, закрой фусума, – сказал Синго.

За открытой фусума были видны спящие дети. Фусако снова схватила куски газеты и стала иступленно рвать их.

Сюити и Кикуко молчали.

– Фусако, тебе не хотелось бы навестить Аихара? – сказал Синго.

– Ни за что!

Фусако приподнялась на локте и зло взглянула на Синго.

– За кого, отец, ты принимаешь свою дочь? За размазню? Тебя даже не возмутило, что с твоей дочерью так поступили. Ты лучше сам сходи проведать его и опозорься еще раз. Кто отдал меня этому человеку?

Кикуко ушла на кухню.

Синго был убежден, что Фусако все-таки должна пойти навестить Аихара, тогда разведенные снова соединятся, и жизнь их пойдет по-новому, – случается ведь и такое.

2

После этого газеты ничего не сообщали о том, спасли Аихара или он умер.

Судя по тому, что в районной управе приняли заявление о разводе, в записи актов гражданского состояния его смерть не значилась.

Если предположить, что Аихара умер, разве могли бы его похоронить как человека неопознанного? Вряд ли. У него ведь есть мать, хотя она и еле передвигается. И даже если бы она не увидела эту газету, кто-нибудь из знакомых непременно показал бы ей заметку об Аихара. Видимо, его спасли, полагал Синго.

Но можно ли довольствоваться предположением, когда на твоих руках осталось двое его детей? Сюити не очень ясно отдает себе отчет в том, что случилось, но Синго не может так бездумно со всем согласиться.

Ведь обе внучки лягут бременем на плечи Синго. Но Сюити совсем не думает о том, что они станут и его бременем.

Время воспитания-это еще полдела, но ведь будущее счастье Фусако и внучек уже сейчас наполовину погублено, – неужели и за это ответственным окажется Синго?

Когда Синго посылал заявление о разводе, он подумал о том, что стало с женщинами, с которыми проводил время Аихара.

Одна из них действительно умерла; Интересно, какова была ее жизнь?

«Не дай бог, – сказал про себя Синго и вздрогнул. – Ужасная жизнь».

Если бы Фусако мирно жила с Аихара, эта женщина не покончила бы с собой, – значит, Синго тоже в какой-то мере виновен в ее гибели. И может ли он не молиться за упокой души несчастной женщины?

Но у него не было никакого желания вспоминать об этой женщине, и он подумал о ребенке Кикуко. Ему, конечно, не следовало думать о ребенке, от которого она так поспешно избавилась, и все же он думал, каким бы родился этот ребенок.

Может быть, Синго виновен и в гибели ребенка тоже?

Противный день – даже очки все время запотевают. Синго почувствовал тяжесть в

правом боку.

Обложной дождь кончился, и в просветах между тучами засияло солнце.

– Во дворах, где прошлым летом цвели подсолнухи, в этом году растут какие-то незнакомые белые цветы, похожие на хризантемы, не знаю, как они называются. Сговорились все, что ли, – в нескольких дворах подряд одинаковые цветы. В прошлом году все посадили подсолнухи, – сказал Синго, надевая брюки.

Кикико стояла перед ним, держа в руках пиджак.

– Может, это потому, что в прошлом году подсолнухи сломало бурей?

– Возможно. Кикико, ты, по-моему, выросла, – а?

– Да. Выросла. После возвращения домой и то немного подросла, а недавно опять. Сюити даже удивился.

– Когда?...

Кикико вспыхнула и, встав позади Синго, помогла ему надеть пиджак.

– Мне показалось, что ты очень выросла. Показалось не только из-за кимоно. Сколько уж лет прошло, как ты живешь у нас в доме, и все растешь, – это прекрасно.

– Просто я недоразвитая – никак вырасти не могу.

– Ничего подобного. Ты очень хорошенькая. – Говоря это, Синго подумал, что она действительно выглядит здоровой и привлекательной. Неужели Кикико так выросла, что Сюити заметил это, когда обнимал ее?

Синго вышел из дому с мыслью, что жизнь потерянного ребенка продолжается в Кикико.

Сатоко сидела на корточках у обочины дороги и следила за игрой соседских детей.

Синго тоже остановился и стал с интересом смотреть, как они, словно в посуду, накладывают в ракушки и в листья аралии мелко нарезанную траву.

Накрошенные лепестки георгинов и маргариток они тоже клали туда для украшения.

Расстеленная циновка была густо засыпана маргаритками.

– Да, это маргаритки, – вспомнил наконец Синго. В нескольких дворах подряд, где в прошлом году цвели подсолнухи, теперь росли маргаритки.

Сатоко была еще слишком мала, и дети, видимо, не принимали ее в свою игру.

Синго пошел, и она подбежала к нему:

– Дедушка!

Синго за руку довел внучку до угла. Убегая назад, Сатоко выглядела совсем по-летнему.

Нацуко, обнажив белые руки, мыла окно в кабинете. Синго начал оживленно:

– Ты сегодняшнюю газету видела?

– Да, – не понимая, к чему он клонит, ответила Нацуко.

– Я говорю «газету», но какую именно, не припомню. Какая же это была газета?...

– Но точно газета?

– Да. Забыл, в какой газете я прочел, что социологи Гарвардского и Бостонского университетов раздали тысяче секретарш анкеты с одним вопросом: чему вы радуетесь больше всего? – и все единодушно ответили: когда меня хвалит мужчина. Неужели все женщины, и на Западе и на Востоке, в этом единодушны? Как ты считаешь?

– И им не стыдно?

– Стыд и удовольствие, как правило, соседи. Особенно когда за тобой ухаживает мужчина. Ты не согласна?

Нацуко молчала, потупившись. В наше время редко встретишь такую скромную девушку; подумал Синго.

– Таидзаки принадлежит как раз к таким девицам. Больше всего она любила, чтобы ее хвалили на людях.

– Сегодня приходила Танидзаки-сан. Примерно в половине девятого, – сказала с неприязнью Нацуко.

– Да? Ну и что?

– Сказала – придет еще раз, днем. Синго овладело дурное предчувствие. Ожидая прихода Хидэко, он не пошел обедать. Хидэко распахнула дверь и замерла у порога, – она смотрела на

Синго, с трудом сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

– О-о. Сегодня, я вижу, ты цветов не принесла? – сказал Синго, стараясь скрыть беспокойство.

Хидэко, словно бы укоряя Синго за легкомыслие, подошла к нему с торжественно-серьезным видом.

– Опять очистить помещение?

Но Нацуко уже ушла на обеденный перерыв, и Синго сидел в комнате один.

Синго был потрясен, когда Хидэко сказала, что любовница Сюити беременна.

– Я ей говорила, что она не должна рожать, – поджала тонкие губы Хидэко. – Вчера по дороге из салона я догнала Кинуко и сказала ей это.

– Хм.

– А что, разве я не права? Это ведь так ужасно. Синго не хотелось отвечать, он сразу помрачнел. Хидэко говорит все это, имея в виду Кинуко.

И жена Сюити, и его любовница забеременели одновременно. В жизни, конечно, такое случается, но чтобы это случилось у родного сына – Синго и в голову не могло прийти. К тому же Кинуко прервала беременность.

3

– Сюити еще здесь? Сейчас узнаю. Если здесь, скажу, чтоб зашел...

– Хорошо.

Хидэко достала маленькое зеркальце и – словно заколебавшись:

– Какое лицо у меня – прямо стыдно показываться ему. Да и Кинуко-сан не знает, что я пришла к вам сплетничать.

– Вот как?

– Я даже хочу из-за всей этой истории уйти из салона, но не знаю...

– Зря.

Синго позвонил по телефону, стоявшему на столе. Ему было неприятно встречаться сейчас с Сюити в комнате, где сидят сослуживцы. Сюити не было, Синго повел Хидэко в европейский ресторан неподалеку.

Маленькая Хидэко прижалась к нему и, заглядывая в лицо, сказала:

– Когда я работала у вас секретаршей, вы однажды повели меня на танцы. Помните?

– Помню. Волосы у тебя были повязаны белой лентой.

– Нет, – покачала головой Хидэко. – Белой лентой я стянула волосы в тот день, когда была буря. Я это прекрасно помню, потому что в тот день я впервые узнала о Кинуко-сан, и меня это потрясло.

– Значит, это было тогда?

Синго вспомнил, что именно в тот вечер, когда повел Хидэко на танцы, он впервые услышал от нее, что хриплый голос Кинуко – чувственный.

– Это было, кажется, в сентябре прошлого года. Вся эта история с Сюити доставила тебе немало хлопот.

Синго вышел без шляпы, и солнце припекало голову.

– Как ни печально, я ничего не могла поделать.

– При чем здесь ты? Я и то ничего не мог поделать. В общем, опозорилась моя семья.

– Я вас все равно глубоко уважаю. После того как я ушла из фирмы, я еще больше привязалась к вам, – сказала Хидэко странным тоном и немного помолчала. – Я без конца убеждаю Кинуко, что ей ни к чему рожать. А она с надменным видом обрывает меня – что, мол, ты знаешь, что понимаешь. Не вмешивайся не в свое дело. А потом говорит: это касается только того, кого я ношу под сердцем...

– Хм.

– «...Кто тебя просил говорить мне все эти глупости? Ты все твердишь: брось Сюити. Хорошо, если Сюити уйдет от меня, мне ничего не останется, как бросить его, но ведь рожать-

то мне одной. Тут уж никто не поможет. А плохо это, если я рожу, или хорошо, ты лучше спроси, если сможешь, у ребенка, который у меня здесь». Кинуко думает, что я еще слишком молодая, и насмехается надо мной. И я ей сказала, что нечего смеяться над человеком. По моему, Кинуко все-таки будет рожать. Я потом долго думала о нашем разговоре – ведь от мужа, погибшего на фронте, у нее нет детей.

– Да?

Продолжая шагать, Синго понимающе кивнул.

– Может, я сгоряча так говорю, а на самом деле она не будет рожать.

– Сколько уже?

– Четыре месяца... Я-то сама ничего не замечала, а девушки из салона сразу догадались... Хозяйка, узнав об этом, тоже посоветовала ей не рожать. Ведь если Кинуко родит, ей придется уйти с работы, что она тогда будет делать? – Хидэко охватила щеку ладонью. – Просто не представляю себе. Теперь вы все знаете, поговорите с Сюити-сан...

– Хорошо.

– Если решите встретиться с Кинуко-сан, я думаю, лучше поторопиться.

Синго и сам думал об этом – Хидэко высказала его мысли.

– А та женщина, которую ты как-то приводила ко мне в фирму, все еще живет вместе с ней?

– Икэда-сан? Да.

– Кто же из них старше?

– Кинуко-сан, я думаю, года на два, на три моложе.

После обеда Хидэко дошла с Синго до самой фирмы. На ее лице появилась жалкая улыбка, вот-вот расплывается.

– Всего хорошего.

– Благодарю тебя. Ты вернешься в салон?

– Да. В последнее время Кинуко-сан обычно стала уходить Домой раньше, но до половины седьмого она всегда в салоне.

– Вряд ли стоит мне заходить в салон. Кажется, Хидэко и сегодня толкает Синго на встречу с Кинуко, – на душе у него стало тяжело.

Наверно, когда он вернется домой, ему будет невыносимо смотреть в глаза Кинуко.

Кинуко настолько целомудренна, что ей противно заводить ребенка, пока у Сюити есть женщина, и поэтому она не родила. Но ей и в самом страшном сне не приснится, что эта женщина беременна.

Когда через несколько дней после того, как Синго узнал о том, что случилось с Кинуко, она вернулась от своих родителей домой, они с Сюити, казалось, жили в полном согласии. Сюити каждый день приходил рано и трогательно заботился о жене, – что же тогда все это значит?

Если толковать его поведение в хорошем смысле, то, возможно, Кинуко, решив родить, доставляет Сюити немало хлопот, и он, порвав с ней, просит прощения у жены.

И все-таки вся эта история оставила у Синго какой-то отвратительный привкус безнравственности, нечистоплотности.

Неужели она действительно родит? Ему казалось ужасным появление этого ребенка.

– Если он родится, то, значит, будет моим внуком? – пробормотал себе под нос Синго.

Рой москитов

1

Синго медленно шел по улице Хонго, мимо университета.

Он вышел из машины на противоположной стороне, где магазины, – именно здесь нужно было свернуть в переулок, в котором живет Кинуко, но Синго нарочно перешел на другую

сторону.

Он мучительно колебался, не решаясь подойти к дому любовницы своего сына. Как можно беременной женщине, с которой видишься в первый раз, отрезать: не рожай?

– Чем это лучше обыкновенного убийства? Должен ли старик пачкать себе этим руки? – бормотал Синго. – Да, но при таких обстоятельствах любое решение жестоко.

Сын должен сам решать. Отцу вмешиваться нечего. Но Синго не высказал этого Сюити и вот приехал к дому Кинуко. Это доказывало, что он не может положиться на Сюити.

С каких же это пор между ним и сыном легла пропасть непонимания, – ужаснулся Синго. Не исключено, что он отправился к Кинуко не столько ради того, чтобы решить все вместо Сюити, сколько из жалости к Кинуко, негодуя на сына из-за того, что с ней случилось.

Яркое вечернее солнце освещало лишь верхушки деревьев на университетском дворе, а дорожки уже были в тени. Студенты в белых рубашках и брюках сидели со студентками на газоне и казались спокойными и умиротворенными.

Синго потер лицо рукой. Он старался стряхнуть с себя опьянение.

До окончания рабочего дня Кинуко еще оставалось время, и Синго пригласил приятеля, служившего в другой фирме, поужинать с ним в европейском ресторане. Они давно не виделись и незаметно напились. Перед тем как подняться на второй этаж в зал ресторана, они выпили в баре, внизу, и Синго сразу опьянел. Поужинав, они снова спустились в бар.

– Как, ты уже уходишь? – удивился приятель. Видимо, он рассчитывал, что они с Синго проведут вместе весь вечер, и специально позвонил в одно местечко в Цукидзи.

Синго сказал, что примерно через час у него назначено свидание, и они вышли из бара. Приятель на всякий случай написал на визитной карточке адрес и номер телефона в Цукидзи и протянул ее Синго. Синго взял карточку, хотя не собирался туда.

Идя вдоль университетской ограды, Синго искал глазами переулок на противоположной стороне. Он очень смутно помнил, где нужно повернуть, но переулок узнал сразу же.

Он вошел в темную, обращенную к северу прихожую, – на грубом ящике для обуви стоял горшок с каким-то экзотическим цветком, на стене висел складной дамский зонтик.

Из кухни вышла женщина в переднике.

– Ой. – Лицо у нее стало серьезным, она сняла передник. На ней была темно-синяя юбка, ноги босые.

– "Икэда-сан? "Помните, вы как-то приходили в фирму, где я служу... – сказал Синго.

– Совершенно верно. Меня приводила Хидэко-сан, рада вас видеть.

Икэда, держа в руке свернутый передник, выжидающе смотрела на Синго. Лицо у нее было в веснушках. Может быть, веснушки так бросались в глаза потому, что она была не напудрена. Но в общем красивое лицо – нос тонкий, цвет кожи хороший.

Новая кофточка – тоже, наверно, работа Кинуко.

– Я пришел, собственно, чтобы поговорить с Кинуко-сан.

Синго говорил извиняющимся тоном.

– Вот как. Она еще не вернулась, но должна быть с минуты на минуту. Проходите, пожалуйста.

Из кухни пахло жареной рыбой.

Синго подумал было, что лучше ему зайти позже, когда Кинуко поужинает, но Икэда пригласила его в гостиную, и он послушно пошел за ней.

В нише лежала стопа модных журналов. Среди них – много иностранных. Рядом с ними стояли две французские куклы. Их нарядные одежды никак не вязались с обшарпанной стеной. Со швейной машины свисал кусок шелковой материи. Его яркий рисунок еще сильнее подчеркивал затертость циновки.

Слева от швейной машины – небольшой стол, на нем были сложены школьные учебники и стояла фотография мальчика.

Между швейной машиной и столом – туалетный столик. В глубине перед стенным шкафом – большое трюмо. Оно сразу же бросалось в глаза. Возможно, Кинуко смотрит на него, примеряя на себя сшитые вещи. Или примеряя их на заказчиц, которым шьет дома. Около

трюмо стояла большая гладильная доска.

Икэда принесла из кухни апельсиновый сок. Заметив, что Синго смотрит на фотографию ребенка, она, не дожидаясь вопроса, сказала;

– Это мой сын.

– Вот как? Он сейчас в школе?

– Нет, сын со мной не живет. Он остался в семье мужа. А эти книги... Шить, как Кинуко-сан, я не умею и вот занимаюсь чем-то вроде репетиторства, у меня есть несколько учеников.

– Вот как? И правда, для одного ребенка учебников здесь многовато.

– Конечно. Но я занимаюсь с детьми, которые учатся в разных классах. Теперешняя школа сильно отличается от довоенной, так что и учить-то как следует не могу, но когда я занимаюсь с ребенком, у меня такое чувство, будто передо мной мой собственный сын, и вот...

Синго кивнул, – что он мог сказать женщине, у которой на войне погиб муж?

Ведь Кинуко тоже приходится работать.

– Откуда вы узнали, где мы живем? – спросила Икэда. – Вам сказал Сюити-сан?

– Нет. Я уже как-то приходил сюда. Приходил, но в дом войти не решился. Это было прошлой осенью.

– Еще прошлой осенью?

Икэда подняла голову и посмотрела на Синго, потом снова опустила глаза и, немного помолчав, сказала чуть ли не с вызовом:

– В последнее время Сюити-сан совсем здесь не бывает.

Синго подумал, что, может быть, не стоит рассказывать, зачем он пришел.

– Кинуко-сан, я слышал, ждет ребенка?

Икэда пожала плечами и посмотрела на фотографию сына.

– Она что, действительно собирается рожать? Икэда, не отрываясь, продолжала смотреть на фотографию сына.

– Лучше поговорите об этом с самой Кинуко-сан.

– Я это непременно сделаю – ведь ни мать, ни ребенка не ждёт ничего хорошего.

– Родит Кинуко-сан ребенка или нет, все равно она будет несчастна.

– Но вы ведь сами советовали ей расстаться с Сюити-сан.

– Да. Мне казалось, так будет лучше... – сказала Икэда. – Но Кинуко-сан никак не соглашалась со мной. Мы с ней совершенно разные, но, как говорится, ладим. Мы познакомились на собрании вдов и стали жить вместе – Кинуко-сан надежная подруга. Мы обе оставили семьи своих погибших мужей, но не возвратились к родителям, – в общем, мы сейчас совсем свободны. Решив освободиться от прошлого, мы сложили в свои бельевые корзины все, что осталось на память от наших мужей, – их вещи, фотографии. Правда, фотографию сына я выставила, но это ведь совсем другое дело... Кинуко свободно читает американские журналы, читает и французские, – со словарем, говорит, все понятно: кройка и шитье европейского платья – много ли слов нужно знать. Наверно, она скоро откроет собственный салон. Она и замуж могла выйти – уже двое делали ей предложение, и я просто представить себе не могу, почему она так упорно цепляется за Сюити-сан.

Хлопнула дверь, Икэда вскочила и убежала. И Синго услышал:

– Здравствуй. Пришел отец Огата-сан.

– Чтобы встретиться со мной? – произнес хриплый голос.

2

Кинуко пошла на кухню, видимо, попить – послышался шум льющейся из крана воды.

– Икэда-сан, ты тоже побудь с нами, – обернулась Кинуко, входя в комнату.

На ней был яркий костюм, и, возможно, из-за того, что она была довольно полная, Синго не заметил признаков беременности. Маленький рот с тонкими губами, – невозможно даже представить себе, что из него выходят такие хриплые звуки.

Зеркало стояло в гостиной, и ей пришлось, наверно, освежить лицо, воспользовавшись

сумочкой для косметики.

Первое впечатление Синго было неплохое. Круглое лицо, казавшееся плоским, не выглядело таким уж волевым, как можно было заключить из рассказа Икэда. Руки полные.

– Огата, – представился Синго. Кинуко не ответила.

Вошла Икэда и села у столика, повернувшись к ним лицом.

– Огата-сан давно тебя ждет, – сказала она, но Кинуко продолжала молчать.

Лицо Кинуко не выражало открыто ни неприязни, ни растерянности, но казалось, она готова расплакаться. Синго вспомнил, что в этом доме. Сюити напивается до беспамятства и заставляет Икэда петь, доводя этим Кинуко до слез. Возвращаясь домой, Кинуко, видимо, торопливо шла по душной улице, и от этого лицо у нее горело и она тяжело дышала.

Синго постарался начать в самых мирных тонах:

– Может показаться странным, что я решил с вами встретиться, но если бы я не попытался этого сделать... Вы, наверно, догадываетесь, о чем я собираюсь говорить?

Кинуко снова промолчала.

– Конечно, это касается Сюити.

– Если это касается Сюити-сан, нам не о чем говорить. Вы, наверно, хотите сказать, что я поступаю плохо, – неожиданно набросилась на него Кинуко.

– Наоборот, я должен извиниться перед вами.

– Мы расстались с Сюити-сан. И никакого беспокойства вашей семье я уже не буду доставлять. – Она посмотрела на Икэда. – Ну как, вас это устраивает?

Синго замялся.

– Но ведь остается еще вопрос о ребенке. Кинуко побледнела, но, собравшись с духом, сказала еще более хриплым, чем обычно, голосом:

– О чем вы говорите? Я вас не понимаю.

– Еще раз прошу простить меня, но разве вы не ждете ребенка?

– Вы считаете, что я обязана вам отвечать? Неужели совершенно посторонний человек способен помешать женщине, если она захотела иметь ребенка? Неужели мужчина не в состоянии понять это?

Кинуко говорила торопливо, с трудом сдерживая слезы.

Вы сказали «посторонний человек», но ведь я отец Сюити. Надо думать, у вашего ребенка тоже есть отец.

– Нет никакого отца. Вдова, у которой муж погиб на войне, решила родить внебрачного ребенка. Я никого ни о чем не собираюсь просить, дайте только мне спокойно родить. Будьте милосердны, оставьте меня в покое. Ребенок во мне, он мой.

– Все это верно, но можно же завести ребенка позже, уже выйдя замуж... Зачем вам ребенок именно сейчас?

– А что в этом противоестественного?

– Я хотел сказать другое.

– Во-первых, неизвестно, выйду ли я замуж, а кроме того, неизвестно, смогу ли я еще раз забеременеть. Вы в состоянии предсказать то, что известно одному богу? У меня еще никогда не было детей.

– Ваши отношения с отцом будущего ребенка – именно они доставят бездну страданий и ребенку и вам.

– Есть сколько угодно детей, отцы которых погибли на войне, и матери страдают от этого. А дети смешанной крови, которых оставили в странах южных морей те, кто там воевал, – можно вспомнить и об этих детях. Детей, которых бросили и забыли отцы, воспитывают матери.

– Но речь идет о ребенке Сюити.

– Я не собираюсь обременять вашу семью, можете не беспокоиться. Клянусь, что не буду обращаться к вам ни с какими просьбами, ни с какими мольбами. А с Сюити-сан мы расстались.

– Все гораздо сложнее. Пока ребенок встанет на ноги, пройдет много лет, а кроме того,

ничто не может разорвать родственные узы отца и ребенка.

– Нет. Этот ребенок не имеет никакого отношения к Сюити-сан.

– Вам, наверно, известно, что жена Сюити прервала беременность?

– Его жена – другое дело, она действительно может еще сколько угодно раз забеременеть. А если не сможет, будет, наверно, всю жизнь раскаиваться. Счастливой жене меня не понять.

– Вам тоже не понять Кикуко. Синго нечаянно произнес имя Кикуко.

– Вас прислал ко мне Сюити-сан? – тоном допроса спросила Кикуко. – Сюити-сан требовал, чтобы я не рожала, кричал, бил меня, пинал ногами, волочил со второго этажа по лестнице, пытаюсь отвести к врачу. Этими дикими выходками, этой комедией он полностью, я считаю, искупил свою вину перед женой. Синго помрачнел.

– Помнишь, как это было отвратительно? – повернулась Кикуко к Икэда. Икэда кивнула.

– Кикуко-сан собирает теперь все лоскутки на пеленки, – сказала она Синго.

– Он так пинал меня, что я боялась, как бы это не повредило ребенку, даже к врачу ходила, – продолжала Кикуко – Я и Сюити-сан говорила, что ребенок не его. Так прямо и говорила ему – не твой это ребенок. Вот почему мы расстались. Он сейчас совсем не приходит.

– Значит, у вас ребенок от кого-то другого?...

– Да. Считайте так, и все будет в порядке. Кикуко вскинула голову. Она и раньше плакала, а сейчас по ее щекам текли новые и новые ручейки слез.

Синго был в замешательстве – Кикуко показалась ему очень привлекательной. Если приглядеться к отдельным чертам ее лица, то и глаза и нос не идеальной формы, но в общем она была красива.

Нет, нельзя судить о человеке по внешнему виду, – Кикуко выглядит такой нежной, такой податливой, а вот ведь держит Синго на почтительном расстоянии.

3

Синго, понурившись, покинул дом Кикуко. Кикуко приняла чек, который дал ей Синго.

– Если ты действительно рассталась с Сюити, тебе лучше взять его, – посоветовала Икэда, и Кикуко кивнула, согласившись.

– Правильно, будем считать эти деньги отступными. Докатилась до того, что получаю отступные. Может, еще и расписку выдать?

Синго взял такси; он не знал, на что решиться: заставить Сюити снова помириться с Кикуко и добиться, чтобы она прервала беременность, или оставить все как есть.

Поведение Сюити – а тут еще приход Синго – лишь укрепило решимость Кикуко, подхлестнуло ее. Ведь у этой женщины и так уже было непреодолимое желание иметь ребенка.

Нет, снова пускать к ней Сюити опасно. Но если все оставить как есть, родится ребенок.

Если ребенок от кого-то другого, как утверждает Кикуко, тогда все в порядке, но даже Сюити ничего не знает ни о каком мужчине. Предположим, Кикуко утверждает это из самолюбия, а Сюити, не задумываясь, поверит ее утверждению и никто из них не будет потом раскаиваться, тогда все в порядке – пусть ребенок родится и живет, хотя жизнь его будет сурова. И после моей смерти на земле останется незнакомый мне внук.

– Что же делать? – пробормотал Синго.

Когда произошла эта история с самоубийством Аихара, я поторопился отправить заявление о разводе и окончательно взял к себе дочь с двумя детьми. А сейчас, хотя Сюити и расстался с любовницей, где-то все же будет жить его ребенок, – разве это справедливо? Каждое из этих решений не решение – так, временное залатывание дыр.

Никому я не дал счастья.

Синго было неприятно вспоминать жалкие слова, сказанные им Кикуко.

Ему нужно было добраться до токийского вокзала, чтобы поехать домой, но, неожиданно обнаружив в кармане визитную карточку приятеля, он повернул такси к Цукидзи.

Ему хотелось рассказать обо всем приятелю, но тот пьянствовал с двумя гейшами и

беседовать был неспособен.

Синго сразу же вспомнил молодую гейшу – это она сидела у него на коленях, когда он в машине возвращался с приема.

Не успела она войти, как приятель стал говорить всякие непристойности: смотри не осрамись, покажи, на что ты способен. Лицо ее Синго, правда, запомнил лишь в общих чертах, но зато имя запомнил хорошо – для него это был подвиг, – славная, очень приятная гейша.

Синго ушел с ней в соседнюю комнатку. Ему ничего не нужно было от нее.

Девушка доверчиво положила голову на грудь Синго. Заигрывает, подумал он, но девушка, кажется, в самом деле заснула.

– Ты что, спишь? – посмотрел на нее Синго, но она была слишком близко, и лица ее он не мог разглядеть.

Синго улыбнулся. Он испытал вдруг теплое чувство к этой девушке, которая спала у него на груди. Наверно, лет на пять моложе Кикико, на вид ей нет и двадцати.

Возможно, это была просто невозмутимость продажной женщины, но Синго ощутил счастье оттого, что, прикинув к нему, спит молодая девушка.

Счастье, как ты мимолетно и призрачно, подумал он.

В близости с женщиной уживаются скудость и щедрость, счастье и горе, подумал Синго; потом он тихонько вышел из комнаты и последней электричкой вернулся домой.

Ясуко и Кикико еще не легли и, сидя в столовой, ждали его возвращения. Был уже второй час ночи.

Синго, стараясь не смотреть в глаза Кикико, спросил:

– Сюити дома? – Он уже лег.

– Да? А Фусако?

– Тоже. – Кикико приводила в порядок костюм, снятый Синго. – Сегодня до самого вечера держалась хорошая погода, а потом снова небо затянуло тучами.

– Что ты говоришь? Я не обратил внимания. Приподнявшись с колен, Кикико снова расправила костюм Синго и стала разглаживать складку на брюках.

Неужели Кикико ходила в парикмахерскую? Синго бросилось в глаза, что она коротко подстрижена.

Прислушиваясь к посапыванию Ясуко, Синго никак не мог уснуть, а уснув, тут же увидел сон.

Он – молодой пехотный офицер, затянутый в мундир, с японским мечом на боку и тремя пистолетами. Меч, видимо, фамильный, его отдал ему Сюити, дожидавшийся отправки на фронт.

Синго идет ночью по горной тропе. Вместе с ним дровосек.

– Ночью эта дорога опасна, я редко по ней хожу. Безопаснее идти по правой стороне, – сказал дровосек.

Синго начинает держаться правее, но все равно страшно, и он зажигает карманный фонарик. Вокруг стекла фонарика вделаны алмазы, они сверкают, и фонарь светит ярче, чем обычно. Яркий пучок света освещает что-то черное, преграждающее путь. Что-то похожее на ветки криптомерии, раскинувшиеся шатром. Но, присмотревшись, он видит, что это скопище москитов. Рой москитов принял форму нависших шатром ветвей. «Что делать?» – думает Синго. Пробыться. Синго обнажает меч и начинает прорубаться сквозь тучи москитов.

Неожиданно он оборачивается, дровосек бежит, словно катится вниз с горы. Мундир на Синго вдруг охватывает пламя. И в тот же миг Синго раздваивается – на Синго в пылающем мундире смотрит еще один Синго. Огонь доходит до ворота и рукавов и, пробежав по краю одежды, гаснет. Мундир не сгорел, он только обуглился и слегка потрескивает.

Наконец Синго добирается до дому. Это его дом в Синсю, где он жил в детстве. Там была и красавица сестра Ясуко. Синго безумно устал.

К его дому подходит убежавший дровосек. Подходит к дому и падает без чувств.

Из тела дровосека появляется огромное ведро, полное москитов.

Откуда взялись москиты – неизвестно, но, проснувшись, Синго еще ясно видел

москитов, переполнявших огромное ведро.

– Наверно, под сетку залетели. – Синго пытался прочистить уши, но все равно в голове гудело и она была тяжелая.

Начинался дождь.

Змеинное яйцо

1

Приближалась осень, и Синго, измученный долгим летним зноем, возвращаясь домой, часто дремал в электричке.

В часы «пик» поезда ходят через каждые пятнадцать минут, и вагоны второго класса не особенно переполнены.

И сейчас в его полусонном мозгу всплыли вдруг акации вдоль тротуара. Они были сплошь усыпаны цветами. «Неужели в Токио цветут акации вдоль тротуаров?» – подумал Синго, проезжая мимо них в такси. Он ехал по улице, которая начинается в районе Кудан и выходит ко рву, окружающему императорский дворец. Была середина августа, моросил дождь. Лишь с одной акации осыпались цветы, устлая асфальт под деревом. Почему осыпались цветы? Синго высунулся из машины и повернулся назад, и эта картина осталась в его памяти. Цветы были мелкие, зеленовато-желтые. В его памяти осталась картина буйно цветущих акаций – только с одного дерева опали цветы. Синго видел это на обратном пути из больницы, где он навещал приятеля – у того был рак печени.

Приятель был просто его однокурсник, и обычно они почти не встречались.

Он уже сильно ослаб, но в палате никого из родных не было – только сиделка.

Синго не знал, жива еще его жена или нет.

– С Миямото часто видишься? Если нет, то позвони ему и попроси, я буду тебе очень обязан, – сказал приятель.

– Попросить его, о чем?

– В мае, на встрече однокурсников, он сам завел разговор об этом.

Синго вспомнил, речь шла о цианистом калии. Значит, больной знает, что у него рак.

Когда собирались ровесники Синго, все старики за шестьдесят, разговор всегда вертелся вокруг болезней и смертей, и кто-то, наверно, сказал, что на заводе у Миямото работают с цианистым калием и если заболеешь раком, то надо попросить у него этого яда. Кому охота продлевать свои страдания, когда известно, что болезнь неизлечима? И уж если смерть неизбежна, нужен хотя бы свободный выбор времени смерти.

– Но это же была обычная пьяная болтовня, – ответил Синго.

– Я им не воспользуюсь. Я и не собираюсь воспользоваться им. Единственное, чего я хочу – получить свободу, о которой говорили тогда. Если у меня будет цианистый калий, то одно сознание, что я могу принять его в любую минуту, даст мне силы вынести все мучения. Я уверен. Есть ли у меня другой способ обрести последнюю свободу, выразить свой единственный протест? Но я обещаю не воспользоваться цианистым калием.

Пока приятель говорил, глаза его сверкали. Сиделка молча вязала свитер из белой шерсти.

Синго стало неприятно оттого, что он так и не собрался попросить Миямото, хотя больной на пороге смерти с такой надеждой ждал этого.

Синго немного успокоился, лишь доехав до цветущей акации, и сейчас, задремав в электричке, он вспомнил об акации потому, что у него из головы не выходил больной приятель.

Не успел Синго задремать, как снова открыл глаза, – электричка стояла.

Это не была станция.

Когда электричка остановилась, мимо с грохотом пронеслась встречная – от этого

грохота, наверно, он и проснулся.

Электричка Синго, немного проехав, снова остановилась.

По узкой тропинке к поезду подбежали дети.

Некоторые пассажиры, высунувшись из окон, смотрели, что происходит впереди.

Слева тянулся бетонный забор какого-то завода. Между забором и железнодорожной линией шла сточная канава, до краев полная нечистот, и вонь от нее доносилась даже до поезда.

Справа виднелась узкая тропинка, по которой прибежали дети. У тропинки, уткнувшись носом в траву, неподвижно лежала собака.

Там, где тропинка подходила к железнодорожным путям, стояло несколько лачуг, сбитых из трухлявых досок. Из окна – четырехугольной дыры в одной из хибарок – поезду махала рукой девушка, на вид слабоумная. Движения руки были вялые, бессильные.

– Остановка нашего поезда вызвана тем, что состав, вышедший за пятнадцать минут до нас, потерпел крушение на станции Цуруми. Извините за задержку, – объявил проводник.

Иностранец, сидевший напротив Синго, растолкал ехавшего с ним юношу.

– Что он сказал? – спросил он по-английски.

Юноша спал, держа за руку иностранца и положив голову ему на плечо. Открыв глаза, он не переменял позы и ласково взглянул на него. Глаза у юноши были красные, веки опухли. Волосы крашенные, но у корней вылезали черные, переходившие в цвет мутного чая. Светлыми оставались только концы.

Наверно, гомосексуалист, любовник иностранца, подумал Синго.

Юноша перевернул ладонь иностранца, лежавшую у того на коленях, вложил в нее свою руку и крепко сжал. Совсем как удовлетворенная женщина.

Иностранец был в рубаше с короткими рукавами, руки у него поросли рыжими волосами – точно бурый медведь. Юноша не был таким уж хрупким, но рядом согромным иностранцем выглядел ребенком. У иностранца была мощная грудь и толстенная шея, – казалось, ему было трудно ворочать ею, и он сидел с безучастным видом, не обращая внимания на прилипшего к нему юношу. Выражение лица у него было мрачное. Рядом с его пышущей здоровьем физиономией лицо юноши выглядело еще более землистым и изможденным.

Возраст иностранца трудно определить, но, судя по огромной лысине, морщинистому лбу истарческим пятнам на руках, он, пожалуй, одного возраста со мной, подумал Синго. Иностранец представлялся ему жестоким чудовищем, вторгшимся в чужую страну и заставившим служить себе юношу из этой страны. Юноша был в бордовой рубаше, верхняя пуговица расстегнута, распахнутый ворот открывал выпирающие ключицы.

По обеим сторонам вонючей канавы буйно росла ярко-зеленая полынь. Электричка все еще стояла.

2

Под москитной сеткой было душно и мрачно, и Синго решил больше не вешать ее над постелью.

Ясуко каждый вечер, притворно кряхтя, с деланным усердием била москитов.

– А Сюити еще пользуется москитной сеткой.

– Ну что ж, иди спать к Сюити. – Синго смотрел в потолок, с которого уже не свисала москитная сетка.

– Нет, туда я не могу пойти, но с завтрашнего дня буду ложиться в комнате Фусако.

– Вот-вот, будешь спать в обнимку с одной из внучек.

– Почему это Сатоко, хотя у нее есть младшая сестра, все время цепляется за мать? Может, она не совсем нормальная? Иногда у нее такой странный взгляд.

Синго не ответил.

– Уж не оттого ли, что у нее теперь нет отца?

– Ты бы хоть относилась к ней поласковей.

– Я больше люблю Кунико, – сказала Ясуко. – Но и тебе бы неплохо быть понежнее с Сатоко. Тем более теперь.

– Умер ли Аихара, жив ли, хватит о нем говорить.

– Хорошо, что прислал заявление о разводе.

– Ну довольно, перестань.

– Ты прав, больше не буду. Но если Аихара и не умер, неизвестно, где он находится... И все-таки кто так поступает: решили, что жизнь у них не удалась, плюнули на все, разошлись, а что двое детей – об Этом забыли. Ненадежная штука семейная жизнь.

– Даже если семейная жизнь не удалась, это еще не значит, что все кончено. Фусако тоже хороша. Предположим, Аихара оступился, разве можно так просто бросать его, – сколько теперь страданий выпало на его долю. Наверно, и самой Фусако нелегко сейчас об этом думать.

– Если муж оказался в отчаянном положении, значит, жена ему вовремя не помогла, не была ему настоящим другом. Когда человека бросают на произвол судьбы, ему ничего не остается, как покончить с собой. Но если вместе с человеком, оказавшимся в тупике, соглашается умереть женщина, его уже нельзя считать покинутым, – сказала Ясуко.

– С Сюити сейчас как будто все в порядке, но что будет дальше, неизвестно. Для Кикико эта история не прошла даром.

– История с ребенком, да?

Слова Синго имели двойной смысл. И тот, что Кикико не родила, и тот, что Кинуко собирается родить. Второе не было известно Ясуко.

Заявив, что она беременна не от Сюити, Кинуко отвергла попытку Синго помешать ей родить, но Синго, не зная точно, от Сюити она беременна или не от него, не мог отделаться от мысли, что Кинуко нарочно отрицает отцовство Сюити.

– Я думаю, мне действительно следует спать под москитной сеткой Сюити. Ведь даже представить себе невозможно, до каких глупостей они могут договориться. Оставлять их вдвоем просто опасно...

– Договориться до глупостей? Что ты имеешь в виду?

Ясуко, лежавшая спиной к Синго, повернулась к нему лицом. Потом сделала такое движение, будто хотела взять его за руку, но Синго не протянул ей руки, и Ясуко, пошарив возле подушки, прошептала, словно выдавая секрет:

– Я все-таки думаю, что у Кикико скоро будет ребенок.

– Что?

Синго был потрясен. – Мне, правда, кажется, что еще рановато, но Фусако говорит, что уже заметила.

Ясуко стеснялась говорить даже о своей беременности.

– Тебе это Фусако сказала?

– Рановато, правда, – повторила Ясуко. – Слишком мало времени прошло.

– Кто сказал Фусако – сама Кикико или Сюити?

– Никто не говорил. Это ее собственные наблюдения.

Слово «наблюдения», употребленное Ясуко, показалось Синго неуместным. Что ж это получается, подумал он, не успев обжиться, Фусако уже ведет слежку за женой брата?

– Ты скажи Сюити, чтобы он был к ней повнимательней.

У Синго сдавило грудь. Стоило ему услышать, что Кикико беременна, как эта ее беременность навалилась на него невыносимой тяжестью.

Когда две женщины почти одновременно беременеют от одного мужчины – тут нет ничего удивительного. Но как страшно, если этот мужчина – твой сын.

Может быть, это чья-то месть или чье-то проклятие, а может быть, козни дьявола?

Если трезво рассудить, то все случившееся было вполне, естественно, так сказать, здоровая физиология, но столь трезво Синго сейчас рассуждать не мог.

К тому же Кикико теперь вторая. Когда она избавлялась от своего первого ребенка, Кинуко уже была беременна. Кикико снова забеременела, а Кинуко еще не родила. И Кикико

не знает, что Кинуко беременна, а беременность Кинуко уже всем бросается в глаза, ребенок уже, наверно, шевелится.

– На этот раз и нам все известно, так что Кикику не сможет своевольничать.

– Пожалуй, – сказал Синго без всякой уверенности. – Ты тоже поговори с Кикику.

– Ты, наверно, и внука от Кикику будешь любить больше, чем остальных.

Синго не спалось.

«Есть ли сила, которая заставила бы Кинуко не рожать?» – думал Синго с раздражением, и ему пришла на ум жестокая мысль.

Кинуко говорит, что у нее ребенок не от Сюити, – может быть, стоило бы последить за ее поведением, и тогда удастся обнаружить нечто такое, что их всех успокоит.

Из сада стал доноситься стрекот насекомых – уже третий час. Стрекот какой-то незнакомый – цикады стрекочут не так. Синго показалось, что он лежит во тьме, погребенный в земле.

Последнее время ему без конца снятся сны – под утро он увидел еще один длинный сон.

Он не помнит, где все это происходило. Просыпаясь, он еще видел два белых яйца из сна. Песчаная равнина – сплошной песок. И на нем – два яйца рядом. Одно – огромное, яйцо африканского страуса. Другое – крохотное, змеиное яйцо. Скорлупа расколота, и из яйца высовывается хорошенькая головка вертлявой змейки.

Синго смотрит на нее, думая, какая она в самом деле хорошенькая.

Синго был уверен, что увидел этот сон только потому, что думал о Кикику и Кинуко. Чей детеныш был в страусовом яйце и чей в змеином, он, конечно, не знал.

– Интересно, змея действительно откладывает яйца или родит живых детенышей? – прошептал про себя Синго.

3

На следующий день было воскресенье, и Синго лежал в постели почти до десяти часов. Он чувствовал слабость в ногах.

Синго вспомнил свой сон, и ему стали неприятны и страусовое яйцо, и маленькая змейка, высунувшая голову из змеиного яйца.

Тщательно почистив зубы, Синго вошел в столовую.

Кикику, сложив стопкой газеты, перевязывала их шнурком. Продавать, видно, собирается, подумал Синго.

Подбирать для Ясуко газеты – утренние выпуски к утренним, вечерние к вечерним – и класть числами вверх было обязанностью Кикику.

Кикику встала и налила Синго чай.

– Было две статьи о лотосе, росшем две тысячи лет назад. Вы читали? Я вам их отложила. – С этими словами Кикику положила две газеты на чайный столик.

– Да, кажется, читал.

Но Синго все-таки взял газеты.

При археологических раскопках памятников культуры Яёи обнаружены семена лотоса примерно двух-тысячелетней давности. В газете уже писали, что лотосы зацвели. Синго заходил в комнату Кикику и показывал ей эту газету. Это было, когда она только что вернулась из больницы после аборта и лежала в постели.

Значит, появились еще две статьи о лотосе. В одной писали, что профессор ботаники, расчленив корень лотоса, высадил его в пруду Сансиро²⁰ в парке Токийского университета, который он окончил. В другой рассказывалось, как некий профессор университета Тохоку обнаружил в торфяниках Маньчжурии окаменевшие семена лотоса и послал их в Америку, В

²⁰ Сансиро – пруд, описанный в романе выдающегося японского писателя Нацумэ Сосэки (1867—1916) «Сансиро» и с тех пор носящий это название.

Вашингтоне, в Национальном парке, с семян сняли отвердевшую оболочку, завернули во влажную гигроскопическую вату и поместили в теплицу. В прошлом году появились крошечные ростки.

В этом году, когда их высадили в пруд, на каждом растеньице распустилось по два розовых цветка. Ученые парка определили, что лотос относится к виду, существовавшему тысячу, а возможно, и пятьдесят тысяч лет назад.

– Когда я прошлый раз читал эти статьи, то подумал, что счет у них очень уж приблизительный: тысяча лет – пятьдесят тысяч лет, – засмеялся Синго и стал внимательно перечитывать статью. Японский профессор, исходя из строения слоев, в которых были обнаружены семена, предположил, что им несколько десятков тысяч лет. В Америке же снятый с семян верхний слой подвергли радиоактивному анализу и установили, что им тысяча лет.

Это было сообщение корреспондента из Вашингтона.

– Больше не нужны? – Кикико подобрала газеты, отложенные Синго. Видимо, она хотела спросить, можно ли продать и эти газеты.

Синго кивнул.

– Тысяча лет или пятьдесят тысяч лет – все равно, семена лотоса живут долго. Насколько семена растений долговечнее человека, – сказал Синго, глядя на Кикико. – Хотя не исключено, что мы тоже могли бы, не умирая, лежать в земле тысячу, а то и две тысячи лет.

Кикико прошептала:

– Как это – в земле?

– Не в могиле. Нет, мы бы не были мертвецами, мы бы просто лежали. Действительно, разве нельзя лежать в земле? А когда через пятьдесят тысяч лет мы бы вышли на свет, все наши тяготы, все трудные социальные проблемы, возможно, уже были бы разрешены и на земле наступил бы рай.

Фусако на кухне кормила детей.

– Кикико-сан, – позвала она. – Посмотри, пожалуйста, кажется, еда для отца уже готова.

– Иду.

Кикико вышла и принесла Синго завтрак. – Все уже поели. Остались вы один.

– Да, а Сюити?

– Пошел удить рыбу.

– Ясуко?

– В саду.

– Нет, сегодня яиц не буду есть, – сказал Синго и вернул Кикико миску, в которой лежали яйца. Он сразу же вспомнил змеиное яйцо, которое видел во сне, и ему стало неприятно.

Фусако принесла жареную камбалу, молча поставила ее перед Синго и снова ушла к детям.

Когда Кикико начала собирать грязную посуду, Синго спросил ее тихо:

– Кикико, у тебя будет ребенок? – Нет.

Уже ответив, Кикико вдруг испугалась этого прямого вопроса.

– Нет. Не будет, – покачала она головой.

– Значит, ничего и не было?

– Ничего...

Кикико с недоумением посмотрела на Синго и покраснела.

– Я хочу, чтобы на сей раз ты отнеслась к этому ответственно. Недавно у меня был с Сюити серьезный разговор. «Ты можешь поручиться, что у нее будут дети?» – спросил я его, и он ответил, не задумываясь: «Вполне могу поручиться». – «Это доказывает, что ты не боишься неба, – сказал я ему. – Ведь кто может поручиться за то, что произойдет завтра?» Конечно, это будет ваш ребенок, но нам-то он будет внуком. Я уверен, что ты родишь прекрасного ребенка.

– Простите меня. – Кикико потупилась. Было непохоже, что она что-то скрывает.

Зачем понадобилось Фусако утверждать, будто Кикико беременна? Не слишком ли

ревностно ведет она свою слежку? Разве возможно такое, чтобы Фусако заметила, а Кикико, которую это касается больше всех, не заметила?

Не слышит ли из кухни их разговора Фусако? Синго обернулся: нет, кажется, она вышла с детьми во двор.

– Ты говоришь, Сюити пошел рыбу удить; раньше он, по-моему, никогда этим не занимался, правда?

– Да. Наверно, услышал от какого-нибудь приятеля об этом пруде, где водится рыба, – сказала Кикико, а Синго подумал: «Может быть, и в самом деле Сюити расстался с Кинуко». Ведь раньше он и по воскресеньям ездил к своей любовнице.

– Не сходить ли нам попозже посмотреть на рыбную ловлю? – предложил Синго Кикико. Синго спустился в сад – Ясуко стояла и внимательно осматривала вишню.

– Что-нибудь случилось?

– Нет. Просто с вишни почти совсем облетела листва, и я подумала, может, какие-то жучки на нее напали. Мне показалось, что на этом дереве трещат цикады, а листьев уже нет.

Пока они разговаривали, пожелтевшие листья продолжали осыпаться. Ветра не было, и они не разлетались, а тихо опускались на землю.

– Сюити, кажется, пошел удить рыбу. Схожу и я с Кикико посмотреть.

– Удить рыбу? – обернулась Ясуко.

– Спрашивал у Кикико – говорит, ничего нет. Может быть, Фусако ошиблась?

– Возможно. Ты у Фусако не спрашивал? – Ясуко задумчиво растягивала слова.

– Все это очень грустно.

– Почему Фусако все время что-то придумывает?

– Действительно, почему?

– Я спрошу ее.

Они вернулись в дом. Кикико, в белом свитере, уже надев гэта, ждала Синго в прихожей. Слегка подурмяненная, она выглядела цветущей.

4

В окне неожиданно появились красные цветы – это был ликорис. Он цвел на железнодорожной насыпи, так близко от рельсов, что, когда поезд проносился мимо цветов, они, казалось, качались. Синго видел цветущий ликорис и среди вишен в Тоцука. Цветы только распустились и были еще ярко-красными.

В то утро красные цветы заставили Синго вспомнить о тишине осенних полей.

Мелькали кустики мисканта.

Синго снял правый ботинок и, положив ногу на левое колено, стал растирать ступню.

– Что ты делаешь? – спросил Сюити.

– Онемели. В последнее время каждый раз, как поднимаюсь по лестнице на платформу, немеют ноги. Что-то я в этом году сдал. Чувствую, как уходят силы.

– Кикико тоже все беспокоится: устает, говорит, отец.

– Да? Это, наверно, потому, что я сказал ей, что хотел бы пролежать в земле пятьдесят тысяч лет.

Сюити с недоумением посмотрел на Синго.

– Разговор шел о семенах лотоса. Семена древнего лотоса проросли, и распустились цветы – об этом в газете писали.

– Что ты говоришь? Сюити закурил сигарету.

– Ты спрашивал у Кикико, не собирается ли она родить, и, вконец ее расстроил.

– Почему?

– Потому что пока она не может.

– Ну, а как ребенок у этой Кинуко? Сюити стало не по себе, но он сдержался.

– Мне говорили, ты ходил туда. И оставил, я слышал, чек. Не следовало этого делать.

– Как ты узнал об этом?

– Я узнал стороной. С Кинуко мы больше не встречаемся.
– Ребенок у нее от тебя?
– Кинуко уверяет, что нет...
– Что бы она ни говорила, речь идет о твоей совести. Ты согласен? – Голос Синго дрожал.
– Честно говоря – не знаю.
– Как это так?
– Сколько бы я ни терзался, с этой одержимой женщиной мне не сладить.
– Все равно она терзается гораздо больше тебя. И Кинуко тоже.
– Но теперь, когда мы расстались, я думаю, она снова заживет, как раньше, по своему разумению.

– Разве это порядочно? Неужели тебе в самом деле не хочется знать, твой это ребенок или нет? Или, может быть, совесть все-таки подсказывает тебе, от кого у нее ребенок?

Сюити не ответил. Лишь хлопал своими чересчур красивыми для мужчины глазами.

На столе Синго в фирме лежала открытка с траурной каемкой. Приятель, болевший раком печени, он был, правда, совсем плох, но умер как-то уж слишком быстро, подумал Синго.

Может, все-таки кто-то дал ему яду? Возможно, он просил об этом не одного Синго. Или, может быть, покончил с собой еще каким-нибудь способом?

Было еще одно письмо – от Танидзаки. Хидэко извещала его, что перешла работать в другой салон. Вскоре после нее Кинуко тоже ушла оттуда и переехала в Нумадзу, писала Хидэко. В Токио это трудно, а в Нумадзу она сможет открыть небольшую собственную мастерскую, сказала она Хидэко.

Хидэко, правда, об этом не написала, но, может быть, Кинуко решила уехать в Нумадзу, чтобы тайно родить ребенка, подумал Синго.

Неужели, как и говорил Сюити, Кинуко решила снова жить самостоятельно, по собственному разумению, порвать всякие связи и с Сюити и с Синго?

Какое-то время Синго сидел неподвижно, глядя на сверкавшие в окне, умытые солнечные лучи.

Икэда, которая жила с Кинуко, осталась одна, – каково ей сейчас?

Синго решил непременно встретиться с Икэда или Хидэко и расспросить о Кинуко.

Во второй половине дня он пошел выразить соболезнование семье покойного приятеля. Там Синго впервые узнал, что его жена умерла еще семь лет назад. Он жил, видимо, в семье старшего сына, у которого было пятеро детей. Ни сын, ни внуки не были похожи на покойного приятеля.

Синго было интересно узнать, действительно ли он покончил с собой, но спрашивать об этом, естественно, не следовало.

Среди цветов, лежавших у гроба, было много хризантем.

Когда Синго, вернувшись в фирму, просматривал с Нацуко документы, неожиданно позвонила по телефону Кинуко. Не случилось ли чего, забеспокоился Синго.

– Кинуко? Где ты? В Токио?

– Да. Ездила к своим. – Чувствовалось, что она улыбается. – Мама сказала, что хочет поговорить со мной, вот я и поехала, а никакого дела у нее нет. «Просто стало скучно, говорит, решила посмотреть на тебя».

– Понятно.

У Синго отлегло от сердца. Может быть, и потому, что по телефону у Кинуко был совсем девичий голос, но не только поэтому.

– Отец, вы уже едете домой?

И– Да. Может, поедем все вместе?

– Хорошо. Мне так хотелось ехать с вами – и я позвонила.

– Прекрасно. Если у тебя есть еще дела, не торопись. Я предупрежу Сюити.

– Дел никаких нет, я уже собралась домой.

– Тогда, может, ты заедешь в фирму?

- А это удобно? Я-то думала подождать вас на вокзале.
 - Нет, лучше приезжай сюда. Возьмем с собой Сюити. Перекусим втроем – и домой.
 - Я ему звонила, сказали, куда-то вышел, на месте его нет.
 - Что ты говоришь?
 - Можно, я все равно прямо сейчас приеду? Дела свои я уже закончила.
- У Синго горело лицо, он неожиданно четко увидел улицу за окном.

Рыба осенью

1

Октябрьское утро. Рука Синго, завязывавшая галстук, неожиданно замерла.
 – Как же это? Как же это?... – Он опустил руки, лицо у него стало растерянным. – Что ж это такое?

Синго распутал галстук и снова попытался завязать, но галстук никак не завязывался.

Он взял галстук за концы, поднял на вытянутых руках и, склонив голову, стал разглядывать.

– Как же это делается?

Кикико, стоявшая за спиной Синго с пиджаком наготове, обошла его и встала перед ним.

– Галстук никак не завязывается. Забыл вдруг, как завязывать. Странно...

Неловким движением Синго обернул галстук вокруг пальцев, пытаясь пропустить через узел один конец, и от этих непонятных действий галстук стал похож на разжеванную клецку. Синго все время повторял: «Странно», – но в глазах его застыли страх и отчаяние, и это испугало Кикико.

– Отец, – окликнула она его.

– Как же это делается?

Синго стоял понуро, не в силах вспомнить, как завязывают галстук.

Видя это, Кикико перекинула через руку пиджак и подошла к нему вплотную.

– Как же это делается?

Пальцы Кикико, неумело перебиравшие галстук, расплывались перед старческими глазами Синго.

– Совсем забыл.

– Но ведь вы же сами, отец, каждый день завязываете галстук.

– Да, конечно.

Почему вдруг сегодня не завязывается галстук, который Синго заученными движениями завязывал ежедневно в течение всех сорока лет работы в фирме? Ему даже думать не нужно было, как это делается, руки действовали машинально. Завязывал бездумно.

Синго стало страшно, он растерялся: в нем неожиданно что-то сломалось.

– Я каждый день вижу, как это делается, и вот... – Кикико с серьезным лицом сосредоточенно вертела в руках галстук Синго.

У Синго появилось чувство, что он снова возвращается в детство и уже не сможет обходиться без посторонней помощи.

У Кикико приятно пахли волосы.

Неожиданно Кикико перестала вертеть галстук и покраснела.

– Нет, ничего не получается.

– А Сюити ты разве никогда не завязывала галстук?

– Никогда.

– Только развязывала, когда он возвращался пьяный?

Кикико чуть отстранилась и, нахмурившись, уставилась на повисший галстук Синго.

– Может быть, мама знает? – И, переведя дыхание, позвала: – Мама! Мама! Отец никак не завяжет галстук... Вы не поможете?

– Ну что там опять?

С недовольным лицом появилась Ясуко.

– Неужели сам не можешь завязать?

– Отец забыл, как завязывают.

– Я всегда делал это машинально, а сейчас забыл. Странно.

– Действительно странно.

Кикуко отошла в сторону, и Ясуко встала перед Синго.

– Хм. Я что-то тоже не знаю, как это делается. Забыла, наверно, – сказала Ясуко, дотрагиваясь до подбородка Синго рукой, в которой был зажат галстук. Синго закрыл глаза.

Ясуко начала неумело завязывать галстук.

Оттого, видно, что у Синго была запрокинута голова и кровь прилила к затылку, он стал внезапно терять сознание, в глазах засверкала серебром снежная пыль. Снежная пыль от рухнувшей с горы лавины в лучах вечернего солнца. Синго даже грохот услышал.

Наверно, это кровоизлияние, испугался Синго и открыл глаза.

Кикуко, затаив дыхание, внимательно следила за каждым движением Ясуко.

Это был призрак той лавины, которую давным-давно, еще у себя на родине, видел в горах Синго.

– Ну как, ничего?

Ясуко уже завязала галстук и теперь поправляла его.

Синго тоже стал терзать галстук и случайно коснулся руки Ясуко.

– О-о.

Синго вдруг вспомнил. Когда он окончил университет и первый раз в жизни надел пиджак, галстук ему завязала сестра Ясуко.

Избегая взглядов Ясуко и Кикуко, Синго повернулся к зеркалу, вделанному в платяной шкаф.

– Как будто все в порядке. Да, совсем из ума выжил. Забыл вдруг, как завязывают галстук. Ужас.

Судя по тому, что Ясуко удалось довольно быстро завязать галстук, она, наверно, завязывала его Синго, когда они были молодоженами? Но вспомнить точно он никак не мог.

Или, может быть, она завязывала галстук своему красавцу зятю, когда после смерти сестры пришла в его дом вести хозяйство?

Кикуко, надев гэта, встревоженная, вышла проводить Синго до ворот.

– Вы поздно?

– Нет, приема сегодня не будет. Так что я не задержусь.

– Возвращайтесь пораньше.

Подъезжая к Офунэ, Синго увидел в окно электрички Фудзи, ярко вырисовывавшуюся на прозрачном осеннем небе, и стал проверять галстук, – он был завязан наоборот. Тот конец, который должен быть длиннее, оказался короче. Ясуко ошиблась, потому что, завязывая галстук, стояла к Синго лицом.

– Ну что такое...

Синго развязал галстук и без труда повязал его заново.

То, что совсем недавно он не мог вспомнить, как это делается, казалось ему теперь неправдоподобным.

2

В последнее время Сюити все чаще стал возвращаться домой вместе с Синго.

Электрички до Иокосука, ходившие вообще-то с интервалом в полчаса, по вечерам отправлялись каждые пятнадцать минут и часто бывали полупустые.

В Токио напротив Синго и Сюити села молодая женщина.

– Прошу вас, присмотрите, пожалуйста, – обратилась она к Сюити и, положив на скамейку сумку из красного пластика под замшу, встала.

– Вам два места?

– Видите ли...

Женщина ответила туманно – ее густо напудренное лицо при этом несколько не покраснело – и, повернувшись к ним спиной, вышла на платформу. На ее изящной фигурке пальто с чуть приподнятыми плечами, мягкими складками спадавшее вниз, выглядело очень элегантно.

Синго был потрясен – как это Сюити сразу все сопоставил и спросил: вам два места? Быстро соображает. Как он мог догадаться, что женщина кого-то ждет, с кем-то условилась встретиться?

После вопроса Сюити Синго тоже решил, что женщина вышла, чтобы встретить попутчика.

И еще одно – почему женщина, севшая у окна, как раз напротив Синго, обратилась не к нему, а к Сюити? Может быть, потому, что, поднимаясь со своего места, она смотрела в сторону Сюити, а может быть, и потому, что Сюити всегда приветлив и женщины чувствуют себя с ним свободно?

Синго взглянул на Сюити.

Сюити читал вечерний выпуск газеты.

Вскоре женщина вернулась в вагон и, задержавшись у открытой двери, еще раз осмотрела платформу. Человека, с которым она условилась встретиться, видимо, там не было. Когда женщина возвращалась на свое место, ее светлое пальто, застегнутое под шеей на одну большую пуговицу, слегка колыхалось при каждом ее шаге. Карманы были прорезаны довольно низко, и женщина, держа руки в карманах, шла, как бы раскачивая пальто. Несколько необычный покрой пальто очень шел ей.

На этот раз она села напротив Сюити. Она трижды обернулась к двери, – с нового места ей лучше был виден вход.

Место напротив Синго было занято ее сумкой – цилиндрической, с закругленными краями и большим замком.

Бриллиантовые серьги были скорее всего фальшивые, но сверкали, как настоящие. На ее узком лице выделялся толстоватый нос. Рот маленький, прекрасной формы. Слегка вздернутые густые брови подбриты. Чуть припухшие веки, округлый подбородок. В общем, очень красивая женщина.

В глазах усталость, возраст не определить.

У входа поднялась суতোлка – молодая женщина и Синго посмотрели в ту сторону. В вагон вошло несколько мужчин с огромными ветками клена. Они весело толкались, возвращаясь, видимо, из туристской поездки.

Багровые листья клена скорее всего с севера, подумал Синго.

Мужчины, не стесняясь, переговаривались громкими голосами, и стало ясно, что клены из Этиго.

– Наверно, и в Синею клены уже красные, – сказал Синго.

Но Синго вспомнил не столько клены в горах на своей родине, сколько багровые листья карликового клена, который поставили у алтаря после смерти старшей сестры Ясуко.

Сюити тогда еще не было на свете.

Синго пристально смотрел на ветки клена, которые лежали на скамейке, напоминая пассажирам о времени года.

Выйдя из задумчивости, Синго вдруг обнаружил, что напротив него сидит отец молодой женщины.

Значит, она ждала отца? Непонятно почему, Синго это успокоило.

У отца и у дочери были одинаковые толстые носы – рядом они выглядели смешно. И даже волосы росли у них одинаково. Отец был в очках в темной оправе.

И отец и дочь сидели безучастно друг к другу, с неподвижными лицами, не разговаривая между собой. Незадолго до Синагава отец заснул. Дочь тоже закрыла глаза. У них даже

ресницы, казалось, были одинаковые. Сюити не был так похож на Синго.

Синго хотелось, чтобы отец и дочь перекинулись хотя бы словечком, но в то же время он даже немного завидовал тому, что они сидят безучастные друг к другу, как чужие.

Наверно, и дома у них мир и покой.

И когда в Йокогаме вышла только женщина, Синго был потрясен. Вот тебе и отец и дочь, – совершенно чужие.

У Синго даже настроение испортилось.

В Йокогаме сосед лишь чуть приоткрыл глаза и снова заснул.

Когда не стало женщины, этот пожилой мужчина показался Синго каким-то неприятным.

3

Синго толкнул Сюити локтем.

– Значит, они не отец и дочь, – прошептал он. Но Сюити отнесся к этому не так, как ожидал Синго.

– Видел? Нет?

Сюити презрительно кивнул.

– Странно.

Сюити не считал, видимо, это странным.

– Похожи, правда?

– Пожалуй.

Мужчина спал, поезд гроыхал, но все равно громко говорить о попутчике, который сидит напротив, не следовало.

Это было неприлично, и Синго, опустив глаза, вдруг загрустил.

Он, казалось, должен был с грустью думать об этом человеке, а грусть почему-то поселилась в нем самом.

От станции Ходокэтани до Тоцука довольно далеко. И осеннее небо успело потемнеть.

Возможно, мужчина был моложе Синго, но не намного, – тоже, наверно, что-нибудь под шестьдесят. А женщина, вышедшая в Йокогаме, пожалуй, одних лет с Кикико. У Кикико глаза красивее.

По все-таки неужели та женщина не дочь этого человека?

Недоумение Синго все усиливалось.

Есть, конечно, люди настолько похожие друг на друга, что кажутся родными. Но их не так уж много. Может быть, этот мужчина – единственный двойник той женщины, а она – единственный его двойник. У каждого всего по одному двойнику. Возможно, что это единственный на свете случай поразительного сходства двух чужих друг другу людей. И каждый из них живет, не имея никаких родных и даже не зная о существовании другого.

Они встретились совершенно случайно в электричке. Впервые столкнулись и вряд ли увидятся еще когда-нибудь – одна тридцатиминутная встреча за всю их долгую жизнь. И расстались, не обмолвившись ни словом. Они сидели рядом и, видимо, как следует не рассмотрели друг друга, а то и вообще не заметили своего поразительного сходства. Люди, в которых воплотилось чудо, расстались, так и не узнав, что в них воплотилось чудо.

Потрясен был посторонний – Синго.

Но, думал Синго, может быть, и я, случайно оказавшийся свидетелем чуда, тоже стал частью этого чуда?

Что же это за сила, которая создала мужчину и женщину, похожих друг на друга, как отец и дочь, соединила их всего на тридцать минут и показала Синго?

Ведь только потому, что тот, кого ждала молодая женщина, не пришел, она оказалась рядом с мужчиной, которого можно было принять за ее отца.

– Эта сила – сама жизнь, не иначе, – прошептал Синго.

Когда электричка остановилась в Тоцука, спавший мужчина поспешно вскочил, и его

шляпа упала с багажной полки под ноги Синго. Синго поднял ее.

– Благодарю вас.

Не стряхнув пыли, мужчина надел шляпу и вышел.

– Странный случай, правда? Оказался совершенно посторонним ей человеком, – уже не стесняясь, громко сказал Синго.

– Они действительно похожи, но облик у них совершенно разный.

– Облик?...

– Девушка бодрая, живая, а он какой-то пришибленный.

– Просто девушка принаряжена, а пожилой человек одет как попало – в жизни это часто бывает.

– Это верно, но у них стиль одежды, как бы сказать, совсем разный.

– Хм, – кивнул Синго. – Женщина, если помнишь, сошла в Йокогаме. И, как только мужчина остался один, мне показалось, он сразу как-то сник...

– Это верно. Но он таким был и раньше.

– И все-таки мне странно, почему он так сразу сник. Словно тоска его вдруг охватила, что ли. Он ведь моложе меня, и вот...

– Так бывает, бывает, стоит старику оказаться рядом с молодой женщиной, у него сразу же появляется самодовольно-победоносный вид. Ты и сам такой же, отец, а? – пошутил Сюити.

– Что ж поделаешь, если молодые люди, как ты, завидуют старику.

– Нет, я не завидую. Союз молодого красавца и красавицы очень уж непрочен, а некрасивый рядом с красавицей выглядит жалким, – нет, красавиц я уступаю старикам.

Синго все не переставал удивляться поразительному сходству сидевших напротив.

– И все-таки не исключено, что это отец и дочь. Я вот подумал, а вдруг эта женщина – его внебрачная дочь. Встретившись, они не назвали себя и так и не узнали, что они отец и дочь...

Сюити отвернулся.

После слов Синго он даже выругался про себя. Сюити никак не ожидал, что отец станет подпускать шпильки.

– Лет через двадцать с тобой может случиться то же самое.

– Ты все время к этому и клонил, отец, а? Нет, я не такой сентиментальный фаталист. Вражеские снаряды свистели над самой моей головой, и ни один не угодил в меня. И в Китае, и на островах южных морей у меня, может, есть незаконнорожденные дети. А встретиться со своим незаконнорожденным ребенком и разойтись, не узнав друг друга, – это пустяк по сравнению со свистом снарядов над головой. Для жизни, во всяком случае, не опасно. Кроме того, Кинуко, может быть, родит девочку, и если уж сама Кинуко утверждает, что ребенок не от меня, я предпочитаю тоже так думать.

– Военное время и мирное – совсем не одно и то же.

– Может быть, за нами уже гонится новая война, а может быть, и призрак прошлой, которая нас все еще не отпускает, – сказал Сюити. – И только потому, что та женщина чуточку отличается от других, – добавил он осуждающе, – ты, отец, увидел в ней что-то привлекательное и размечтался о ней. Если женщина хоть чуть-чуть отличается от других, мужчина тут же попадает в ее сети.

– А ты, если женщина хоть чуть-чуть отличается от других, предпочитаешь наградить ее ребенком, и пусть потом воспитывает его как может, тебя это не касается.

– Я этого не хотел. Хотела этого только она. Синго ничего не ответил.

– Женщина, что сошла в Йокогаме, я уверен, свободна.

– Может быть.

– Наверняка не замужем, и если ее пригласить – пойдет. Держится неприступно, а сама не такая уж добропорядочная, и положение у нее не очень прочное.

Синго оторопел от этих наблюдений Сюити.

– Ужасный ты человек, Сюити. Когда ты успел стать таким циником?

– Кикуко свободна. В самом деле свободна. Я не хочу быть ни стражником, ни арестантом, – вызывающе бросил Сюити.

– Что ты имеешь в виду, заявляя, что твоя жена свободна? Ты и Кикуко это говорил?

– Нет, Кикуко лучше скажи это ты, отец. Синго ответил резко:

– Ты хочешь сказать – не считай больше Кикуко своей невесткой?

– Нет, почему же? – сбавил тон Сюити. – Разговор начался с того, что женщина, которая сошла в Иокогаме, свободна... Эта женщина примерно одних лет с Кикуко и даже чем-то на нее похожа – поэтому, вероятно, она и пожилой мужчина показались тебе отцом и дочерью.

– Что?

От неожиданности Синго совсем растерялся.

– Ничего подобного. Кем бы они ни доводились друг другу, их сходство кажется чудом.

– По правде сказать, не такой уж это потрясающий случай, как ты его представляешь.

– Нет, я действительно был потрясен, – ответил Синго, но когда Сюити догадался, что отец, не отдавая себе в этом отчета, думал о Кикуко, у Синго даже дыхание перехватило.

Пассажиры с ветками клена сошли в Офунэ. Глядя, как ветки клена движутся над платформой, Синго сказал:

– Может быть, съездим как-нибудь в Синею – полюбоваться на клены? С матерью и с Кикуко.

– Не знаю. Меня клены мало интересуют.

– Я хочу снова увидеть родные горы. И дом Ясуко – ей приснилось, что он весь развалился.

– Действительно разваливается. И если не починить, пока не поздно, совсем рассыплется. Остов, правда, еще крепкий – поэтому он и стоит, и если починить... Но зачем, собственно?

– Как зачем? Когда я уйду на пенсию, мы с матерью сможем уехать в деревню, а когда-нибудь, глядишь, и вы там поселитесь.

– Я могу остаться и присмотреть за нашим домом, а Кикуко – она еще не видела материнского дома в деревне – пусть едет вместе с вами, по-моему, это самое лучшее.

– А как сейчас Кикуко?

– С тех пор как у меня с той женщиной все кончилось, Кикуко стала какая-то скучная, ко всему безразличная.

Синго горько усмехнулся.

4

В воскресенье днем Сюити снова отправился удить рыбу.

Положив в ряд подушки для сидения, которые вынесли сушить на веранду, Синго улегся на них, подперев рукой голову, и стал греться на солнце.

На большом камне у порога лежала Тэру.

Ясуко сидела в столовой и, стопкой сложив на коленях газеты за десять дней, внимательно их читала.

Когда попадалась интересная, на ее взгляд, заметка, она окликала Синго и читала ему вслух. Это повторялось довольно часто, и Синго, несколько раз промычав в ответ что-то невразумительное, наконец не вытерпел.

– Перестала бы ты, Ясуко, по воскресеньям читать газеты, – сказал он и лениво повернулся на другой бок.

Перед нишей в гостиной Кикуко ставила в цветочную вазу вьющуюся декоративную тыкву.

– Кикуко, ты сорвала ее на горе за домом? – Да. Красивая, правда?

– Там, наверно, еще осталось? – Да. Еще пять или шесть.

Кикуко приподняла лозы, на которых висели три ярких плода.

Каждое утро, умываясь, Синго видел, как на горе за домом розовеют декоративные

тыквы, а сейчас, когда их принесли в гостиную, они оказались совсем красными.

Синго рассматривал декоративную тыкву, но в поле его зрения попала и Кикико.

Как невыразимо чиста и прекрасна линия от шеи до подбородка. Нет, эта прекрасная линия не могла появиться за одно поколение – много поколений трудилось над ней, подумал Синго с грустью.

Может быть, оттого, что прическа оголила шею, Кикико выглядела похудевшей.

Синго всегда знал, что у Кикико очень красивая шея, изящная, длинная, но сейчас под тем углом, под которым он, лежа, видел ее, она казалась еще прекраснее.

Может быть, от осенних лучей солнца. Линия шеи у подбородка подчеркивала чистоту Кикико.

Правда, шея уже чуть пополнела, и ее девичьи очертания начали исчезать.

– Только одну еще... – окликнула Ясуко Синго. – Очень интересно.

– Ну?

– Об Америке. Есть такой город Буффало, в штате Нью-Йорк. Буффало... Один человек в автомобильной катастрофе потерял левое ухо и ринулся к врачу. Врач опрометью выбежал из дому к месту катастрофы, разыскал окровавленное ухо, вернулся с ним домой и пришел пострадавшему. Ухо прекрасно прижилось. Здесь сказано, что и отрезанный палец может прирасти, если пришить его сразу.

– Что ты говоришь?

Ясуко некоторое время просматривала другие статьи, а потом вдруг заявила:

– То же самое и в семейной жизни. Если муж с женой, не успев разойтись, снова сходятся, все у них потом идет прекрасно. А когда после разрыва проходит слишком много времени, то...

– Ты о чем это? – сказал Синго, не задавая прямого вопроса.

– Разве у Фусако не так?

– Неизвестно, жив Аихара или мертв, и неизвестно, где он, – ответил Синго.

– Где он – это можно при желании выяснить, но... что это даст?

– Перестань причитать. Заявление о разводе уже послано. Нужно примириться с этим, и конец.

– Я смолоду научилась со всем примиряться, но когда у меня все время на глазах Фусако с двумя детьми, из головы не выходит: что делать? – Синго промолчал.

– Внешность у Фусако малопривлекательная, ты сам видишь. Но даже если кто-нибудь и сделает ей предложение и она выйдет замуж, дети все равно останутся здесь, и заботы о них лягут на Кикико, жаль ее.

– Если это случится, Кикико и Сюити станут жить отдельно и растить детей придется тебе.

– Мне, говоришь? Ты прекрасно знаешь, работы я не боюсь, но не забывай – мне уже за шестьдесят.

– Дела человеческие решаются на небесах. Куда ушла Фусако?

– К Большому Будде. Странные существа эти дети. Хотя Сатоко чуть не попала в автомобильную катастрофу, возвращаясь из храма, где стоит Большой Будда, она любит его и все время просит, чтобы ее отвели к нему.

– Вряд ли она любит именно Большого Будду.

– Нет, кажется, она и правда любит его.

– Странно.

Как ты думаешь, Фусако не захочет переехать и деревню? Получит в наследство наш дом.

– Да нет, какой это дом, – резко сказал Синго. Ясуко замолчала и снова углубилась в газеты.

– Отец, – позвала его на этот раз Кикико. – Рассказ мамы об ухе напомнил мне, как вы мечтали отделить голову от туловища, сдать в ее в клинику и там подчистить и подновить.

– Да-да. Когда я смотрел на подсолнухи. Нужда в этом становится все острее. То я забыл,

как завязывать галстук, а то, чего доброго, стану читать газету вверх ногами.

– Я ваши слова часто вспоминаю. Мне тоже все время хочется сдать свою голову а клинику.

Синго посмотрел на Кикуко.

– Хм. Каждую ночь я сдаю свою голову и клинику сна. Но, может быть, это связано с возрастом, что я без конца вижу сны. Как-то и прочел стихи: «Когда и душе тоска, мы видим сны – действительности продолженье». А вот мои сны не продолжение действительности.

Кикуко поставила в вазу декоративную тыкву и рассматривала ее со всех сторон. Синго тоже смотрел на нее.

– Кикуко, никогда не уходи от нас, – внезапно сказал он.

Кикуко встала, повернулась к Синго и, подойдя к нему, села рядом.

– Я боюсь жить отдельно. Я боюсь Сюити, – сказала Кикуко тихо, чтобы не слышала Ясуко.

– Неужели ты собираешься уйти от Сюити? Кикуко помрачнела.

– Если и уйду, все равно всегда буду заботиться о вас.

– Тебе это принесет только несчастье.

– Нет. Какое же это несчастье – делать что-нибудь с радостью.

Синго поразился – Кикуко впервые проявила такую горячность. И почувствовал всю опасность их разговора.

– Не потому ли ты, Кикуко, относишься ко мне так хорошо, что я как бы заменяю тебе Сюити? Мне кажется, вы с Сюити сейчас еще больше отделились друг от друга.

– Я его часто не понимаю. Иногда он вдруг становится мрачным – к нему не подступишься. – Кикуко, побледнев, смотрела на Синго, словно взывая о помощи.

– Да, война его сильно изменила. Иногда и я не могу понять, что с ним происходит. Он все делает наперекор. Как был бы я счастлив, если бы вам удалось мягко, без насилия снова соединить свои жизни, как то окровавленное ухо...

Кикуко сидела неподвижно, с помрачневшим лицом.

– Тебе Сюити не говорил: Кикуко, ты свободна?

– Не-ет. – Кикуко недоуменно посмотрела на Синго. – Как это – свободна?...

– Да, я тоже спросил Сюити, что он имеет в виду, заявляя, что его жена свободна. Если вдуматься, то это, видимо, значит: Кикуко должна освободиться от меня, а я должен сделать Кикуко более свободной.

– Вы говорите «я», подразумевая себя?

– Да. Слова Сюити, в сущности, означают: Кикуко свободна, скажи ей об этом сам.

В это время в вышине послышались какие-то звуки. Синго показалось, что это голос неба.

Посмотрев вверх, он увидел, что над самыми деревьями летят голуби.

Кикуко, видимо, тоже услышала шелест крыльев и подошла к краю веранды.

– Неужели я действительно свободна? – со слезами в голосе спросила она, провожая глазами голубей.

Тэру, спокойно лежавшая на камне у порога, услышав хлопанье крыльев, помчалась в сад.

5

В то воскресенье к ужину собралась вся семья – все семь человек.

И вернувшаяся домой Фусако, и двое ее детей теперь тоже стали членами семьи.

– В рыбной лавке было только три форели. Третью я дам Сатоко. – С этими словами Кикуко поставила форель перед Синго, перед Сюити и перед Сатоко.

– Дети форель не едят, – протянула руку Фусако. – Отдай бабушке.

– Нет. – Сатоко ухватила за тарелку. Ясуко сказала спокойно:

– Форель очень большая. И в этом году последняя. Я возьму кусочек у деда. Кикуко – у

Сюити...

Ее слова разбили семью на три части и как бы сразу превратили ее в три семьи.

Сатоко стала поспешно отщипывать палочками куски рыбы.

– Вкусно? Ешь аккуратнее, – поморщилась Ясуко и, подцепив палочками икринки форели, положила их в рот младшей, Кунико. Сатоко не возражала. – Икорка... – пробормотала Ясуко и ухватила своими палочками немного икры от форели Синго.

– Давно, еще в деревне, сестра Ясуко попросила меня сочинить трехстишие, – помучился я тогда над ним, – и задала тему: то ли форель осенью, то ли форель, которая плывет вниз по реке метать икру, то ли форель на нере.сте, – начал Синго и, взглянув на Ясуко, продолжал: – В общем, нужно было, чтобы в трехстишии была форель, которая, отметав икру, с трудом спускается по реке к морю – истощенная, без сил.

– Как я, – быстро сказала Фусако. – Хотя я никогда не была так привлекательна, как форель.

Синго сделал вид, что не слышит.

– На эту тему есть старинные трехстишия: «Время пришло, на волю волн отдалась осенняя форель», – или еще: «Мчится в стремнине к собственной смерти форель».

– Да, уж если о ком эти трехстишия, так обо мне. – Нет, обо мне, – сказала Ясуко.

– Неужели, отметав икру и спустившись к морю, она погибает?

– Думаю, погибает. Иногда встречается форель, которая круглый год прячется в речных заводях, – ее называют ленивой.

– Я, пожалуй, принадлежу к ленивой форели.

– А я не хочу быть и ленивой форелью, – сказала Фусако.

– Но после возвращения домой ты поправилась и цвет лица лучше стал, – сказала Ясуко, посмотрев на Фусако.

– Толстеть мне ни к чему.

– Вернуться в родительский дом – все равно что спрятаться в тихой заводи, – сказал Сюити.

– Долго прятаться не собираюсь. Противно. Лучше уж спуститься к морю. – Голос Фусако звучал пронзительно. – Сатоко, там уже одни кости. Оставь, – набросилась она на Сатоко.

Ясуко поморщилась.

– От отцовского рассказа чудесная форель потеряла всякий вкус.

Фусако, потупившись, снова заговорила:

– Отец, ты не сможешь мне обзавестись пусть хоть крохотной лавочкой? Косметической или писчебумажной... Можно и на окраине. Я даже готова торговать спиртными напитками – в распивочной или вразнос.

Сюити был потрясен.

– Неужели ты могла бы заняться таким унижительным делом?

– Могла бы. А что тут такого, посетители придут не на меня любоваться, а сакэ пить. Да и разговаривать им со мной не о чем – они уверены, что у них красавицы жены.

– Я не в этом смысле.

– Конечно, сестра сможет. Любая женщина способна заняться каким угодно, даже самым унижительным, делом, – неожиданно сказала Кикуко. – И если сестра займется им, я готова помогать ей.

– Ого. Это становится любопытным.

Сюити всем своим видом показывал, как он удивлен. За столом воцарилась тишина. Кикуко покраснела до ушей.

– А не поехать ли нам в следующее воскресенье в деревню полюбоваться осенними кленами? – сказал Синго.

– Полюбоваться кленами? Я бы поехала. Глаза Ясуко заблестели.

– Кикуко, поедem с нами. Мы ведь тебе еще не показывали наши родные места.

– Хорошо.

Фусако и Сюити надулись.

– А кто останется присматривать за домом?

– Я останусь, – ответил Сюити.

– Нет, я останусь, – воспротивилась Фусако. – Но раньше, чем вы уедете в Синею, мне бы хотелось, отец, получить от тебя ответ.

– Ладно, решим что-нибудь, – сказал Синго и вспомнил Кинуко, которая, ожидая ребенка, открыла в Нумадзу небольшую швейную мастерскую.

После обеда Сюити первым поднялся из-за стола и вышел.

Синго тоже встал, потирая затекший затылок, и, войдя в гостиную, зажег свет.

– Кikuко, – позвал он, – твоя тыква провисла чуть ли не до пола. Слишком тяжелая, наверно.

Кikuко мыла посуду и, видимо, не слышала.